

КИРИЛЛ ТЫРОВ

ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА

Галактика состоит из бесконечного количества параллельных миров, идентичных нашей Вселенной

Хью Эверетт

Герой фантастического романа — студент пятого курса кафедры ядерной физики, Андрей просыпается в незнакомой квартире. Точнее квартира знакомая, вот только обстановка в ней совершенно другая. Дом, адрес, дата, город — всё как обычно, а квартира не та. Странности продолжаются, когда он решает выйти и прогуляться по городу — город тоже изменился до неузнаваемости, к тому же, ему встречаются люди, близко знакомые с ним, но которых сам он видит впервые в жизни. Спустя какое-то время, Андрей понимает, что попал в параллельную вселенную. Но проблемы на этом не заканчиваются. На следующий день, герой вновь оказывается в параллельном мире, а позже выясняет, насколько многогранно пространство-время. Что случилось с его прошлой жизнью, куда делись его друзья, работа и родной город? Ответы на эти вопросы даёт роман «Первая проекция».

Кирилл Вячеславович Туров

Первая проекция

Пролог

Вот уже какое-то время я не могу понять, что со мной происходит. Каждое утро я боюсь открывать глаза, в очередной раз ожидая того, что проснусь не в своей постели, не в своём доме. Впрочем, «своими» все последние дома я могу назвать только с большой натяжкой. Всё это началось совсем недавно — какую-то неделю или полторы назад. Честно говоря, я немного запутался в происходящем, поэтому мне сейчас тяжело восстанавливать хронологию всех событий. Но я постараюсь это сделать. Я постараюсь вести дневник наблюдений, даже если каждый раз мне придётся его писать с самого начала. Это помогает мне не сходить с ума от происходящего и хоть как-то систематизировать события.

Глава 1

Начало пути

— Андрей, что с показателями давления? — голос куратора испытания вывел меня из размышлений о вечном. Я глянул на пляшущие столбцы графиков, нашёл барометрические, сделал, как и подобает, небольшую отметку в журнале, после чего ответил:

— Показатели давления в норме.

Куратор продолжил спрашивать, о температуре, скорости распада ядра, количестве электронов, пойманных специальной электромагнитной ловушкой, а также о прочих, абсолютно стандартных данных, которые используются для корректировки эксперимента, в случае необходимости. Наконец, пришло время завершать опыт, и я облегчённо вздохнул, поскольку теперь можно было отправиться домой — моя смена давно закончилась, но мне пришлось задержаться из-за затянувшегося эксперимента. Куратор, коим был мой достопочтимый научный руководитель, Фёдор Геннадьевич, объявил об окончании работы.

— Двадцать второе сентября две тысячи сорок второго года. Вторник. Время — девятнадцать ноль-ноль. Испытание нагнетателя проведено успешно. Нагнетатель активирован на двадцатипятипроцентную мощность и работает в штатном режиме. Новый рубеж преодолён. Поздравляю, коллеги.

В лаборатории, кроме меня и научрука никого не было, но он каждый раз повторял одну и ту же фразу, формализуя проводимые нами опыты до тошноты. В первые несколько раз я даже оглядывался по сторонам в поисках тех самых коллег, которых он поздравлял. Фёдор Геннадьевич на все мои вопросы отвечал лишь стандартной фразой:

— Регламент нарушать нельзя!

Чудаковатый он был, но научруков не выбирают. Мне нужна была рабочая практика, а на единственном предприятии в области, которое занимается исследованиями в области ядерного распада, был жуткий профицит кадров. Для того, чтобы попасть на настоящую практику, было всего три пути — связи на предприятии, прямое направление от университета или упрямство и немного везения. Связями я не обладал, учился не так, чтобы плохо, но не настолько, чтобы получить «зелёный билет» в лабораторию, а вот третий путь мне был под силу.

Месяца три я отбивал ботинки, пытаясь добиться аудиенции в отделе кадров, затем ещё два месяца бегал с разными бумажками и заставил их подписать, как мне кажется, половину сотрудников организации, а потом ещё месяц ловил Фёдора Геннадьевича в проходной, чтобы он наконец-то взял меня к себе.

Фёдор Геннадьевич был низкого роста, очень худой по телосложению, имел привычку надолго задумываться, глядя в какие-то одному ему известные дали, а также постоянно щурился, если забывал надеть очки. Почтенный возраст давал о себе знать. Кроме того, уже на самой первой встрече, мой научный руководитель оставил о себе неизгладимое впечатление.

Начать стоит с того, что он перепутал меня с другим сотрудником, поздоровался со мной и повёл меня в какое-то небольшое на вид здание. Больше всего в тот день мне запомнился деревянный пол, каждый шаг по которому отдавался гулким эхом, распространяющимся в лабиринте бесконечных коридоров. Когда мы дошли до нужной двери, которая никак не отличалась на вид от других таких же дверей, выходящих в коридор,

Фёдор Геннадьевич резко остановился и повернулся ко мне.

— Погоди-ка, ты ведь не Полосков, верно? И не Марина?

Я, конечно, не отличался телосложением атлета, но наличие довольно длинной щетины на лице, как минимум, должно было заставить задуматься моего, пока ещё не состоявшегося руководителя. Я так опешил от его вопроса, и, сказал первое, что мне пришло в голову.

— Кажется, нет.

Фёдор Геннадьевич, к тому времени, уже открыл дверь своим ключом и пригласил меня войти внутрь.

— Печально-печально. Судя по всему, мы с ним немного разминулись. Ну что ж, будем работать с тем, что есть.

«Тот, что есть» молча вошёл в кабинет и протянул стопку документов.

— Я учусь на заочном отделении ядерной физики Снежинского физико-технического института и должен пройти преддипломную практику. Готов работать усердно и задерживаться, если необходимо до позднего времени. Но, кроме вас, все остальные сотрудники заняты. Меня послали к вам.

Фёдор Геннадьевич нахмурился, глядя на протянутые документы, затем вздохнул так, будто на него взвалили невероятную ношу и завершил наше знакомство.

— Лучше бы ты был Полосковым. Ладно, давай свои бумажки. Завтра в восемь утра чтобы как штык был у кабинета.

На следующее утро, как и на протяжении следующих нескольких недель, я заявлялся в назначенное время к своему руководителю и верно ждал его около кабинета, на протяжении часа или полутора — в зависимости от настроения Фёдора Геннадьевича. Каждый день он встречал меня с таким искренним удивлением, будто видел в первый раз. Тем не менее, мы быстро начинали работу, поскольку он не хотел тратить своё бесценное время на пустые разговоры со студентами. Он редко обращался ко мне по имени, именуя просто «студентом», «ассистентом» или «помощником», но не в этот день.

На этот раз, он соизволил вспомнить моё имя и одарил меня загадочной улыбкой. Мы уже долгое время работали над его экспериментальной установкой, которую он называл нейтронным нагнетателем. Какие функции оно должно было выполнять я знал — возможность создания нейтроноизбыточных ядер, но практического применения пока не понимал абсолютно. Фёдор Геннадьевич объяснял, что его нагнетатель, в теории, способен создавать островки стабильности и ещё что-то о дважды магических ядрах. Услышав на практике в первый раз о магических ядрах, я рассмеялся и не преминул объясниться перед научруком.

— А эти ядра к какой школе относятся, стихийной или тёмной?

Но увидев его выражение лица, поспешил заткнуться, поскольку оно не предвещало ничего хорошего.

В общем, в этот день, он чуть ли не впервые начал называть меня по имени, потому как мы смогли запустить нагнетатель на четверть мощности и даже умудрились не уничтожить половину тестового стенда, как это уже бывало несколько раз. Эксперименты с электронами и нейтронами — дело нешуточное, нужно соблюдать большую осторожность в работе.

Опыт проходил достаточно напряжённо и, в какой-то момент, мне показалось, что датчики начали вести себя неадекватно. Но это продлилось всего несколько секунд, к тому же они стабилизировались к концу проведения эксперимента, поэтому я решил не заострять особого внимания на своём наблюдении — мало ли, что могло показаться нерадивому

лаборанту. Кроме того, мне не хотелось расстраивать учёного какими-то пустяками.

Фёдор Геннадьевич, наконец-то возвестил об окончании рабочего дня. Он явно был в приподнятом настроении после успешно проведённого эксперимента.

— Ну что ж, коллега. Сегодня мы можем закончить немного пораньше, поскольку ровно в полночь, установка заработает на целых пятьдесят процентов сразу, в автоматическом режиме. Судя по идеальным показателям, мы можем себе такое позволить и отпраздновать это событие здоровым богатырским сном.

С чувством выполненного долга, я начал собираться домой. Последние пару месяцев, с самого начала практики, я жил один, вдали от родного города. После трудоустройства в НИИ, мне назначили минимальную оплату, чего, вместе со стипендией ударника, вполне хватало одинокому студенту.

Добравшись до своей квартиры, я, как обычно, посидел немного перед сном в интернете, выпил огромную кружку чая с печенюшками и отправился спать. Я надеялся хорошенько выспаться перед новым трудовым днём. Но, стоило мне только закрыть глаза и немного задремать, как вдруг меня разбудил собственный телефон, лежащий под подушкой. Открыв глаза, я понял, что не заметил, как проспал всю ночь.

Будильник на телефоне истошно вопил какую-то незнакомую мне мелодию, я на автомате попытался смахнуть по экрану пальцем, но наткнулся на какую-то кнопку снизу. Странно, мне казалось, что на моём смартфоне кнопок никаких не было. Разлепив глаза и сосредоточившись на телефоне, я понял, что держу в руках не свой. Сон как рукой сняло. Я поднялся на кровати, огляделся по сторонам и потянулся к одежде. Кажется, вчера я её кинул в другое место. Тем не менее, я натянул лёгкие брюки, футболку, ощущая какую-то неправильность всего вокруг. Квартира была, как будто моей и, одновременно, не моей. Расположение комнат было тем же, но все вещи лежали совсем в других местах.

Денег у меня было немного, поэтому я смог позволить себе только небольшую однушку, за вполне приемлемую цену, уже обставленную мебелью для квартиросъёмщиков. И уж точно я не мог позабыть расположение предметов в таком ограниченном пространстве. Кухня, комната, ванная, совмещённая с туалетом — всё было на месте. Но вещи, как арендованные, так и купленные мной за одну ночь изменились до неузнаваемости. Я бродил по квартире ничего не понимая. Дошёл до входной двери, проверил замок, вспомнив старый советский фильм про то, как герой перепутал свою квартиру с чужой, открыв дверь своим ключом, находясь в другом городе. Да, в то время такой случай мог произойти — типовые плановые застройки, типовые проекты домов, но не в наше же время.

К тому же, я ведь не мог перепутать свою квартиру в одном городе с какой-то другой — из города я не уезжал, да и спать лёг в свою кровать, а не чужую. Оглядевшись ещё раз по сторонам, я снова убедился в том, что это моя квартира, но много чего не хватало, в том числе моего домашнего компьютера. Будильник зазвонил повторно, возвещая о прошедших со времени подъёма пятнадцати минутах, и я понял, что если сейчас же не возьму себя в руки, то опоздаю на практику. Я быстро умылся, почистил зубы, накинул поверх футболки толстовку, обулся и пошёл на улицу.

Улица меня встретила свежим ветерком ранней осени. Деревья начали менять цвет в сторону жёлтых и красных оттенков, солнце пока грело, но не настолько, чтобы ходить в одной лишь футболке, а тротуары начали покрываться золотистым ковром из опавшей листвы. Но и на улице, несмотря на знакомую погоду меня ждал ряд удивлений. Во-первых, отсутствовал небольшой магазин, который стоял рядом с моим домом. В него я частенько

забегал за покупками — купить вкусняшки к чаю перед сном или пачкупельменей с утречка. Во-вторых, расположение домов было немного другим. Автобусная остановка стояла чуть дальше положенного, да и, в целом, всё выглядело немного, но по-другому.

— Какого лешего? — не смог удержаться я от комментария.

На лавочках сидели две старушки, которые при виде заспанного и ошеломлённого меня начали громко обсуждать современную молодёжь, которая до утра где-то шляется, а потом, «почти не выспавшись», несётся сломя голову на работу.

— Вот и Андрюша тоже, — сказала одна из бабушек, кивнув в мою сторону, — Пришёл вчера в три часа ночи после гулянок, открыть квартиру не мог. Шумел на весь подъезд. Милицию скоро вызывать буду.

Я хотел было что-нибудь ответить, оторопев от такой несправедливости, но увидел подъезжающий к остановке трамвай. Трамваев в городе отродясь не было — я всегда добирался до дома либо на маршрутке, либо на попутках, поэтому спросил, единственное, что мне пришло в голову.

— И давно тут трамваи ходят?

Бабушки громко рассмеялись, будто я сморозил какую-то чушь.

— Со времён Хрущёва, Андрюшенька. Неужто забыл?

Ещё меня удивил тот факт, что бабуля меня знала по имени — за два месяца я толком не успел ни с кем познакомиться, тем более, с бабушками.

— А вы откуда меня знаете?

Бабуля вытаращила на меня глаза.

— Андрей, да ты никак перепил вчера? Уж второй десяток пошёл, как забыть-то можно? Я ж тебя ещё с пелёнок знаю, когда твои мамаша с папашей ещё живы были, царствие им небесное.

Такую информацию переварить сходу я не смог, у меня резко разболелась голова, и, к своему удивлению, мне захотелось выпить чего-нибудь покрепче, хотя к алкоголю я всегда относился если не негативно, то уж точно нейтрально. На мой взгляд, решать проблемы алкоголем могут только те, кто не способен их решать в принципе. Не дослушав бабулю до конца, я отправился к остановке, чтобы спокойно обдумать сложившуюся ситуацию — до работы нужно было добираться около часа, так что времени было предостаточно.

Глава 2

Не тот город

На остановке я сел в первый подъехавший трамвай, поскольку, как оказалось с моей остановки ходит единственный маршрут. Об этом мне любезно сообщил кондуктор трамвая, когда я спросил у него дорогу до центра. От навалившихся на меня событий, голова пошла кругом, отчего я первые несколько минут в трамвае ехал с закрытыми глазами, пытаюсь сообразить, что делать дальше. Судя по общему состоянию, головной боли и головокружению, создавалось впечатление, что я действительно вчера очень хорошо поддал, а сейчас нахожусь в стадии, следующей после белой горячки. Решив не забивать себе этим сильно голову, я всё же понял, какие основные шаги должен сделать.

Первый шаг — обратиться к врачу. Если судить по тому, что меня узнала какая-то старушка около подъезда, значит я потерял память. Но не мог же я заменить воспоминания другими. Или мог? Голова опять разболелась. Я ведь чётко помнил, как мы вчера с Фёдором Геннадьевичем разошлись по домам. Да и события предыдущих дней я, с горем пополам, мог восстановить. Просто событий особо не было — моя жизнь последние два месяца превратилась в бесконечный цикл. Дом — работа — дом. Особо нечего было вспоминать. Хорошо, но я ведь помнил, как приехал в этот город на практику. Кстати, как он называется?..

У меня перехватило дыхание от того, что я не смог вспомнить название города. Затем я попытался вспомнить то, как я до него добирался. Пустота. Абсолютно ничего. Все события в городе помню, работу помню, Фёдора Геннадьевича помню. Имя? Андрей Резников. Хорошо хоть имя помню. Покопавшись ещё немного в своей памяти, я понял, что помню всё, что происходило со мной в городе, помню своё имя, где учился, где практиковался, а всё, что происходило до прибытия сюда — начисто забыто. При этом, я отлично помнил историю, кто сейчас президент в стране, что происходит в мире, но все знания лично обо мне и о моём ближайшем окружении куда-то пропали.

— С такой проблемой точно только в дурку.

Я достал телефон и начал искать, к какому врачу обращаться при проблемах с памятью. Поисковик, на такой запрос отвечал просто — психиатр, невролог или нейропсихолог. Решив начать по порядку, я нашёл номер телефона ближайшего по геолокации психиатра и, не раздумывая, тут же набрал. Когда есть намеченный план действий — действовать нужно не колеблясь, иначе потом будешь искать кучу альтернативных вариантов и потратишь время впустую. После нескольких гудков, мне ответил приятный женский голос.

— Слушаю.

— Добрый день, это Марина Викторовна? Я звоню по поводу небольшой проблемы. Не могли бы вы проконсультировать меня?

— Да, конечно. Насколько срочно?

— Как можно быстрее. Если можно, сегодня.

— Обычно у меня запись за неделю, но вам повезло, поскольку только что один из моих пациентов отменил сеанс на час дня. Сможете подъехать?

— Будет здорово, диктуйте адрес.

Адрес я видел в интернете, но, зачастую, юридический адрес с фактическим не совпадает, поэтому лучше перестраховаться. Тем не менее, психиатр продиктовал адрес,

полностью совпавший с тем, что я нашёл — Островского восемь, офис два. Убрав телефон в карман, я продолжил размышлять. До назначенного времени было ещё несколько часов, будильник разбудил меня в семь утра, после чего я направился на работу. А что, если моей работы тоже нет, как и два последних месяца, которые я себе выдумал, и сейчас я еду не туда?

Внезапная мысль заставила меня вновь обратиться к телефону, и, сколько бы я не искал, у меня не получилось найти ни адреса НИИ, в котором я работал, ни вообще хоть какого-нибудь упоминания о нём. Поняв, что и тут тупик, я откинулся на спинку кресла и прислонил гудящую голову к стеклу трамвая. Его освежающая прохлада и капли конденсата немного уняли головную боль.

Оставалось только надеяться на благоразумность моего работодателя. Рано или поздно, он меня потеряет и позвонит. Позвонит! Точно! От внезапного озарения, я чуть не подпрыгнул. У меня ведь есть телефон, а там точно записаны все необходимые контакты. Я достал из кармана смартфон, привычно махнул пальцем, но ничего не произошло. Оказалось, что девайс уже сел, пока я размышлял, что мне делать дальше и созванивался с психиатром. Хорошо, этот вариант оставим на потом — и почему я не поставил его заряжаться перед сном?! Хотя бабуля сказала, что я пришёл поздно ночью в неадекватном состоянии — вполне вероятно, мне было совсем не до зарядки телефона. Хорошо хоть бумажник оказался в карманах брюк, да и адрес психиатра я всё же не забыл — радовало, что это я помнил прекрасно.

Улица Островского находилась недалеко от одной из остановок трамвая, поэтому я решил, что мне стоит выйти пораньше, освежиться и пройтись по городу. Спросить хотя бы его название, прикинуться приезжим. Главное на забытых знакомых не наткнуться, а то начнут задавать вопросы, на которые у меня не будет ответа. С этими мыслями я подошёл к кондуктору.

— Не подскажете, сколько остановок до улицы Островского?

Кондуктором была женщина, возрастом чуть младше бабушек, сидевших возле подъезда. Я так и представил, как она после смены, просто выходит из трамвая и присоединяется к ним, чтобы промыть косточки случайным прохожим. Но ответила она мне вполне дружелюбно, поэтому я даже немного устыдился своих мыслей.

— Отчего же не подскажу? Через четыре остановки, — на пятой выходишь и оказываешься рядом с пересечением Ленина и Островского. Минут тридцать ещё. По указателям разберёшься, я думаю. А тебе чего там нужно? Магазин может какой? Нездешний?

Поневоле, я перенял её манеру разговора ставить акценты в предложении.

— Да, с утра только прибыл. Знакомого ищу.

— А по телефону позвонить?

— Сел совсем. Даже не заметил, как выключился.

— Ну тогда, выходишь на остановке Промвагонзавод, она как раз находится на перекрёстке Ленина и Островского, а дальше по указателям к нужному дому. Адрес-то хоть знаешь?

— Адрес знаю, спасибо.

Трамвай размеренно ехал по рельсам, и ровный стук его колёс действовал успокаивающе. Я поразмыслил, что ситуация у меня не такая уж и плачевная. Психические расстройства бывают всякие, в том числе и касающиеся памяти. Немного грустно от того,

что такое расстройство затронуло меня, но, видимо, со мной что-то произошло, из-за чего я начисто забыл всё, что было со мной до приезда в город. А в самом городе и вовсе все воспоминания будто подменили.

Из размышлений меня вывел автоматический голос трамвая, возвестивший об очередной остановке, я поднялся с сиденья и, как только трамвай остановился, соскочил на проезжую часть. Решил пройтись по городу, по пути следования трамвая. На пять остановок я как раз потрачу час или полтора времени, а там уже и до приёма к психиатру немного останется.

Я брёл по главной улице в центре города. Периодически, я бывал на ней, когда мне было необходимо съездить за покупками — например, приобрести товары, которых не было рядом с моим местом проживания. Но и на этой улице меня ждали потрясения. Вместо больших, красиво отреставрированных домов, выходящих фасадами на центральный проспект буквально вчера, на меня смотрели чёрные глазницы старых окон, кое-как держащихся в обветшалых рамах. Дома были как будто теми же самыми, только выглядели так, будто совсем недавно тут прошли военные действия.

Потрескавшиеся тротуары, сломанные скамейки, разросшаяся зелень и мусор были везде, где ни попадя. Случайных прохожих было очень мало, да и те куда-то быстро бежали по своим делам, сосредоточенные настолько, что мне не захотелось загружать их ещё и своими проблемами. Я шёл, удивлённо оглядываясь по сторонам. Куда делся тот светлый, жизнерадостный город, в котором я прожил целых два месяца?!

Проходя мимо какого-то ларька, торгующего периодическими изданиями, я купил вчерашнюю газету, чтобы убедиться в том, что я не потерял память за последние лет пятнадцать. Открыл газету на первой странице — всё верно, и дата, и год вчерашние. Ошибок быть не могло — дата была правильной. Я с интересом начал просматривать статьи, которые вещали со страниц газеты. Ничего особенного там не было — в одной статье упоминалось про местное предприятие, которое загрязняет воздух вредными выбросами. Другая рассказывала о подвиге какого-то подростка, героически спасшего котёнка с дерева. В третьей речь шла об участвовавших угонках автомобилей.

Я пошёл по нужному мне пути, листая газету. Не найдя ничего интересного в новостях, я заглянул в раздел происшествий и коммунальную сводку. Всё как обычно, город жил своей жизнью, ни у кого, кроме меня ничего экстраординарного не произошло. Кражи, аварии, пожары — обычный день провинциального города. Закинув газету в первую попавшуюся мусорку, я зашагал дальше.

Дойдя до нужного адреса, я подошёл к зданию, которое оказалось достаточно высоким домом с широкими, красиво оформленными дверьми. Нашёл домофон и набрал номер «два». После двух звонков, трубку подняли, и я услышал голос девушки, которая отвечала мне по телефону.

— Марина Викторовна Вязова. По какому вопросу?

— Добрый день. Это Андрей. С утра по телефону звонил, я не слишком рано?

После небольшой паузы, девушка ответила.

— Нет, в самый раз, заходите.

Пройдя консьержа и поднявшись на второй этаж, я постучался в нужную дверь и осторожно потянул ручку. Дверь плавно отворилась, и я увидел небольшой кабинет. Обстановка была довольно уютной, хоть, как мне показалось, и немного хаотичной. По периметру комнаты стояло несколько горшков с высокими широколиственными домашними

растениями. Письменный стол примыкал к окну, на нём стоял небольшой торшер, лежал ворох бумаг и, как бы это ни было странно, чернильница с пером — судя по всему, скорее декоративная, чем функциональная. Девушка протянула мне руку со словами приветствия.

— Добрый день. Устраивайтесь поудобнее, давайте пообщаемся. Чай, кофе?

— Спасибо, ничего не нужно.

Я улыбнулся, осмотрев кабинет. Убранство напоминало скорее какое-то агентство частного сыска, нежели кабинет психиатра.

— Атмосферно у вас тут.

— Спасибо, от отца досталось. О чём вы хотели поговорить со мной?

Я начал рассказывать о том, как проснулся в незнакомой квартире, встретил незнакомых бабушек, прогулялся по незнакомому городу. И вспомнил, что у меня не заряжен телефон.

— Кстати, можно поставить на зарядку у вас?

— Да, конечно, в углу розетка, зарядник универсальный, должен подойти к вашему.

Убедившись, что зарядка пошла, я вернулся к девушке и закончил свой рассказ.

— И вот, я тут сижу перед вами. Совершенно не понимаю, что мне дальше делать.

— Интересный случай. У вас выборочно отказала память, при этом вы вполне себе социально адаптированы, помните последние два месяца, ведёте так, будто ничего не забывали, но что-то мешает вам вспомнить всё, что произошло более, чем два месяца назад. Школа, университет, родители?

— Пусто. Абсолютно. Помню только этот город, и тот буквально вчера был совершенно другим.

— Не проверяли, головой нигде не стучались? Перегаром от вас не пахнет — скорее всего, вчера вы всё же не пили. Пробовали выяснить, откуда пришли вчера ночью?

— Да куда там, сразу к вам рванул. Даже на звонок дополнительный зарядки не хватило.

Девушка подошла ко мне вплотную и остановилась.

— Можно осмотреть вашу голову?

— Да, конечно.

Её руки начали ощупывать мой затылок, шею виски, макушку, потом она посмотрела мне в глаза, повернула лампу в лицо, убедилась, что реакция зрачков на свет нормальная.

— Дело явно не в травме. Возможно, проблема глубже, вам нужно обратиться к неврологу. Я пока не вижу психологической проблемы — скорее всего, вы пришли не по тому адресу, но я вам могу дать контакты знакомых врачей, которые решают физиологические проблемы. В любом случае, вначале стоит пройти все обследования, которые они вам назначат — может, виноват скрытый ушиб, кровоизлияние, микроинсульт... Извините за откровенность, опухоль. Думаю, тянуть не стоит, сегодня попробуйте ещё отдохнуть, хорошо выспаться, а завтра, даже если что-то вспомните, начните с врачей, адреса которых я вам напишу. Это всё частные клиники, в государственной вряд ли вас быстро примут.

С этими словами, Марина Викторовна протянула мне список врачей и листок с анамнезом.

— Спасибо, сколько я вам должен?

Девушка улыбнулась, коснувшись меня за рукав и направив к двери.

— Давайте сегодняшнюю консультацию посчитаем как бесплатную, а если вернётесь,

то обговорим стоимость. Всё-таки ваш случай — скорее всего, не мой профиль, но бывает всякое. Мой вам совет — перед тем, как пойти к врачам, попробуйте набрать с телефона несколько номеров, возможно, знакомые голоса подтолкнут вас что-нибудь вспомнить. Оставьте, на всякий случай свой телефон и адрес, я позвоню завтра, чтобы быть уверенной, что с вами ничего не случилось за вечер и ночь.

— Ещё раз, спасибо. Редко в наше время встретишь таких заботливых и честных докторов.

— Вы мне льстите. Идите отдыхайте, а завтра, если не наберёте, я вам позвоню сама справлюсь о самочувствии.

— До свидания.

Я забрал свой телефон, увидел, что он немного успел зарядиться за час нашего общения. Этого вполне должно было хватить на несколько звонков и обратную дорогу. Кивнул на прощание психиатру и отправился домой.

Её слова меня немного успокоили — всё-таки, несмотря на опасность опухоли, вероятнее всего, я где-то ударился, не запомнив ушиба. Пройду обследования, сдам анализы и дальше будет понятен план действий. А пока нужно действительно добраться до квартиры и отдохнуть. Если я вчера пришёл в три часа ночи, то проспал, от силы часов пять. Куда бы меня ни будил телефон в восемь часов утра, сейчас я всё равно не был в состоянии туда идти.

Я зашёл в квартиру, убедился, что в ней ничего не изменилось за время моего отсутствия. Скинул обувь, верхнюю одежду и завалился в кровать в футболке и штанах. День был сумасшедшим, голова хоть и прошла, но всё равно была тяжёлой от размышлений и полученной информацией, поэтому я мгновенно провалился в сон.

Ночь выдалась беспокойной — мне снился какой-то кошмар, в котором я стоял возле больничного стекла. За стеклом стояли три койки, на которых лежали три моих близких человека. Я не знал, кто именно, но знал, что они были мне очень близки. Я ходил около бокса, постоянно заглядывал внутрь. Врачи ходили, словно не замечая меня, я пытался расспросить их, дёргал за рукава, но те проходили мимо.

Люди, которые лежали на койках и как-то безмятежно спали, я прижался к стеклу, чтобы увидеть их лица, но никак не мог их рассмотреть. А потом, рядом со мной появился кто-то другой, который также, как и я смотрел на этих трёх людей. Вначале, он тоже меня не замечал, как бы я ни пытался с ним заговорить. Дни сменялись ночами, а я всё также стоял у той самой палаты. Казалось, что время двигалось гораздо быстрее.

Но затем, в какой-то из дней что-то изменилось. Человек, который, как и я наблюдал за моими близкими, вдруг вздохнул, начав шарить по карманам. А потом сказал только одну фразу.

— Это твоя вина. Тебе и разгребать.

Спал я очень плохо, снились какие-то обрывки воспоминаний, Фёдор Геннадьевич, поездка в трамвае, и ещё что-то, что я осмыслить пока не мог, поэтому поднялся изрядно помятый. Протерев и открыв глаза, я понял, что спал на диване, которого у меня в квартире не было отродясь, без футболки и штанов. Подскочив на месте и больно стукнувшись об свисающую сверху полку с книгами, я чертыхнулся, шаря руками вокруг в поисках телефона. Телефона не было, как не было и компьютера, и моей первой и моей второй квартиры в целом.

— Только не это. Пожалуйста, скажите мне, что я сплю.

Ответом мне был сонный незнакомый голос какого-то мужика, спящего прямо на полу.

— Андрюха, ты дурак? Ложись спать, восемь утра ещё. Через час на работу вставать.

От неожиданности я даже вскрикнул.

— А ты кто такой?

Мужик рассмеялся.

— Андрон, чушь не пори. Мы же вчера у тебя заночевали, у меня ремонт дома. Ало, гараж. Ты же сам мне вчера разрешил у тебя пожить недельку.

— Охренеть и не встать, — единственное, что я смог промолвить.

Глава 3

Не мой дом

Всё утро я пытался убедить своего «друга» в том, что я не сошёл с ума. Ситуация снова повторилась. Я вновь помнил всё происходящее ровно до моего прибытия в город, плюс день общения с психиатром. Я ничего не забыл, но тем не менее, Эдик — тот самый друг, который ночевал в этот день у меня и планировал пожить ещё неделю — утверждал, что в этой квартире я живу всего лишь один год. А до этого жил в каком-то другом городе и переехал сюда из-за девушки, с которой уже успел расстаться.

Сидя на кухне, мы повторяли тот же самый разговор в третий раз.

— Ты понимаешь, что я тебя вообще не помню?! И не помню ничего, кем я работаю, кого я знаю. Я никогда не работал продавцом техники. Я даже не знаю, чем отличаются процессоры одной фирмы от процессоров другой! Как я буду продавать их, когда у меня знаний — ноль!

Эдик хлопнул меня по плечу, громко рассмеявшись.

— Да не парься, девяносто процентов продавцов даже не знают, что у процессоров есть фирмы, а ты уже говоришь о двух. То есть, у тебя уже знаний больше, чем у них. Как-нибудь справимся, отработаем смену, с горем пополам. А потом будем решать, что с тобой делать. Главное — запомни основные вводные.

Даже основные вводные для меня были тяжким бременем — Эдик просто не хотел понимать моё состояние, а я никак не мог донести до него тот факт, что потерял память уже во второй раз. В общем, головой я тронулся основательно.

— Давай ещё раз повторим. Ты — Эдик, мой товарищ и коллега, работаем вместе полгода. Наш начальник — Дмитрий Иванович...

Эдик закатил глаза и, вздохнув, в очередной раз повторил то, что для него являлось само собой разумеющимся.

— Дмитрий Иванович — уборщик. Начальник — Владимир Иванович. Хватит путать. Дима — убирает, Вова — командует.

— Не могу я так!

— Не ной, сходим на смену, там легче станет. Я где-то читал или видел по телевизору, что память можно пробудить через ассоциации. Нужно поместить человека в знакомую обстановку, а там мозг за что-нибудь зацепится, и дальше, как по маслу пойдёт.

Я вновь покачал головой в ответ на его заверения.

— Ох, Эдик. Не нравится мне это.

— Не ссы, думаешь, я ни разу на работу в беспамятстве не приходил?

Если честно, мне очень не нравился план Эдика. С другой стороны, терять мне всё равно было нечего, второй день подряд я просыпался в незнакомом месте — что могло пойти не так сегодня, кроме того, что уже произошло. Когда мир сошёл с ума, нужно просто сделать вид, что так и должно быть.

С такими мыслями я и отправился с моим коллегой на работу. По дороге, Эдуард рассказывал мне, чем занимается менеджер по продаже компьютерной техники. Говорил он так вдохновенно, что у меня даже получилось что-то запомнить. По крайней мере, я узнал, что нужно пихать в системный блок, чтобы он заработал. Но даже это мне не придётся делать — достаточно просто продать, а соберут его за меня совершенно другие люди. Да и

продавать мне ничего особо не нужно было — можно было всех клиентов отправлять к Эдику, по любым сложным вопросам, а самому торговать мелочёвкой, типа кабелей и флешек. На том и порешили.

О моей личной жизни Эдик знал немного — лишь то, что я ему рассказал сам, когда-то при встрече. Естественно, ничего того, что мне говорил друг, я не вспомнил. Но решил, что какое-то время буду просто плыть по течению — возможно, оно вынесет меня к чему-то определённом.

На этот раз, до места работы мы добирались на троллейбусе — никакими трамваями в городе и не пахло. Ехали мы медленно, останавливались на каждой остановке, и, в какой-то момент я задремал. Проснулся я от того, что мой друг толкал меня в плечо с требованием уступить место какой-то старушке, что я и сделал. А когда встал, то встретился лицом к лицу со своим психиатром.

— М... Марина?

— Да, мы знакомы?

Казалось, что девушка никогда в жизни меня не видела, но её-то имя я знал. Буквально вчера я был у неё в кабинете.

— Вчера у вас на приёме был... Вы сказали томографию пройти.

Девушка засмеялась и начала двигаться к выходу, а я двинулся вслед за ней.

— Молодой человек, вы что-то пугаете. На каком приёме, какая томография?

Но я был настолько удивлён, что, позабыв о своём беспомыслии начал ей пересказывать вчерашнюю встречу.

— Да нет же, точно вам говорю! Вы меня вчера у себя в офисе принимали! Память я потерял и к вам обратился.

Девушка всё двигалась к выходу, но разговор не прекращала.

— Извините, моя остановка. Если у вас такой интересный способ знакомства, то я заинтригована.

— Марина, но ведь вчера...

Двери открылись, девушка на прощание улыбнулась и произнесла:

— Я в этом автобусе каждое утро на работу добираюсь. Завтра приём в восемь утра, не пропустите.

И, засмеявшись, выскочила на остановке.

Я вернулся к Эдику, а тот улыбался во весь рот.

— Ничего себе у тебя схемы подката. «Я у вас на приёме был», «Вы мне томографию прописали», «В своём офисе». Словечки-то какие подобрал. Заморские.

— Да ничего я не подбирал. Вчера она мне прописывала, как сейчас помню.

Эдик засмеялся.

— Андрюха, томографию только за границей делают. Мы до такой техники не доросли ещё.

— Т... то есть как это не доросли? погоди, так её в каждом городе делают. Эдик не шути так.

Он в ответ покрутил пальцем у виска.

— Какие уж тут шутки. Секрет его охраняют от нас, как зеницу ока.

Его слова ошеломили меня настолько, что я на несколько секунд потерял дар речи.

— погоди, какой такой секрет?! Томограф пятьдесят лет назад открыли, он уже давно чуть ли не в каждой больнице стоит!

Эдик усмехнулся, как мне показалось, немного горестно.

— Ну фантаст! Откуда у нас такие средства и ресурсы?! Ядерная физика только-только развиваться начала. Мы ещё реактор первый построить не успели, а ты говоришь о томографе. Нееет, дружище. Томограф только за границей — в Османской и Германской империи есть, у нас всё только начинается.

И вновь Эдик словно ведро воды на меня вылил.

— Империи... Они же развалились после первой мировой...

Эдик опять засмеялся.

— Ну точно, тебе пора в историки записываться. После первой мировой развалилась только одна империя — Российская. С тех пор, остальные империи оттяпали достаточно солидные куски от нашей земли. В частности, забрали камчатку, выход к Чёрному морю, Финляндское княжество и ещё кучу всего, даже не припомню всех подробностей. Плюс репарации с контрибуциями платить заставили. В общем, расплачиваемся с ними до сих пор.

Я, конечно, не был силён в истории, но такой факт точно бы запомнил. И уж тем более, я точно помнил о четырёх империях, развалившихся во время первой мировой, по разным причинам. А тут, на тебе — только Российская. Но спорить с Эдиком я не решился — он говорил очень уверенно.

— Ладно, пропустим этот момент. До работы далеко нам ещё?

— Да нет, уже приехали. Пойдём.

Автобус остановился возле огромного здания торгового центра, которого я раньше в городе не замечал — да и в целом, центр города вновь выглядел совершенно по-другому. Автомобили ездили редко, а рядом с самым торговым центром была оскорбительно небольшая парковка, на которой, к моему удивлению, почти не было машин.

— Куда все машины делись?

Эдик проследил за направлением моего взгляда, оглядел парковку, почесал в затылке и неуверенно произнёс.

— Какие машины? Личные что ли? Андрюх, это огромная редкость в наше время. Все либо на автобусах, либо на троллейбусах передвигаются. Машины немногие себе позволить могут — завод всего один и тот только по предварительным заказам производит для населения.

— А импорт?

— Импорт нам запрещён ещё с развала Империи. Нас тогда экономически уничтожили, закрыв все поставки. Кое-как перебиваемся разными схемами, серыми, да чёрными — на том и наш магазин держится, что из Китая, да с Порты технику разную по дипломатическим каналам завозим.

Вновь новая информация.

— Думаю, мне пора перестать удивляться. Пойдём работать.

Выкинув из головы всё лишнее, я решил всецело отдаться работе, и половина рабочего дня пролетела незаметно — редкие клиенты подходили ко мне, которые просили флешки, кабели, мелочи. Оказалось, что это всё продавать было не так уж сложно — главное знать, что и где лежит. Если клиенты были сложные, то я отправлял их напрямик к Эдуарду. Наступило время обеда, о чём нас возвестил громкоговоритель. Клиентов, как рукой смело — магазин полностью опустел за считанные минуты. Я выглянул в окно — там тоже не было ни единой души. Эдик подошёл ко мне.

— Ты чего в окно пялишься?

— А люди-то все куда делись?

Эдик вздохнул, посмотрел на меня с некоторой долей напускного сожаления.

— Да, я и забыл, что ты контуженный. Работал ты так, будто и не забывал ничего. Обед же начался, не слышал? Производство останавливается, магазины закрываются ровно на один час.

— А зачем всем сразу? Почему не по очереди?

— Обед — святое дело, ты чего? Пойдём, я тебе тоже взял перекусить. Сразу подумал, что тормозок забудешь.

— Тормозок?

Эдик заулыбался.

— Ну да. Работа тормозит, всё встаёт. Тормозок. Обед, то есть.

Наскоро пообедав тем, что Эдик прихватил с собой, я собрался было продолжить работать, но тут, за окном увидел одиноко идущего человека. Он оглядывался по сторонам, словно ища кого-то. Был он с виду не местный, ходил туда и обратно вдоль улицы. Приглядевшись, я понял, что по улице бродит Фёдор Геннадьевич, собственной персоной! Бросив всё, я быстро накинул толстовку и побежал вниз, невзирая на крики Эдика.

Я быстро сбежал по ступенькам на первый этаж здания, побежал к выходу, но он оказался закрыт. Я подёргал ручки, проверил несколько дверей — все были заперты. Сзади себя я услышал запыхающегося друга.

— Фуф, догнал. Ты куда сорвался, балбес. Все выходы на время обеда перекрываются! На улицу сейчас нельзя — обеденный час, кто попадётся во время заслуженного отдыха, того отправят в СИЗО до выяснения обстоятельств.

— Да, господи, с чего такие ограничения?! Это ведь всего лишь обеденный перерыв!

— Десять лет назад во время обеденного перерыва была всероссийская стачка, остановившая работу во всей республике. Рабочие требовали от государства улучшение условий труда и понижения цен на важные для жизни продукты. Стачка была очень организованной, связывала несколько крупных региональных центров и курировалась откуда-то извне. Правительству пришлось применять силовые методы, нацгвардию и огнестрел, чтобы остановить рабочих. Бунт был подавлен, но было очень много жертв, в связи с чем, с той самой поры, обеденный перерыв сопровождается обязательным комендантским часом.

— Спасибо за пояснение, но на улице я видел знакомого. Он ходил из стороны в сторону, будто искал кого-то! Может он меня искал?!

— Знакомого? Ты кого-то вспомнил?

— Да! Мой научный руководитель.

— Ах да, точно, ты же говорил, что, якобы учишься. Но тут ничего не поделаешь — придётся подождать ещё десять минут.

Минуты длились словно часы, и когда я выбежал на улицу, Фёдора Геннадьевича там уже не было. Я прошёлся вдоль улицы, туда и обратно, но не нашёл никого, кто хоть как-то бы его напоминал. Пришлось вернуться обратно на рабочее место. Осталось лишь доработать этот день до конца.

Наконец, день закончился, и я с облегчением пошёл искать Эдика. Тот всюду улыбался, уже полностью одетый.

— Ну как тебе первый рабочий день? Много продал?

— Пойдёт. Как будто ты не видел.

— Ну, ничего. Поехали к тебе, телек посмотрим. Там сейчас новая серия «Неутомимых» должна будет пойти — мы как раз успеваем.

Уже дома я понял, что дико устал. Я присел на диван рядом с Эдиком, тот что-то рассказывал о сериале, но я уже его не слушал — глаза начали слипаться. Поддакивая его словам, я закрыл глаза. А перед сном успел подумать, что со мной происходит что-то странное. И на потерю памяти это совсем не походит. Завтра нужно будет обязательно во всём разобраться.

Глава 4

Не то время?

Утро меня встретило запахом жареной яичницы. На кухне аппетитно скворчало. Я потянулся и обнаружил, что лежу в кровати, хотя чётко помнил, что вчера засыпал на диване. Неужели, Эдик заботливо переложил меня, а я спал как убитый? Оглядевшись по сторонам, я вновь обнаружил себя не там, где засыпал.

— Ээээдик. Ты ночью мебель решил переставить?

На мой крик, в комнату зашёл вовсе не Эдик. А растрёпанная, не успевшая прихорошиться с утра, Марина. Психолог и пассажир в автобусе. Одета она была лишь в длинную мужскую футболку, отчего я смутился и отвернулся.

— Извините, я думал, Эдик ещё дома.

— Андрей, какой ещё Эдик? Ты себе нового партнёра завёл?

— Марина, так вы меня помните?!

Поняв, что Марина узнала меня и помнила, я вскочил с кровати, забыв о приличиях и взял её за плечи.

— Марина, скажите, что со мной? После приёма у вас всё стало гораздо хуже. Я опять проснулся не у себя в комнате. И даже сейчас не помню, как сюда попал!

— Андрей, отпусти, ты меня пугаешь. Какой приём? Ты был у врача?! Что случилось?

Я отпустил Марину, услышав вовсе не тот ответ, который ожидал. Оглядел вновь квартиру. Это снова была моя квартира, и вновь в ней была другая обстановка. В отличие от прошлого раза, квартира даже казалась уютной. Была видна рука заботливого хозяина. В единственной комнате стояла кровать, на которой я и проснулся, напротив висел хороший ЖК телевизор, на окнах были красивые шторы бежевого цвета. Справа от кровати стоял торшер, слева тумбочка, на которой лежали книжки и телефоны. Угол занимал небольшой комод такой же бежевый, как и вся мебель. По центру висела красивая современная люстра.

— Андрей, ты слышишь меня?

Марина пощёлкала пальцами перед моим лицом и упёрла руки в бока. По её стойке невозможно было понять, напугана она или рассержена. Я наконец-то вспомнил о ней, её экстравагантном виде, да и сам, как оказалось был в неглиже.

— П-простите, Марина Викторовна. Где моя одежда?

— Андрей Николаевич, пройдите, пожалуйста к комоду, они как обычно, на вашей родной второй полке. А почему вдруг так официально?

— Я... я извиняюсь, мы давно знакомы? Не припомню, когда мы стали настолько близки.

Теперь я увидел, что Марина точно сердится. Я даже инстинктивно поднял руки к лицу, боясь взболтнуть чего-то лишнего.

— Андрюша, не беси меня. Пошутили и хватит.

— Марина, вы... ты не поверишь.

На самом деле, я даже и не представлял, что мне сейчас рассказывать ей. Как ей объяснить, что я не её парень? Как рассказать, что произошло за три последних дня? Увидев мою растерянность, кажется, Марина поняла, что случилось что-то серьёзное, раздражённость сменилась озабоченностью.

— Андрей, рассказывай. У тебя лицо такое, как будто ты лимон съел. Три года уже

вместе, и я знаю, когда происходит что-то серьёзное. Андрей давай присядем, и ты расскажешь мне, что случилось.

Мы сели на кровать, и я начал свой рассказ с самого начала. Казалось, я переживал дежавю, поскольку буквально вчера я делал то же самое, только собеседник был другой. Марина всё время внимательно слушала, а затем встала и начала ходить из стороны в сторону. Когда я закончил свой рассказ, она остановилась и обратилась ко мне.

— Давай предположим, что я тебе верю. Допустим, с тобой действительно что-то случилось, из-за чего с твоим мозгом стали происходить эти странные вещи. Ты уже обращался к кому-то?

— Да, я же рассказал. К тебе. Ты была моим психиатром и посоветовала обратиться к неврологу, предварительно пройдя томографию.

Марина улыбнулась, видимо, представив себя психологом.

— Извини, что перебиваю, а ты прошёл?

— Нет. На томограф меня записали на следующий день. А следующий день не наступил. Точнее наступил, но не тот следующий день. Точнее тот следующий день, но я оказался не дома. Блин, точнее дома, но всё не так, как и сейчас. Всё сложно Марина.

Марина оглядела комнату.

— То есть, ты эту квартиру видишь впервые?

Я проследил за её взглядом и ответил.

— И да, и нет. Квартира всегда одна и та же. Разная обстановка, город, люди, знакомые. Даже мировая история немного другая.

— То есть?

— Это детали, потом объясню. В общем, я уже третий день просыпаюсь не там, где уснул.

— Как будто в молодость вернулся, да?

Марина задорно улыбнулась, как будто вспомнила лихие юношеские годы.

— Хорошо. Давай вначале пойдём по простому пути. Обычно нарушения работы мозга провоцируют удары, сотрясения, любые травмы. У тебя было что-то подобное в последнее время?

— Нет, не припомню.

— Давай я тебя осмотрю.

Я встал с кровати и повертелся вокруг оси, хоть мне и было немного не по себе стоять в одних трусах перед красивой, но всё же не настолько близко знакомой девушкой. Марина ощупала мою голову, шею, посветила фонариком на телефоне в глаза и встала в метре от меня, скрестив руки. Её бережные руки ласково перебирали мои волосы, и от этих прикосновений у меня побежали мурашки по коже.

— Никаких повреждений, без обследования не обойтись. Ты сам думал, что с тобой случилось?

— Думал, но в голове одна фантастика. Вначале я подумал, что у меня амнезия. Точнее не так. Она у меня есть, я помню только последние два месяца нахождения в Городе, а что было раньше вообще не могу припомнить. Помню кто я, помню почему я приехал в город, но что было до него — как стенка какая-то.

— Тогда точно что-то с головой.

Марина закусил губу, и начала натирать свои виски, видимо, представив уже, как будет водить меня по врачам.

— Погоди. И да, и нет. Два месяца-то я помню отлично. А также прекрасно помню события последних трёх дней. И уж точно я бы запомнил наши с тобой трёхлетние отношения. Сегодня же двадцать пятое сентября сорок второго?

— Да, всё верно. Дата правильная.

— Ну вот. Не мог я три года тут пробыть. Я всего в этом Городе два месяца живу.

— Ну допустим, с головой почти всё в порядке. Что с тобой тогда?

Я вздохнул, с отчаянием взглянул в её глаза и выдал свои версии произошедшего.

— Не знаю пока. На ум приходит бред о путешествиях во времени. Как будто кто-то меняет временную линию, а я попадаю в её разные ветви. Но я-то тут причём?! Я ни в какие машины тем более времени не заходил. Я просто засыпаю в одном месте, а просыпаюсь в другом! Боже, как всё запутано.

Марина обняла меня за плечи, и я инстинктивно прижался к ней покрепче.

— Андрюша. Пойдём позавтракаем, успокоишься и решим вместе, что делать дальше. У тебя завтра важный день, может переволновался накануне, переработал.

Мы сели за стол и начали кушать. Кусок в горло не лез от всего происходящего, но я насилу заставил себя перекусить — предстояло выяснить, что со мной происходит.

— Марина, скажи, пожалуйста, в городе томограф есть?

— Есть, конечно. И не один. Хочешь сходить?

— Ещё как. Что же ты молчала?

— Он нам не по карману, Андрей. Придётся потом месяца два рабочего времени накидывать.

— Эмм. Что? Какого рабочего времени? Куда накидывать?

— А... Точно. Ты же не здешний — прищурившись сказала Марина. — Время рабочее. Им мы расплачиваемся за услуги и товары. Взял товар, должен отработать.

— Погоди. А деньги?

— Деньги прошлый век. Андрей, ты серьёзно? Тебе и правда нужно рассказывать историю?

— Марина, расскажи, пожалуйста вкратце. Я же не смогу даже день прожить, не зная тонкостей. Представь, что я из другой страны.

— Ну хорошо. Деньги упразднили сорок лет назад, когда поняли, что Союз не сможет развиваться дальше, не избавившись полностью от товарно-денежных отношений.

Я поперхнулся, услышав слова о Союзе.

— Погоди, какой Союз?!

— Приехали. Советский который. Социалистический.

— Он цел ещё?

— А куда он денется? С дуба рухнул?

— С ума сойти. Продолжай.

— В нулевых, в состав Советов вошла вся Европа. Через пять лет присоединился Китай и товарно-денежные отношения стали излишеством. Вместо них ввели товарно-рабочие отношения. У каждого есть свой уникальный идентификатор, по которому понятно, сколько рабочего времени гражданин должен Союзу. Всё это хранится на серверах, в облаке. Для того чтобы купить товар, подносишь запястье к сканеру, тот обращается в базу и делает запись о рабочем времени, которое ты обязан государству возместить трудом.

— С ума сойти. И как, работает система?

— Не так, как хотелось бы. Ещё очень много нужно сделать, чтобы она работала

корректно. Например, находясь на работе двадцать часов, вместо восьми, ты можешь за месяц накопить огромную сумму бонусных часов. Иногда от этого умирают люди, которые перерабатывают в угоду получения тех или иных товаров и услуг. Нужно обязательно, программно ограничить количество часов неделю, которые работник может заработать. Также система не учитывает качество труда. Интеллектуальный труд имеет, конечно, более высокий коэффициент, чем физический. Но в абсолютном плане, разница минимальна, из-за чего страдает научное сообщество Союза. Наука находится в стагнации уже десять лет — нужны прорывы, гранты, а им мешают товарно-рабочие отношения.

— Откуда ты всё это знаешь?

— От тебя Андрюша. И завтра у тебя важный день именно поэтому — ты должен выступить на конференции и рассказать о проблемах текущей системы.

У меня опять пошла голова кругом от нахлынувшей информации. Советский союз. Цел и невредим. Хотелось узнать больше, что же послужило причиной такого развития событий, но до меня неожиданно дошло осознание того, что, возможно, я опять пробуду тут всего один день.

— Марина, мне нужно поторопиться, пока у меня появился соратник в виде тебя. Нужно выяснить, что со мной происходит и почему. Помоги мне, пожалуйста.

— А как я тебе могу помочь? Давай подумаем.

— Давай. У тебя есть кто-нибудь, кто разбирается в науке, теоретической физике?

— Не сказала бы, что именно разбирается, а, скорее, увлекается, но такой человек действительно есть. И вообще, не у меня, а у тебя.

— И кто это?

— Пойдём к нему в гости, может вспомнишь сам.

— Пойдём.

Наскоро одевшись, мы вышли с Мариной на улицу. Мне очень приятна была её компания. Общение с ней было каким-то невероятным. Даже несмотря на сложившуюся ситуацию, она не падала духом, подбадривала меня и вообще вела так, будто ничего экстраординарного не произошло.

Выйдя из дома, мы направились к моему загадочному другу. Машин в городе почти не было. Вместо стоянок, которыми раньше был усеяно всё городское пространство, перед домами и магазинами раскинулись красивые зелёные аллеи. Люди, по большей части, ходили пешком, болтали, смеялись, да и вообще, на их лицах не было и тени забот.

— Почему на улице так много людей? Сегодня же рабочий день.

Марина рассмеялась, а потом вспомнила, что я немного контуженный.

— Слушай, да, прости, я забыла, что тебя по голове стукнули. В Союзе не бывает выходных или рабочих дней. График абсолютно свободный и зависит от накопленного или потраченного труда. Влез в трудовой кредит — отработывай. Переработал слишком много — отдыхай.

— Подожди, а как функционируют заводы, производство, банки? У них ведь всё завязано на нормированные дни и планы. Как справились с ними.

— Во-первых, банков у нас нет. Ты забыл о трудовом балансе? От банков избавились в первое десятилетие создания товарно-рабочего расчёта. Во-вторых, производство работает тогда, когда у него есть работники. Нет рабочих — нет производства. Да, бывают моменты, когда предприятия простаивают, особенно летом. Но это с лихвой компенсируется в дождливую, холодную погоду и зимой. Люди больше проводят времени на работе.

Произведённых товаров хватает с лихвой. Понятно, что на важных производствах, типа продовольствия, товаров первой необходимости, оборонки производство не останавливается. И на них введены обязательные нормо-часы производства в день. Но, в остальном, проблем особых нет. Магазины круглосуточные и автоматизированные — в продавцах нет необходимости, остались только консультанты и грузчики. Есть, конечно, проблемы амортизации оборудования, но, опять же, это компенсируется всеобщей занятостью населения.

— Прямо утопия какая-то.

— Не совсем. Поговорим позже, мы уже пришли.

Глава 5

Всем попаданцам — сюда

Мой товарищ встретил нас в дверях квартиры, приоткрыв немного дверь.

— Кто тут?

— Эдик, это мы, Марина и Андрей.

Эдик ответил довольно грубо, не запуская нас внутрь.

— Чего пришли?

— Не очень-то прилично гостей на пороге держать. Может откроешь? Поговорить надо.

— А я вас и не звал.

Тем не менее, поворчав, Эдик всё же распахнул дверь на полную. Да, это был именно Эдуард, продавец-консультант из предыдущего дня. Сегодня он выглядел совсем по-другому. Одет был в рубашку, на нос нацепил очки. Он смотрел поверх очков, прищурившись и разглядывая нас с Мариной.

— Андрей, я просил предупредить, когда приходишь, тем более не один.

Я постарался не выдавать себя сразу, чтобы Эдик хотя бы пустил нас за порог.

— Эдик... Прости, ситуация странная и срочная.

— Ладно, проходите. Чай будете?

В квартире пахло палёной проводкой и витала бледная дымка. Это говорило о том, что хозяин квартиры провёл какой-то очередной неудачный или, наоборот, слишком удачный опыт. Увидев наше замешательство, он раздражённо махнул рукой, дескать, не обращайтесь внимания. А обращать внимание было на что. Вся квартира была захламлена кучей разных приборов, микросхем, инструментов. Из того, что я успел заметить, я обнаружил три вольтметра, два микроскопа, кучу текстолитовых плат, как минимум, дюжину ящиков со всякой инженерной бижутерией — болтами, гайками, конденсаторами, транзисторами, диодами. На полу тут и там стояли крупные приборы — промышленный паяльник, сварочный аппарат, даже генератор бензиновый торчал из кладовки.

Наконец, мы добрались до кухни Эдика, которая, как и прочие комнаты содержала в себе, кажется, не меньше и даже больше разного технологического мусора.

— Ну, выкладывай. Что за дело и почему оно не могло обойтись без предварительного звонка?

— Эдик, мне кажется, что со мной творится что-то невероятное, и мне нужна помощь научно подкованного человека.

Мой товарищ самоуверенно покивал головой, наливая нам чёрный чай, даже не спросив будем ли мы его.

— Это ты ко мне, ага. Суть вопроса?

— Я уже четвёртый день просыпаюсь не там, где заснул.

— В юношеские годы вернулся?

Марина прыснула, но потом осеклась, виновато поглядев на меня.

— Простите. Эдик, я ему то же самое сказала.

Я покачал головой, продолжив свой рассказ.

— Нет, не в этом дело. Если исключить психоневрологические проблемы, которые мы пока исключить не можем, то кажется, я вот уже третий день просыпаюсь в альтернативной временной ветке.

Несмотря на моё, фактически, бредовое заявление, Эдик не вышвырнул нас на улицу, не рассмеялся и вообще повёл себя так, будто ничего странного не случилось.

— Насмотрелся фантастики. В какой альтернативной временной ветке? Концепция изменения временной линии путём путешествия во времени несостоятельна и опровергнута уже давным-давно. Не вдаваясь в детали, это физически и логически невозможно, порождает кучу парадоксов, которые даже элементарным мысленным экспериментом разрешить невозможно. Рассказывай, что у тебя. Разберёмся вместе.

Я снова пересказал свою историю Эдику. Особенно остановился на его биографии во вчерашнем дне. Эдуард кивал, начал что-то записывать. В какой-то момент, он спохватился, остановил меня и включил диктофон. Когда я закончил рассказ, Эдик поставил в записи куча вопросов.

— Очень интересно. Третий день говоришь? Ты уже побывал в трёх разных квартирах?

— Четырёх, если считать мою первую квартиру.

Эдик кивнул, в знак согласия.

— Четырёх. И на самом деле, мы не знаем, потому что ты потерял память обо всём, что касается жизни до нашего города. Интересно.

— Что интересно, Эдик? Можешь мне-то рассказать?

— Могу. Отчего же нет. Но, насколько я понимаю, завтра ты уже вновь проснёшься в другой квартире. Предметы, одежда остаются теми же или пропадают?

— Пропадают. Я будто бы сторонний наблюдатель, которого закидывает в случайные ипостаси.

Эдик зашагал из стороны в сторону, формулируя свой ответ.

— В каком-то смысле так и есть. Только вряд ли случайные. Хорошо, у меня готова теория, но в ней слишком много неизвестных, которые тебе предстоит выяснить в будущем.

— Валяй.

— Смотри. Для начала я должен объяснить тебе очень кратко устройство вселенной. Это лично моё мировоззрение, которое мы с тобой уже неоднократно обсуждали, но я повторю тебе ещё разок.

И, выпив немного чая, Эдуард продолжил.

— Наш мир, в котором мы живём — это всего лишь симуляция некоего суперкомпьютера вселенной. Не знаю, кто создал эту симуляцию, сама она создавалась или что-то стало причиной её создания, мне это не особо важно. Главное, что я уверен, что мы — результат либо планомерный, либо побочный симуляционного механизма. Давай без особых полемик просто примем это как данное. Усёк?

Мне было совсем не до споров, поэтому я просто покивал головой, а Эдик продолжил.

— Никто не знает и никогда не узнает, сколько одновременно вселенных, подобных нашей также симулируется в этом суперкомпьютере. Может она единственная, но очень много косвенных признаков говорит о том, что вселенных множество. И, возможно, их бесконечное количество. В твоей ситуации проще считать, что вселенных очень много. Иначе твоя ситуация совсем необъяснима. Поэтому это тоже принимаем как факт.

Я вновь кивнул.

— Теперь коротко, я тебе поясню, откуда растут ноги у физики нашей вселенной. Изначально в базовых параметрах симуляции были определены вселенские постоянные, которые и определили дальнейшее развитие мира. В том числе, физические законы. На текущем уровне развития науки, мы добрались до очень точного определения и нахождения

нескольких мировых констант, а также очень плотно приблизились к решению очень важных вопросов при помощи квантовой механики. Более того, мы, а я говорю обо всём человечестве, в целом, смогли построить квантовые суперкомпьютеры, на которых, как я считаю, в будущем сможем запустить собственные вселенные. Но я немного отхожу в сторону.

Эдик долил чай в наши кружки и начал рассуждать дальше.

— Более того, мы с уверенностью можем рассказать, как работают некоторые физические законы и смогли описать их при помощи квантовой и релятивистской физики. Как ты знаешь, квантовая физика и общая теория относительности очень долгое время были конкурирующими лагерями. Но каких-то сорок лет назад одному математику всё-таки удалось их связать при помощи очень хитрых уравнений математического анализа. Теперь осталось только расшифровать его записи и переложить на материальный мир. К сожалению, математика там очень сложная и затрагивает аж целых одиннадцать измерений нашего пространства. Называется это Теорией Струн, о чём ты уже, я думаю догадался.

Я опять покивал, делая вид, что действительно догадался, к чему он ведёт.

— А совсем недавно, учёные, советские и зарубежные начали перекладывать эффекты квантовой механики на реальный мир и, в частности, на живых существ, после чего обнаружили очень много всего, что работает на её законах. Обоняние, зрение, работа мозга в целом, нервная система — всё это активно использует квантовые эффекты в своих целях. Даже животные и птицы мигрируют при помощи врождённого ощущения магнитных полей. Каким-то образом, мозг этих животных чувствует магнитные волны, движущиеся с юга на север, что уже даже доказано несколькими экспериментами.

Моя голова начала идти кругом от рассуждений Эдуарда, и я поспешил ему об этом сообщить.

— Слушай, очень долгое вступление, я не понимаю, к чему ты клонишь.

— Не могу без этого, прости. Иначе вообще ничего не поймёшь из моих объяснений.

— Как будто с твоими объяснениями я что-то пойму. — пробормотал я себе под нос.

— Ты что-то сказал?

— Нет, извини, продолжай.

— Так вот. Учёные принялись, и довольно давно, за изучение устройства мозга человека и таких явлений, как сознание, подсознание, память, органы чувств, мышление. То есть, мы все пытаемся, а я говорю о человечестве в целом, пытаемся понять, как же устроен наш мозг и почему он работает именно так. И совсем недавно наши учёные добрались до довольно логичного объяснения работы памяти человека. По новым научным представлениям, наша память — не что иное, как некий ретранслятор, способный настроиться на нужную нам проекцию событий. А точнее — способ получить проекцию событий, накладываемую на временную ось. Времени, как такового, не существует в природе. Это наше восприятие виновато в том, что мы его интерпретируем, как нечто уникальное, а на деле, времени нет.

Я захлебнулся чаем и закашлялся.

— Приехали. Я-то тут причём? Можно менее далёкие аллегории придумывать?

— Дурак ты, мы почти добрались к твоей проблеме. Наша память — способ получить проекцию событий. То есть, каждый раз, когда ты что-то вспоминаешь, то ты, фактически, настраиваешь свой мозг на возвращение к тем самым событиям и полностью переживаешь их. Чем лучше у тебя организовано в памяти хранение параметров этой проекции, тем больше деталей ты сможешь вспомнить, то есть, запустить повторно пройденный участок.

— Слушай, я всё понимаю, но ты вываливаешь на меня слишком много информации, можешь просто, по-человечески сказать, что случилось?

Эдик закатил глаза, но потом, всё-таки, сжалился надо мной.

— Я считаю, что у тебя по какой-то причине произошло расстройство той части мозга, которая отвечает за восприятие нужной проекции. Каждый раз, когда ты засыпаешь, мозг очищает эту настройку и ловит, если так можно выразиться «новую волну». Из-за этого, ты попадаешь в свои разные ипостаси в разных проекциях вселенной.

— Погоди, мы же говорили о памяти, какие проекции вселенной?!

— Память и проекция по сути своей — одно и то же. Только теперь, ты «вспоминаешь» не своё прошлое, а настоящее, только в какой-нибудь соседней проекции. Очень грубо приходится объяснять. В общем, ты попадаешь каждый день в параллельную вселенную нашей огромной многопараметрической реальности.

Заключение Эдика не то, чтобы меня очень удивило, но услышать это от другого человека было всё равно, что холодным душем облиться. Марина вновь хихикнула, а Эдик злобно посмотрел на неё.

— Не веришь в параллельные вселенные, сама объясняй его проблемы. Я тут, видишь ли, чуть ли не лекцию провёл, а она хихикает.

— Не обижайся Эдуард, но мне кажется, выдавать желаемое за действительное не стоит.

— Вы пришли ко мне. Значит, остальные варианты, вроде сумасшествия или черепно-мозговой травмы вы уже исключили. Уж извините, но вы знали, к кому шли, поэтому и получайте такое объяснение.

Марина виновато подняла глаза и смешно заломила руки.

— Извини, Эдик. Да, ты прав, мы действительно хотели получить хоть какое-то объяснение, но надеялись, что ты не уйдёшь в такие дебри. И что нам теперь вообще с этим делать? Допустим, ты прав, и Андрей из параллельной вселенной. Что случится с ним завтра?

— Хороший вопрос. Возможно, завтра наш настоящий Андрей проснётся и не будет помнить сегодняшнего дня, а этот очнётся в следующем мире и опять пойдёт искать помощь.

С этими словами Эдик кивнул на меня, а я повёл плечами от пробежавших мурашек.

— Извини, что перебиваю, но со мной такое уже в третий раз, уверен, что и в четвёртый произойдёт то же самое. Что мне делать дальше, есть идеи?

— Для начала, ты должен найти соратников.

— Соратников?

— Да, соратников. Людей, которые помогут тебе в других мирах. Как, например, мы сейчас это делаем.

— Но это первый мир, где я встретил вас двоих сразу. Кроме того, именно тут вы мне близки. А вдруг там, в других мирах я вас вообще не найду?

— Судя по твоим рассказам, как минимум, Марину ты встречал везде. Меня — в двух последних проекциях. Не думаю, что это простое совпадение. Ещё что-нибудь странное замечал?

Я вспомнил о Фёдоре Геннадьевиче, которого не успел застать на улице.

— Да, я же рассказывал. Вчера я встретил своего научного руководителя. Точнее, увидел в окно, но не успел его поймать.

— Интересно. Вылетело из головы. Нужно допустить вероятность, что ты не

единственный, у которого такое же расстройство. Возможно, твой научный руководитель также, как и ты сейчас в замешательстве и просыпается каждый день в новом мире. Нужно связаться с ним!

— Как?!

Эдик развёл руками и посмотрел на меня так, будто я ляпнул что-то невразумительное.

— Очень просто. Каждый раз, когда будешь просыпаться в очередной проекции, подавай объявление во всех возможных медиа — радио, интернет, газеты. Придумай какой-нибудь броский заголовок и размещай каждый раз его с самого утра. Оставляй все возможные контакты, и, рано или поздно, кто-нибудь откликнется.

— И какой заголовок мне придумать? «Ищу потеряшек»? «Найму путешественников по вселенным»?

— В тексте объявления размыто укажи, что делать и как быть, как тебя найти. А для заголовка, возьми простую фразу, которая, думаю, будет понятна абсолютно всем. Например, «ВСЕМ ПОПАДАНЦАМ — СЮДА!». Конечно, нахватаешься много откликов (ролевики, но, возможно, встретишь и своего научрука.

Глава 6

Пересечение

Эдик в этом мире был немного высокого мнения о себе. Его манера говорить с собеседниками всегда предполагала закатывание глаз, разведение рук в стороны и другие подобные элементы диалога, когда собеседник считает, что говорит очевидные вещи, которые очевидны далеко не всем. В общем и целом, мы успели подать несколько объявлений в паблики города, позвонили на радиостанцию во время зрительских приветов и не заметили, как наступило восемь часов вечера.

На форумах и в соц. сетях отозвалось куча шутников, по телефону, оставленному на радио, никто не позвонил. Среди всех откликов, шуток и очевидных ролевиков, которые откровенно переигрывали в ответах пафосными речами, я всё же нашёл два интересных сообщения. В первом человек утверждал, что уже несколько месяцев живёт в это мире, уже успел освоиться и даже дал совет, что делать дальше. Я посчитал его выдумщиком, поэтому не стал зачитывать сообщение друзьям. А вот второе сообщение было гораздо интереснее. В нём молодой человек с ником «Марко Поло» утверждал, что уже четвёртый день не может понять, что с ним происходит.

— Смотрите, как будто бы мой случай.

— Похоже на то, пиши ему. Вам нужно встретиться.

Было очень странно писать незнакомому человеку и предлагать встречу под таким фантастическим предлогом, но не страннее того, что со мной произошло.

— Кажется ответил. Предлагает встретиться в центре, на Бульваре Мира, возле фонтана. Это где?

— Полчаса езды на троллейбусе. Пиши, что будешь там в девять.

Перед выходом, мы выпили ещё по кружке чая, который, на удивление, был чертовски хорош. Эдик точно знал в нём толк. Марина всё время помалкивала, но, когда мы всё же вышли на улицу, она взяла меня под руку.

— Не знаю, мой ты Андрей или нет, но думаю, что судьба нас сводит не просто так. Я так понимаю, что через пару часов мы с тобой расстанемся?

— Я... не знаю.

— Довольно забавно наблюдать за тобой, когда ты такой растерянный. Обычно, ты уверен в себе, собран, а тут, как потерявшийся котёнок.

Марина прижалась к моему плечи и сочувственно заглянула в глаза.

— В каком-то смысле так и есть.

— Не расстраивайся. Думаю, что мы все вместе найдём выход. Даже если завтра к нам вернётся наш Андрей, я думаю, что Эдик будет искать, как тебе помочь. Не сдавайся и найдёшь выход. Ты всегда находил.

Её подбадривающие слова подействовали, и я улыбнулся.

— Спасибо Марина. Скажи, а как мы встретились?

— Что, хочешь свою Марину закадрить?

— Возможно.

— Мы вместе учились с тобой в одном университете. Только ты на гуманитарном направлении, управленец, а я на техническом — физик-ядерщик. Ты откуда-то узнал, что мои любимые цветы — фиалки, и во время перемены между парами подкинул мне горшок с

фиалками на парту. Было так нелепо и в то же самое время мило.

За такими странными разговорами, мы добрались до места встречи. До девяти вечера было ещё немного времени, которое нужно было чем-то скоротать. Неподалёку я увидел автомат с мороженым.

— По мороженке?

— А, давай! Платить-то знаешь, как?

— Нет, ещё ни разу не приходилось.

— Привязка по биометрии, подойдешь к автомату, запрашиваешь нужный товар, автомат сам скажет, что и куда приложить. На счёт запишется временной долг или спишется с баланса, если у тебя отрицательный. А у тебя отрицательный, мы как раз в отпуск собирались после конференции.

Я, не торопясь, подошёл к автомату. Периодически, к нему подходили люди, делали какой-то заказ, то прикладывали палец к светящейся табличке на уровне, то прислонялись глазом к стеклу сверху. Видимо, из соображений безопасности, система оплаты требовала разные биометрические данные. Очередь дошла и до меня, я подошёл ближе.

— Добрый день, Андрей. Ваш заказ.

Ещё и система распознавания изображений.

— Два пломбира и шоколадный стаканчик.

— Заказ принят. Приложите палец к датчику.

Датчик отпечатков пальцев засветился, и я приложил к нему большой палец.

— Ошибка. Отпечаток не распознан. Приложите другой палец.

Я попеременно попытался приложить то один, то другой палец, но машина всё также выдавала ошибку. После очередной попытки, автомат провозгласил невозможность считывания отпечатков пальцев.

— Отпечаток не распознан. Включена резервная система распознавания сетчатки глаза. Прислонитесь к считывателю.

На уровне моей головы засветилась рамка вокруг небольшого стёклышка. Я прислонился к нему, но машина вновь выдала ошибку.

— Сетчатка не опознана. Визуальный портрет не совпадает с отпечатками пальцев и сетчаткой глаз, хранящихся в базе. Во избежание недоразумений, просим вас оставаться на месте. Активирована служба предотвращения мошеннических действий.

Я не успел толком сообразить, как вокруг меня, прямо из земли вылезла железная клетка. Прохожие мельком глянули на меня и спокойно зашагали дальше — видимо, это было рядовое явление. Ко мне подбежали Эдуард и Марина.

— Только не дёргайся, а то будет хуже. Сейчас приедет служба, всё проверит, мы подтвердим, что ты не мошенник и отправимся дальше по своим делам.

Эдик задумчиво потёр подбородок.

— Ндас. Этого я не учёл. Почему-то я посчитал, что у тебя изменяется только настройка на волну. Но, видимо, ты также вносишь какие-то возмущения не только в сознание, но и в тело. Допустим, датчик отпечатков пальцев и так периодически барахлил — любые повреждения на пальцах, микроскопические царапины и система может выдать ошибку. Но считыватель сетчатки ошибаться не может. Рисунок радужной оболочки очень тяжело повредить.

— Эдик, мне-то что с этим делать?

— Просто жди.

— А как же Марко Поло?

— Вашу встречу придётся отложить. Ты, в любом случае отсюда не уйдёшь, пока твоя личность не подтвердится. Извини.

Через какое-то время, на площадь приехал и остановился небольшой служебный автомобиль, из которого, не торопясь, вывалился довольно грузный мужчина в служебной форме. Он подошёл к нам, молча всех оглядел, посмотрел на меня и задал единственный вопрос.

— Вашу личность кто-то может подтвердить?

— Мои друзья, Эдуард и Марина.

— Отлично, значит завтра вас спокойно отпустим домой.

— Как завтра? Можно ли ускорить этот процесс?

— Рабочий день закончился. Нам предстоит подтвердить личности ваших друзей и вашу, а также внести корректировки биометрии в базу. Возни довольно много, но ночью не получится вас выпустить в любом случае — таковы правила.

Я обречённо посмотрел на своих друзей, понимая, что, скорее всего, завтра в этом мире для меня уже не наступит.

Лёжа на кушетке в одиночном СИЗО, я прокручивал весь день в голове, пытаюсь понять, что делать дальше. После того, как меня приняли, сотрудники местных правоохранительных органов долго не могли понять, что со мной делать — программа упорно не хотела признавать меня собой, хотя чисто визуальный осмотр, в том числе, теми сотрудниками, которые были в это время ещё на рабочем месте, выдавал полное сходство, как отпечатков пальцев, так и сетчатки. Но, видимо, программа находила какие-то достаточно значимые отличия, поэтому меня оставили до следующего дня в следственном изоляторе.

Эдуард напоследок ещё раз дал совет поискать соратников всеми возможными способами и пообещал, что со своей стороны, постарается что-нибудь предпринять. Хотя лично я на него не надеялся. Не думаю, что он вообще может что-то подобное сделать. С другой стороны, он получил неопровержимые для него доказательства множественности миров, возможно, что-то и получится. Марина до сих пор сомневалась в моей идентичности, но всё равно пожелала удачи. Понятно было, что она ждёт возвращения своего Андрея и надеется на то, что завтра к ней вернётся именно он, тот человек, с которым она уже три года вместе.

С этими мыслями, я не заметил, как заснул. Сквозь сон я услышал, как милиционер, который остался на дежурстве окликнул меня. Но поднять веки я уже не смог. Голова была настолько перегружена информацией, что я не удивился тому, что увидел во сне.

А во сне я увидел самого себя, стоящим в комнате, в окружении множества зеркал. В каждом из зеркал, я выглядел немного по-другому. Где-то я был в деловом костюме, где-то в толстовке и спортивных штанах, а где-то стоял в гавайской рубашке и шортах. И эти множества зеркал отражали меня, отражали друг друга и уходили в бесконечность.

Пройдя множество зеркал, я остановился возле одного из них, сильно отличавшегося от других. В отличие от всех остальных, в нём не было моего отражения. Зеркало какое-то время было абсолютно пустым. Я прислонился к нему, пытаюсь понять, почему оно не отражает меня, но не смог ничего разглядеть. А потом оно немного прояснилось. Но увидел я там не себя. Я увидел больничную койку, на которой лежала Марина. А потом вторую, на которой лежал Фёдор Геннадьевич. И третью, с Эдиком. Но, как я ни старался — не смог разглядеть среди больничных коек четвёртую — с самим собой.

Я оборачивался то в одну, то в другую сторону и мои отражения повторяли мои действия, удивлённо озираясь по сторонам. В какой-то момент, я заметил, что дальние отражения отражений начали трескаться, одно за другим и рассыпаться на мелкие части. А потом до меня начал доходить шум осколков рассыпающихся зеркал, волной стремившихся ко мне со всех сторон. Когда волна настигла ближайшиe зеркала и шум стал нестерпимым, я в ужасе закрыл лицо руками и проснулся.

Глава 7

Там, где нечего искать

Проснулся я в крошечной тьме, в куче какого-то тряпья, даже не на кровати. Я не сразу понял, что нахожусь всё в той же своей квартире. Когда глаза привыкли к полутьме, я смог разглядеть своё окружение. В отличие от предыдущих пробуждений, в которых меня встречало солнечное утро, на этот раз с улицы, через заколоченные досками окна, пробивались слабые лучи неровного света, словно не от солнца, а от какого-то костра. Квартира выглядела убого — тут и там валялись кучи тряпок и мусора. Кроме того, пахло всё какой-то старостью и затхлостью.

Я встал, ощупал себя и понял, что одет я тоже более, чем скромно. Пройдясь по квартире, я увидел, что обставлена она очень скудно — привычных бытовых предметов не было на месте, ни холодильника, ни микроволновки, ни компьютера — абсолютно ничего. Зато на кухне стояла старого вида буржуйка, запитанная от какого-то самодельного бензинового генератора. Я не удержался от комментария вслух.

— И куда я попал на этот раз?!

Ответом мне, естественно, была только тишина. Значение выражения «встал не с той ноги» для меня начало приобретать новый смысл. Решив, что нужно вести себя немного осторожнее, чем в предыдущих пробуждениях, я попытался разглядеть через заколоченные окна, что творится на улице. Зрелище мне представилось не из приятных — небо было сплошняком затянуто чёрными тучами, моросил мелкий дождь. На улице тут и там были разведены костры, свет от которых и пробивался сквозь мои окна. Состояние окружающих домов оставляло желать лучшего — всё те же заколоченные окна, обвалившаяся штукатурка, полуразрушенные небольшие постройки. В общем, город из моего окна выглядел так, будто прошёл войну. Что вполне могло оказаться правдой. И, будто, в подтверждение моих слов, вдали завывала сирена, которая в моём мире предупреждала людей о воздушной тревоге.

— И как мне искать своих соратников?!

Немного поразмыслив, я решил, что, как минимум, нужно выбраться наружу, но даже не представлял, куда идти, в какую сторону. Оставалось лишь попытаться найти других людей и выяснить, что же здесь произошло. Когда я уже собрался выходить, в дверь тихо постучались. Я замер, не зная, что делать. Тихий стук повторился ещё дважды, и я различил определённый ритм. Судя по всему, кто-то стучал определённым образом, чтобы дать сигнал своим. Собравшись с духом, я тихо подошёл к двери.

— Кто там?

В ответ услышал разъярённое сопение и знакомый голос.

— Открывай уже! Будто кроме нас с тобой и ещё пары человек знает наш код.

— Эдик?!

— Тихо ты, дурак,пусти меня.

Я повозился с железной дверью, которая была обшита разными железяками, кое-как привинченными к самой двери. Какая-никакая, защита. Замков на ней оказалось аж три штуки, впрочем, выглядели они слабо, да и дверь держали, что говорится «на соплях». Я открыл дверь, и Эдик быстро шмыгнул внутрь, заперев за собой все возможные рабочие засовы.

— По улице бродят ворошители. Нельзя туда сейчас. Марина пришла?

— Нет.

— Как нет?! А где она?

— Откуда мне знать, я только что проснулся!

— Вчера она сказала, что придёт засветло. Рассвет был два часа назад, а её до сих пор нет. Хоть бы ворошители не сцапали. И чего они вдруг решили сегодня чесать улицы? Чего молчишь? Пожрать есть чего?

— Не знаю, поищи сам. Эдик, а что тут произошло?

— Где тут? Ничего, вроде как. Кроме неожиданного рейда этих тварей.

— Нет, я в общем. Что с миром? Что с городом? Что со страной?

— Ты с дуба упал? Память отшибло что ли? Перебрали вчера с Маринкой?

— Можно и так сказать. Не помню ничего, хоть убей. Расскажи, вкратце, Эдик.

Эдик, искавший всё это время еду в каких-то коробках, неподалёку от генератора удовлетворённо хмыкнул, достал какой-то свёрток и достал оттуда сухари с салом. На удивление, мой рот наполнился слюной, а желудок скрутило.

— Станный ты какой-то. Ну раз пожрать нашлось, садись, расскажу. А ты вообще ничего не помнишь?

— Совсем. Помню только как тебя зовут и Марину. Ну и ещё пару человек. И больше ничего.

— Может, в зону нейроса попал случайно?

— Что за зона нейроса?

— Оооо, точно приехали. Хорошо, что живым остался и только память потерял. Повезло, значит. Нейрос — это отравка, которую сбросили на нас десять лет назад. С тех пор вот и выживаем как можем.

И Эдик кратко поведал мне, что произошло. По поводу войны я оказался прав. Страна действительно вступила в войну. Только не по своей воле, и закончилась та война быстро. Всего через четырнадцать дней, после её начала, противник применил, а заодно и испытал на нас страшнейшее оружие — нейрос. Это оружие — невидимый газ, без цвета, запаха и вообще каких-либо опознавательных признаков. Ракеты доставили его прямиком в наши города. Все, кто вдыхал этот газ получили необратимые повреждения мозга, вплоть до летального исхода. Газ действовал на каждого человека индивидуально — кто-то впадал в безумную агрессию, кто-то начинал видеть галлюцинации, а кто-то умирал сразу, на месте. Но мозг человека — лишь малая часть того, что газ делал на самом деле. Спустя какое-то время оказалось, что вещество это даёт побочные эффекты, которые начали проявляться во всей красе уже через пять лет. И затронули они не только людей, но и представителей флоры и фауны.

Чудовищное преступление против человечности, конечно, не оценили ни в ООН, ни в других объединениях и агрессора осудили все, кто только мог. Вот только было уже поздно. За последние десять лет, от прямого действия нейроса и его последствий погибло, по разным подсчётам от пятидесяти до семидесяти миллионов жителей страны. Конечно, и разные страны-союзники, и ВОЗ, и Красный Крест неоднократно устраивали гуманитарные операции. Но страна, как таковая, была практически уничтожена.

— А как же ядерный щит?

— Что за ядерный щит?

— Ракеты, ПВО, ответный удар?

Эдик горько рассмеялся.

— Ты что, откуда у страны, двести лет ни с кем не воевавшей такое оружие? Конечно, были попытки отбить атаки, но никаких средств вооружения не хватило для защиты от такого массированного удара. Врагу слишком нужны были территории нашей страны, поэтому он ювелирно выкосил половину нашего населения. У них есть антидот, в огромных объёмах. Вот увидишь, пройдёт немного времени, большая часть газа рассеется и на нашу территорию вступят новые войска, которые спокойно отождут всё самое ценное, что у нас есть. А пока отбиваемся как можем. Только мало нас осталось. Надежда только на нейтронный нагнетатель.

— Нейтронный нагнетатель?

— Ага. Где-то в подземных лабораториях разрабатывается новое сверхоружие. Об этом заявили год назад во всеуслышание. Говорят, установка позволит получить неограниченное количество энергии. Делает что-то с ядерными реакциями. Даже не знаю, что именно. В общем, когда запустят — кирдык придёт не только им, но и нам, попомни моё слово.

Эдик всё говорил о том, что мир катится не туда, а у меня в голове было только одно. Неужели, причина в этом?

— Нейтронный нагнетатель... Эдик, а когда его запустить должны?

— Не знаю точно, со дня на день объявили запуск по громкоговорителям. Может уже запустили, а может запустят сегодня или завтра. Кто его знает, что дальше случится.

— Похоже, что случится что-то непоправимое. Эдик, я должен остановить запуск нагнетателя.

— Это ещё почему?

Я заговорил, стараясь выглядеть, как можно убедительнее.

— Потому что ровно пять дней назад, я своими руками, вместе со своим научным руководителем, запустил нейтронный нагнетатель. И это привело к тому, что я уже шестой день подряд просыпаюсь в незнакомом месте, в незнакомом доме, совершенно непохожем на свой.

— Ты чего несёшь такое? Пять дней назад ты вместе со мной и другими доходягами трудился на благо родины в шахтах, а потом со спокойной душой шёл вместе с ними распивать спиртные напитки. Нет, тебя точно нейросом обработало. Совсем кукуха поехала.

— Эдик, мне нужно тебе кое-что рассказать. Не торопись с выводами, сядь и выслушай меня внимательно.

Было видно, что мой товарищ явно сомневался в моей вменяемости, но всё же сел на какой-то наскоро сколоченный деревянный ящик, играющий роль импровизированной табуретки. Я собрался с духом и поведал Эдику всё, что со мной произошло за прошедшие пять дней. Эдик уплетал сухари с салом, помыкивая в ответ на мой рассказ. Когда я дошёл до рассказа о том, что он даже немного преуспел в науке, тот заржал, но быстро заткнул себе рот и выглянул сквозь заколоченные окна.

— Плохо, плохо, плохо. Маринка точно попалась, Андрюха. Да ещё и к тебе белочка пришла, видать, после вчерашнего.

Я попытался успокоить своего разволновавшегося друга.

— Эдик, не кипятись, давай по порядку, кто такие ворошители и почему Маринка могла им попасться?

— Мы договорились вчера, что встретимся у тебя с утра. Но сегодня, по дороге к тебе, я увидел жёлтые сигнальные ракеты, да и сирена, запоздало, но предупредила о том, что они идут. Это значит, что ворошители в городе. Ворошители — это такие же люди, как я и ты,

только долгое время жившие под воздействием малых доз нейроса. Из-за этого, психика их нарушилась совсем. Хотя достоверно неизвестно, что там с ними происходит. Странные они. Очень. Не знаю почему, но у ворошителей есть несколько баз, расположенных по окраине. Почему они все собираются вместе, почему они начинают шастать по городу — никто не знает. Но, когда они выходят на свой промысел — жди беды. Любой человек, который попадает на их пути может быть похищен или просто убит.

— А как же правительство, полиция?

Эдик горестно вздохнул и махнул рукой.

— Правительство пытается свести концы с концами. Война, практически, уничтожила страну. Но во главе сейчас сохранение государственности, а не внутренние проблемы. Военное положение в стране с самого начала боевых действий. Несмотря на то, что официально война окончена, военное положение не снято и действует до сих пор. Ночью действует комендантский час, а днём, периодически, набегают ворошители. Вот так и живём. А ещё ведь и работать, и кормиться нужно. Вот и пропадаем, по большей части, в шахтах, на заводах, да на приисках. Они-то хорошо военными охраняются — единственное средство существования сейчас.

— То есть помощи мы не дождёмся. Марина далеко живёт?

— Ты чего, вытаскивать её собрался? Ты это брось. Откуда благородство такое?

— Ну не сидеть же, сложа руки?

Эдик засмеялся, а потом понял, что я говорю на полном серьёзе.

— Андрюха, ты дурак? Если ворошители Маринку наши, то всё, пиши пропало. Не вытащить её, она уже у них в логове и, скорее всего, под дозой нейроса. В лучшем случае, овощем заберём её оттуда.

— А если она спряталась где?

— Тогда завтра сама придёт.

— Завтра для меня уже не будет.

— Опять ты завёл свой разговор. Ты под нейросом, понимаешь? То, что с тобой произошло — плод твоего большого воображения.

На самом деле, я и сам вновь засомневался в своей адекватности. Но отступить от уже выбранного пути было поздно. И я, во что бы то ни стало, хотел найти Марко Поло, пусть не в этом мире, то хотя бы в следующем. Но и Марину я не мог оставить просто так в беде. Судя по рассказам Эдика, всё было очень плохо.

— Говори адрес. Я сам пойду.

— Да куда тебе. Сам он пойдёт. Пошли по сточным каналам пробраться попробуем. Ты моих троп всё равно не знаешь. Провожу тебя до её хором, а там уже сам. На поверхность не пойду с тобой.

— Давай хоть так. С собой брать чего?

— Ну если у тебя есть с чего стрелять — то бери. Но ты никогда про это мне не рассказывал, да и вообще к оружию ты относился всегда с какой-то детской неприязнью.

— Ну значит и нет ничего, давай сейчас выдвигаться. Пожрать осталось?

Эдик разочарованно вернул мне свёрток, который стал, как минимум, вполовину меньше. Я наскоро перекусил тем, что осталось. Оглядев напоследок свою лачугу, я собрался было выходить, но Эдик остановил меня.

— Погоди ты. Дай я первым пойду. Ты сегодня стукнутый какой-то. Иди за мной, не отставай. Когда говорю остановиться — останавливаешься. Если говорю не дышать — не

дышишь, пока не разрешу. Всё понял?

— Да, понял-понял. Веди уже.

— Маринка живёт в трёх километрах отсюда. Идти придётся вначале улочками, потом спустимся в сточный канал, по нему полтора километра, скорее всего, без происшествий будет. А затем придётся выбраться на поверхность и через парк сигануть. Ворошители парк недолюбливают, как и все, просто так стараются туда не залезать. А вот нам придётся. В парке живность всякая уже лет пять как обзавелась. А живность тоже непростая. Первые потомки животных, попавших под действие нейроса. Власти ещё до зачистки не добрались, поэтому периодически в парке и его окрестностях людей находят. Кто изодран страшно, у кого-то кровь досуха выпита, а кого-то будто вообще нетронутыми находят. Просто мёртвыми, без единой царапины. Поэтому парк обходить стороной обычно приходится. Но нам с тобой через него идти. А как из парка выйдем, дом Марины неподалёку будет. Она в бывшем офисном секторе обосновалась. План понятен?

Я молча кивнул. Эдик постоял немного перед дверью, прислушался, тихо открыл замки и так же тихо вышел на лестничную площадку. Я пощупал по карманам, обнаружил в брюках ключи и, выйдя вслед за Эдиком, закрыл все замки, которые нашёл.

В подъезде пахло плесенью, затхлым тряпьем и всем тем, чем обычно пахнут подъезды старых, разваливающихся домов. Эдик тихо спустился по лестнице, выглянул в окно на лестничной площадке, убедился в том, что никого нет и подал сигнал мне, чтобы я следовал за ним. Света в подъезде не было, на улице царил полумрак, несмотря на полдень, но даже в таких условиях я увидел состояние дома. Все стены были покрыты трещинами, штукатурка давно обвалилась, лестница тоже была в плохом состоянии — перила отсутствовали вовсе, а ступени тут и там либо отсутствовали совсем, либо были изрядно поломаны. Временами мне приходилось перепрыгивать довольно большие провалы. Мне было непонятно, как тут вообще можно было жить.

Выйдя из подъезда, мы вновь огляделись по сторонам. Улицы были абсолютно пусты — тихо гудела вдаль сирена, в былые годы предназначенная для оповещения о воздушной атаке. Теперь же её применяли для предупреждения о ворошителях. Мы шли довольно бодро, стараясь оставаться в тени зданий, быстро перебегая открытые участки. На улице тут и там горели бочки, покрышки, наспех оставленные людьми. Внезапно, подходя к углу очередного здания, Эдик замер, подняв руку в мою сторону. Я последовал его примеру, Эдик медленно и тихо повернулся ко мне, приложив палец к губам. Я кивнул, давая понять, что не издам и звука, а Эдик начал толкать меня назад. Что он там увидел, я не знал, но судя по его побледневшему лицу, ничего хорошего там не было.

Мы тихо крались обратно, а Эдик вертел головой, пытаясь что-то найти. Потом он протянул руку и показал мне небольшой ларёк. Пригнувшись, мы побежали мимо зарослей какого-то городского кустарника прямо к ларьку. Эдик повозился немного с дверью и открыл её — ларёк был нерабочим и непонятно как оставшийся целым. Я забаррикадировал дверь какой-то железкой, подвернувшейся под руку, а Эдик встал у окна, выглядывая совсем немного, подозвал жестом меня и заговорил еле слышно.

— Отсидимся немного здесь. Ворошители за углом, слава богу не услышали и не увидели, иначе нам пришёл бы конец. Найди, на что присесть, мы можем тут и полдня провести.

Я пошарился по ларьку, нашёл какие-то деревянные ящики, дал один Эдуарду, второй забрал себе. Мы сели у окон и начали ждать. Из них хорошо просматривался угол, за

которым Эдик увидел ворошителей, да и в целом, видно было неплохо. На улице был хоть и пасмурный, но день, а внутри ларька стояла крошечная тьма. В какой-то момент, Эдик дёрнул меня за рукав и кивнул в сторону окна. А за окном разворачивалась странная картина, которая мне поначалу никакой угрожающей не показалась.

Из-за угла здания вышла небольшая процессия людей. Они шли медленно, но уверенно, осматриваясь по сторонам. С первого взгляда нельзя было отличить их от кучки туристов. Но, приглядевшись, я понял, что их движения больше напоминали каких-то роботов. Они оглядывались, равномерно крутя головами из стороны в сторону. Шаг тоже был ровным, таким, как будто шли они строем солдат. При этом, шли они в полном молчании, одной процессией, одновременно поворачивая и останавливаясь так, будто кто-то незримый им это приказывал делать. Я не удержался от вопроса.

— Что они делают?

— Тихо ты! У них слух, как у летучих мышей. А... Чёрт. Замри и не двигайся.

Процессия резко остановилась и повернула головы на мой голос, а затем также беззвучно двинулась в нашу сторону. Я вспотел от страха, но послушался совета Эдика и не шевелился. Ворошители приближались ровным строем. Казалось, что их безразличные взгляды неотрывно смотрят прямо на меня, проникая в самую душу. По спине побежали мурашки, но я продолжал стоять как истукан. Ворошители подошли ближе, повертели головами в разные стороны и, словно по команде, рванули в сторону и свернули за угол следующего дома. Эдик шумно выдохнул.

— Пронесло. Тебе чего заговорить приспичило? Дурак совсем?

— Эдик, ты забыл, что я стукнутый? Почему сразу не сказал, что они такие жуткие, эти твои ворошители? Почему не предупредил о том, что мы встретим по пути?

— А я почём знал?! Ты, может быть, и контуженый, а ведёшь себя в точности также, как и всегда. Ворчишь только тогда, когда припечёт, а до тех пор, спокойный и рассудительный. Я даже забыл, что у тебя крыша поехала. Готов дальше идти?

— Готов. А ещё чего-нибудь интересного не желаешь мне рассказать?

— Я же не знаю, что мы встретим по дороге. Как встретим, так и расскажу.

С этими словами, мы разблокировали дверь и двинулись дальше. Остаток пути до сточных каналов мы прошли без неожиданных встреч. Когда мы подошли к какому-то люку, Эдик подозвал меня помочь.

— Давай вместе, быстрее будет.

Вдвоём, мы подняли крышку канализационного люка, спустились немного вниз, а потом вместе задвинули крышку обратно. Теперь мы находились в полной тьме, Эдик полз вниз первым, периодически чертыхаясь, когда вляпывался в помёт местных обитателей.

Наконец, спустя двадцать или тридцать ступенек, мои ноги коснулись твёрдой поверхности.

— погоди, не торопись. Свет зажгу.

Через несколько минут, в руках у моего товарища появилась невесть откуда взявшаяся походная лампа. Она засветилась мягким слабым светом, но, после крошечной тьмы показалась мне ярче костров на улице.

— Ворошители сюда вообще не спускаются. Даже не знаю почему. Пару раз наткнулся на их тела, мёртвые без единой царапинки. Не знаю, отчего, но, когда они спускаются вниз, то сразу же помирают. Как будто отключаются от чего-то.

— Странные они. Ведут себя как...

— Как роботы. Ага. Смотрю, ты тоже заметил, хоть и память потерял. Вот я и говорю всем, что не люди они, а только притворяются людьми. Маринка всё думает, что спасти их можно. А я вот считаю, что поздно уже их спасать. Там наверху кучки ворошителей ведут себя, как одно существо. Ходят в одну сторону, смотрят в одну сторону. Будто управляет ими кто-то. Может кто-то из кучки главный, а может кто-то со стороны их двигает — не знаю. Знаю только, что по-отдельности, помирают сразу. Только стоит оставить им свою группу, отойти чуть подальше или застрять где — сразу же дух выпускают.

Мы шли по длинному канализационному тоннелю, поворачивая в какие-то ответвления. Пройдя очередной поворот, я сбился со счёта и запутался в поворотах. Но Эдик, похоже, знал дорогу наизусть. Он шёл и продолжал делиться своими мыслями.

— Не знаю, кто их такими делает, то ли сами становятся после нейроса, то ли создаёт их кто. Ничего неизвестно, вся страна столкнулась с бедой этой. Мы иногда радиogramмы из других городов получаем. Так вот, у них также, как и у нас напасти творятся похожие. Работать не дают нормально. Правительство только пять лет назад, когда оклемалось начало гвардию национальную создавать. Вот только долго это всё, Андрюха длиться будет. Страна огромная.

Какое-то время, мы шли молча, каждый погрузился в свои раздумья. Я размышлял, что мне делать дальше, после того как найду Марину. А может и не найду. Может быть, я уже никогда её не увижу. Постаравшись выкинуть плохие мысли из головы, я стал думать дальше.

Мир, в который я попал мне определённно не нравился. Тут я точно ничего не мог почерпнуть, кроме одного ключевого знания — нейтронный нагнетатель. Почему-то мне казалось, что это не простое совпадение. Неспроста в день испытания я заметил странные показания приборов. Да и что там сказал Фёдор Геннадьевич напоследок? Ночью аппарат должен был включиться на половинную мощность. И как раз, после этой ночи я впервые проснулся в новом мире. Вот только почему я помню только последние два месяца своей жизни? Почему я никак не могу вспомнить ни названия города, ни то, где я жил до него? И почему я заметил это только пять дней назад, когда попал в новую обстановку. У меня есть цель — найти Марко Поло, но в этом мире мне не суждено было её достичь. Может быть, получится поговорить со здешним Фёдором Геннадьевичем? Кто он тут? Тоже учёный? Или шахтёр? А может быть, служит в государственных органах и пытается навести тут порядок?

— Эдик, а ты не знаешь, случайно, кого-нибудь по имени Фёдор Геннадьевич?

— Как не знаю, знаю, конечно.

От этого ответа я даже растерялся.

— А где живёт он, знаешь?

— И где живёт знаю. Он же мэр нашего города. В ратуше и обитает.

— А на аудиенцию к нему попасть можно?

— Можно, только когда ворошители уйдут. Только сильно не надейся на это. У него дел невпроворот, кого попало не принимает.

— Успеть бы, когда Маринку найдём.

— Если найдём, Андрюха. Если найдём. О, вот и пришли.

Глава 8

Прогулка по парку

Наконец, мы остановились около точно такого же подъёма по канализационной шахте.

— Так, погоди. Нужно инструктаж провести. Я всё-таки идиот, раз согласился на эту авантюру. Но, чувствую, что ты один не дойдёшь без меня, поэтому придётся тебя провожать прямо до Маринкиной хаты. Идти будет прямо по парку. Ворошители туда не заходят совсем. И не зря. Живность в парке обитает всякая, там тебе и растения-людоеды, и животные-мутанты. Нейрос никого и ничего не пощадил. Никто не знает, что он делает достоверно, почему влияет на каждого по-разному. Но где-то читал, что вещество это действует губительно на всех, особенно на существ хоть с какой-то толикой разума. Вроде бы, это вещество способно вмешиваться в ДНК живых существ. И не так, как радиация, которая разрушает ДНК подчистую, да и основной эффект даёт только в следующем поколении. Нейрос сразу действует, а ДНК не просто рушит, а целые новые цепи создаёт и подменяет уже существующие. Такие, что особи уже в текущем поколении начинают меняться спустя несколько лет. Что мы сейчас и будем наблюдать в парке. Ничего не касайся, ни на кого не смотри, нигде не останавливайся. Бежим, что есть мочи по чистым тропинкам и ничего не трогаем.

Эдик не дождался от меня никакого ответа и двинулся наверх. Я полез вслед за ним. Поднявшись на поверхность, мы осторожно огляделись по сторонам. Канализация вывела нас неподалёку от парка, куда нам и предстояло направиться. Тучи так и не прошли, на улице стоял всё тот же полусумрак. Парк был давно заброшен людьми, тротуарная плитка разрушена, заборы, лавки, точнее то, что от них осталось были оплетены тонкой сетью красноватого плюща. Довольно мерзкого на вид, настолько, что к нему не хотелось прикасаться даже без предостережений Эдика. Проходы в парк смотрели на нас черными зияющими провалами, и я поёжился от понимания того, что нам придётся туда идти.

— Что, не по себе стало? Да, так и есть. Страшно там, врать не буду. Только короче и безопаснее сейчас пути нет — лучше парк, чем ворошители. В парке тебя покусать, погрызть, съесть, оцарапать, в конце концов, просто напугать могут. А ворошители, если живым поймают, то таким же овощем, как они сами сделают.

— Ладно уж, хватит нагнетать. Пойдём, может?

— Пошли. Лёгким бегом двинемся. Старайся за мной по пятам идти, но, если чего увижу, предупрежу. Ох, а когда-то именно ты меня учил этот парк проходить. Как же жизнь повернулась.

Эдик пошёл к парку, перейдя дорогу, которая когда-то была оживлённым проспектом, о чём служили оставшиеся дорожные знаки и кое-как сохранившаяся разметка. Даже удивительно, что она вообще осталась, в моём родном мире разметка исчезает самое большее, за два года.

Я пошёл вслед за своим товарищем, всё время оглядываясь по сторонам. Мы ускорили шаг, а когда перелезли через забор, побежали лёгкой трусцой. Тот небольшой свет, который пробивался через тучи, до парка не доходил вовсе. В парке царила почти непроглядная тьма и какая-то зловещая тишина. Казалось, что даже ветер был не властен над деревьями. Среди этой тиши раздавались только наши шаги, но мне всё равно казалось, что кто-то за нами неотрывно следит. Я постоянно оборачивался, понимая, что мои опасения могут быть не

беспочвенны. Эдик тоже оглядывался по сторонам и становился всё более хмурым. Когда мы отошли на достаточное расстояние от входа, Эдик высказал свои опасения.

— Андрюха, идти ещё долго, но нас уже местные обитатели заприметили. Странно как-то. Слишком быстро. В предыдущие разы живность начинала стягиваться только под конец, а сегодня как будто взбесились. Нехорошо это, Андрюх, придётся пробежаться в полную силу. На вот, держи, понадобится.

Я попытался обнаружить эту самую живность, о которой говорил мой товарищ, но не смог. После своих словам, Эдик передал мне какой-то самодельный нож, с увесистой рукояткой и упором. Клинок был довольно длинным, примерно двадцатисантиметровым, начинался с ряда зубцов, а самый конец был обоюдоострым. На мой немой вопрос, Эдик ухмыльнулся и проговорил:

— Держи ухо остро. Любая, запомни, любая, даже самая безобидная на вид тварь в этом парке так и норовит тебя цапнуть. Если кто подходит — бей, не задумываясь.

— А ты как?

— А это твой. Я у тебя дома прихватил, знал, что ты даже не додумаешься, чего взять с собой. Ну всё, пора поднажать. Погнали!

После этих слов, Эдик втопил, как угорелый. Держать его темп мне было довольно тяжело, и спустя минут десять такого бега, я всё же не выдержал и окликнул его, поскольку начал значительно отставать.

— погоди Эдик, чуть помедленнее. Не могу как ты.

— Слабак, давай, только треть пути одолели. Бежать ещё километров пять придётся. Давай-давай, не медли.

На удивление, слова Эдика подействовали, и ещё какое-то время я смог держать достаточно бодрый темп. До тех пор, пока не услышал чей-то плач неподалёку. Вначале я подумал, что мне показалось, из-за чего я чуть замедлил бег, чтобы прислушаться. Плач повторился. А потом я отчётливо услышал детский голос, молящий о помощи.

— Помогите...

Я встал, как вкопанный и повернулся в сторону голоса. Он раздавался от видавшего виды фонтана, расположенного чуть в стороне от нашего пути. Плач повторился, и я пошёл к нему навстречу. Эдик, который убежал чуть вперёд, не сразу заметил моё замешательство, но, когда увидел, резко закричал.

— Дурак, беги! Это попугай! Уходи оттуда, Андрюха.

Но было уже поздно. Когда я подошёл близко к фонтану, откуда раздавался плач и голос, то услышал злобное рычание вокруг. Я попытался вернуться на дорожку, но рык послышался и оттуда — круг замкнулся, меня окружили какие-то существа, которых я не мог разглядеть из-за темноты. Мне стало страшно, и я не понимал, что делать дальше. Пробиваться обратно? Отойти к фонтану? Эдик почему-то тоже замолчал, неужели убежал?! Рычание, начало приближаться. Я достал врученный мне Эдиком нож и крепко сжал. Думаю, что я из этого мира пользовался им неоднократно, поскольку нож идеально расположился в руке. Из-за этого, я почувствовал некоторую уверенность в своих силах.

— А ну кыш отсюда! — прокричал я в темноту, неизвестно кому и помахал ножом перед собой. Особого действия мои слова не возымели, рычание не прекратилось и даже усилилось.

Круг рычащих существ начал сужаться, а в непроглядной тьме вокруг себя я разглядел светящиеся красные буркалы. Существа не спешили нападать на меня. Я прижался спиной к

фонтану, чтобы им было тяжелее застать меня врасплох. Плач и всхлипывания повторились со стороны спины, но, помня слова Эдика, я не стал поворачиваться в сторону этих звуков. Вместо этого, я сконцентрировался на приближающихся тварях.

Наконец, одна из них осмелилась подойти ближе. Я услышал её сопение совсем близко, буквально, в метре от себя и не стал дожидаться, пока она решится меня куснуть. Вместо этого, я сам сделал шаг вперёд и резко рубанул своим ножом, ориентируясь на блеск красноватых глаз. Мой удар достиг цели, тварь завизжала и отпрыгнула назад. На её место тут же встала другая, но нападать не решилась. Существа отступили немного назад. Как будто решили дожидаться моей ошибки. Меня поразило то, насколько это был продуманный ход. У тварей времени было хоть отбавляй. Я же мог продержаться у фонтана, в лучшем случае, день. Неизвестно, какие ещё сюрпризы парк уготовил бы мне ночью, но я очень не хотел проверять это на практике.

Не знаю, сколько я простоял в окружении рычания, сопения и плача. Час, два или больше — я потерял счёт времени. Но тут я услышал крик Эдика и увидел яркую вспышку. После темноты она ослепила меня так, что пришлось зажмурить глаза.

— Рразойдись, проклятые. Чего стоишь, побежали отсюда, пока файер светится. А то вдвоём придётся отбиваться.

Я увидел приближающегося Эдика и разбегающихся в разные стороны существ. Это были крысы, только размером с небольшую дворняжку. Они ринулись наутёк от яркого света, но, судя по всему, это было ненадолго. Того, кто издавал плач и просил о помощи, я разглядеть не смог.

— Ты где пропал?

— Я, по-твоему, дурак? Ринулся бы к тебе с пустыми руками, обоих бы слопали. У нас с тобой тут схрон неподалёку на такие случаи был. Пришлось к нему пробираться, по дороге встретил парочку бешеных псов — парк на удивление живой сегодня, как никогда. И странное дело, все сюда стягиваются.

Мы вновь побежали по парку. Бежать, по словам Эдика, нужно было ещё примерно полчаса. На этот раз, я старался ни на что не обращать внимания, но любопытство всё равно взяло верх, и я спросил у Эдика по поводу попугая.

— Эдик, а кто такие попугаи? Почему он меня заманил в ловушку?

— Не знаю точно, кто это, но попугаями мы их назвали, потому что они звуки разные имитировать могут. И привлекают этим людей случайных. А там уже в дело вступают крысы, видел же их?

— Да, огромные такие. Никогда таких умных крыс не встречал.

— Вот и мы раньше не встречали. Только вот после Нейроса и не такие животные появились. Не сразу, конечно. Спустя пару-тройку лет первые особи о себе знать дали. А сейчас уже второе или третье поколение тварей этих. Ох, сколько новых представителей фауны найдём, когда город зачистим. Учёным будет чем занять себя на долгие годы.

Эдик перевёл дыхание от быстрого бега и продолжил.

— Твари начали социализироваться, взаимодействовать друг с другом. Попугаев не видели мы никогда, но они бывает, и с псами бешеными дружат, и с крысами. Даже с одиночками некоторыми, типа иглокожих медведей. В общем, заманивают людей, а там всякая разная живность может покусать. От роя диких пчёл, до больших отпрысков. Поэтому внимательнее нужно. У них излюбленный приём — плач и крики о помощи. Но, в последнее время, изошрённое приманки выдумывать стали.

— Да уж. Непокойно тут у вас.

Эдик фыркнул, и, не оборачиваясь продолжил.

— «У нас». Ты так говоришь, будто и не жил тут вовсе. Память потерял — дело одно, но я же видел, как ты ножом орудуешь. Тело не обманешь.

— Не помню я ничего, Эдик, хоть убей. Завтра твой Андрей вернётся.

— Не ссы. Прорвёмся, люди и не такие передряги переживали, поди уж как-нибудь и этот период переживём.

До конца парка мы добежали молча — больше нам никто не встретился. Нет, завывания, рычания, крики были, конечно. Они нас преследовали до самого выхода из парка, а потом разочарованно замолчали. Но, в целом, всё обошлось без происшествий. Город вновь нас встретил кострами, огнём в бочках и пустыми улочками. Звук сирены уже прекратился, о чём я тут же поинтересовался у Эдика.

— Всё верно — ворошители в логово возвращаются своё. Только всё равно осторожнее надо быть — те, кто домой к себе идёт, всё равно могут прихватить случайных прохожих. Держи ухо остро. Недалеко осталось.

Глава 9

Ворошители

Подойдя ближе к домам, я понял, что этот район мне до боли знаком. Я огляделся по сторонам, и тут до меня дошло, что мы находимся на той самой улице, где я впервые увидел Марину.

— Погоди, Эдик. Это улица Островского? А дом у Марины восьмой?

Эдик обрадованно хлопнул меня по плечу.

— Точно! Вспоминать начал? Только улица так до войны называлась. А квартиру вспомнишь?

— Вспомню, вот только это не те воспоминания. Сюда я приходил к Марине четыре дня назад. На сеанс психотерапии.

— Ладно, псих, пойдём стучаться.

Мы подошли к дому Марины и, как я и ожидал, постучались в квартиру номер два. Ответом была полная тишина. Эдик постучался ещё несколько раз, но никто так и не выглянул из квартиры.

— Плохи дела. Придётся искать идти. Может, спряталась, где, давай по убежищам пробежимся.

Мы вышли из дома и направились в направлении, параллельном парку. Мы всё время озирались по сторонам, чтобы не попасться на глаза ворошителям. Костры, зажжённые с утра, уже начали угасать — люди пока не спешили выбираться на улицу.

Первое убежище оказалось совсем неподалёку и располагалось в подвале какого-то административного здания. Вход мы обнаружили в цоколе. Огромная железная массивная дверь была надёжно заперта. Рядом с дверью лежал тяжёлый железный прут. Эдик подошёл к двери, взял прут и со всей дури постучался в дверь убежища всё тем же кодовым сигналом, которым стучался в мою квартиру. Какое-то время, нам никто не отвечал. Но затем, мы услышали отодвигаемые засовы, а через какое-то время, дверь осторожно приоткрылась.

— Игорь, не дрейфь. Это Эдик с Андреем.

— Пожрать нет ничего.

— Не жрать мы пришли! Маринка тут?

— Полчаса назад домой ушла.

— Как полчаса?

— Вот так полчаса. Всё сирену ждала, когда закончится, посидели, поболтали и разошлись все по домам. Вот и Маринка также, как и все домой пошла.

— Мы только что оттуда, не встретили её.

— Ох, чуёт моё сердце случилось что-то. Может другой дорогой пошла?

— Нет тут другой дороги... Ладно, Игорь, спасибо. Мы за ней рванём, далеко не должна была уйти.

Мы выбежали на улицу, озираясь по сторонам.

— Если мы с ней разошлись, значит произошло что-то, что заставило её свернуть. А произойти могло только одно — ворошители по пути попались. Пойдём дворами, думаю, что, если даже её сцапали, есть шанс догнать.

— А дальше, что делать будем?

— По ситуации. Может быть и так, что она уже не жилец.

Мы побежали во дворы, прочёсывая каждый дом, заглядывая за каждый угол. Всё было безрезультатно. Внезапно, мне в голову пришла идея.

— Эдик, а тут канализация есть где-то неподалёку?

— Андрюха, ты гений. Точно, Маринка же шарит. Если она и попалась, то должна была в каналюге спрятаться. Погнали, знаю, где неподалёку есть открытый люк.

Эдик побежал ещё глубже, во дворы. Я следовал за ним, пару раз мы повернули, обходя очередной дом, а потом выскочили прямо на группу ворошителей.

К счастью, они не обратили на нас внимания, поскольку были заняты каким-то своим делом. Толпа ворошителей полукругом стояла вокруг колодца. Все вместе они совершали странные действия — цеплялись друг за друга руками, создавая большую цепь из людей, уходящую в люк. Эдик удивлённо прошептал, утянув меня обратно за угол.

— Они сделали антенну из людей... Маринку в угол загнали, точно тебе говорю. Учатся, тварюги, в каналюги залезать. Надо им помешать, Андрюха.

— Есть идеи?

— Думаю, что достаточно будет просто привлечь их внимание, чтобы от Маринки отстали, но придётся после этого рвать когти. Если их разделить, то спустя триста-четыреста метров, они теряют связь друг с другом и начинают страшно тупить. Так что, шансы есть, главное развести их в разные стороны. Давай, я беру на себя направление в сторону здания за ними. Твоя задача — как только они отвлекутся на меня, отрезать часть ворошителей и увести за собой обратно. Кидай в них камни, бей палками, но потом беги со всей дури, ворошители приткие, когда гонятся за жертвой. И усталости не знают.

— Давай. Я готов.

Эдик осторожно вышел из-за угла здания и пошёл вдоль фасада. Я наблюдал за его действиями, стараясь не привлекать внимания к своей персоне. Мой товарищ аккуратно обошёл колодец с противоположной стороны, после чего скрылся из вида. Как я ни пытался, я не смог разглядеть, что он делает, но его план сработал, потому что цепь ворошителей распалась. Добрый десяток странных людей вначале немного постоял на месте, пытаясь найти причину беспокойства, а потом двинулся в сторону, противоположную от меня.

Я побежал вслед за ними. Через минуту я уже нагнал их и не придумал ничего лучше, кроме как закричать, привлекая их внимание. Один из ворошителей отвлёкся на меня, повернув голову, но шагал всё равно в направлении Эдика. Затем, я начал подбирать с земли камни и кидать в сторону толпы, пытаясь разозлить их. Несколько камней попали в их спины, и вся толпа резко остановилась. Кажется, я перестарался, потому что они все разом повернулись в мою сторону и двинулись ко мне. Пришлось повернуть обратно. Позади себя я слышал топот своих преследователей — они не скрывали своего присутствия и бежали, просто чтобы настигнуть наглеца.

Я поворачивал в улочки, пролезал через какие-то заборы, сворачивал за дома, несколько раз выбегал на широкий проспект, по которому когда-то ходили трамваи. Но преследователи никак не отставали — стоило мне хоть немного остановиться, как я вновь слышал их топот. Я начал выдыхаться, а ворошители всё шли по моему следу. Я не понимал, как они это делают, поскольку постоянно петлял и поворачивал так, чтобы предыдущий мой манёвр скрывал от ворошителей следующий, но они всегда безошибочно находили правильный путь ко мне. Я предположил, что они ориентировались по тепловому следу или по стало понятно, что просто так убежать у меня не выйдет. Нужно было что-то предпринимать.

Тем временем, на улице уже сгушались сумерки — наступала ночь. Хоть на улице было

темновато и днём, но теперь, без освещения, казалось, что город поглощает тьма. Редкие костры, были островками света, по которым хоть немного можно было ориентироваться в наступающем мраке. Я уже совсем выдохся и заблудился, как вдруг, очередной поворот вывел меня прямо ко входу в парк, только с какой-то другой стороны — не с той, с которой мы заходили с Эдиком и не с той, с которой вышли.

Я вспомнил слова Эдика о том, что ворошители не лезут в парк. А потом припомнил, что ночью в парке ещё опаснее чем днём. Понимая, что мне не уйти от преследователей просто так, я всё же решился на отчаянный шаг и сиганул через дорогу прямо ко входу. Вход выглядел ещё темнее и так почти непроглядной ночи, опустившейся на город. Пробежав покорёженные ворота, я оглянулся. Ворошители встали в колонну, растянувшись на несколько метров. Они старались не пересекать какую-то невидимую мне, но известную им границу. Они стояли и смотрели на меня, без всяких эмоций, без злобы и досады. А затем случилось то, чего я никак не ожидал. Ворошители заговорили. Хором.

— Человек, который не идентифицирован, остановись.

Я молчал, ошарашенный их внезапной разговорчивостью. Эдик никогда не рассказывал о попытках контакта ворошителей с людьми.

— Личность отсутствует во всех базах данных, проверенных координационным центром. Внешность схожа с Андреем Резниковым, но психотип, голосовые тембры и радужная оболочка глаз имеют незнакомую сигнатуру. Идентифицируйте себя.

— Что вам от меня нужно?

— Требуется идентификация.

— Я — Андрей Резников! Год рождения две тысячи двадцатый.

— Оценка эмоционального состояния и термальных показателей указывают на правдивость данного утверждения. Радужная оболочка глаз, голосовые тембры и психотип не совпадают. Идентификация не подтверждена. Требуется образец ДНК и присутствие особи в координационном центре для полного исследования. Разрешение на выполнение действия с повышенным риском получено. Продолжить преследование цели.

После этих слов, группа преследователей достала фонарики и сделала первый шаг вперёд. Вначале они двигались неуверенно, как будто проверяя почву под ногами, а затем двинулись прямо ко мне. Мне же ничего не оставалось делать, кроме как искать другой выход. Я побежал вглубь парка, лихорадочно соображая, что делать дальше. Сражаться? Ну одного, может двух покромсаю тем ножиком, что у меня остался, а остальные восемь?

Что они такое говорили обо мне? Невозможно идентифицировать? Говорили, как роботы, а не как люди. Может быть, это высокотехнологичные устройства? Или в людей вживили чипы, и кто-то управляет ими? В любом случае, как и в предыдущий раз, техника снова не смогла меня опознать. Видимо, при переносе в следующий мир, переносится не только сознание, но и какие-то незаметные людьми физиологические особенности. Теория Эдика-учёного о мозге, в роли антенны даёт немного сбой. Хотя, быть может, перенастраиваясь на следующую частоту, мозг как раз-таки и меняет что-то в физиологии, как минимум, сетчатки глаза. Ох, как сложно, надо вначале проблему с преследователями решить.

В парке было очень темно. Так темно, что я бежал почти на ощупь, взгляд выхватывал только метр или полтора старой, почти убитой брусчатки. Мои преследователи тоже замедлились, хотя мне было непонятно, отчего. Наверное, связь с «координационным центром» была плохой. Возможно, по какой-то другой причине, которая мне была

абсолютно не интересна. Тем не менее, я всё время слышал их шаги позади меня.

Внезапно, моя рука задела какой-то липкую верёвку, но мышечная память сделала своё дело — я резко отдернул руку и встал как вкопанный. По спине пробежали мурашки — я словно нутром почувствовал впереди опасность. Пришлось достать нож. Ощупав верёвку, я понял, что толщиной она не больше мизинца, но, на ощупь была прочной, как стальной трос. Глаза, уже привыкшие в темноте, выхватили отблески небольших капель, заполонивших всё пространство передо мной. Капли образовывали страшно знакомый рисунок, но мозг отказывался верить в происходящее. Передо мной была огромная паутина, растянутая через всю тропу и цепляющаяся за деревья по краям. На моё счастье, я не задел нить, которая служила сигнализацией своему хозяину. Я боялся представить его размеры. Позади приближались звуки погони, нужно было что-то предпринимать.

Разглядев пробелы среди капель, я решился на отчаянный шаг — мне пришлось очень осторожно пролезать в небольшие отверстия. Сказать, что мне было жуть, как страшно, значит не сказать ничего. Пауков я не боялся и даже любил в детстве подкармливать, ловя им мотыльков и мух, но встретиться с обладателем такой внушительной сети очень не хотелось.

Ворошители настигли меня как раз в тот момент, когда я смог преодолеть препятствие и отойти на несколько шагов вперёд. Они вышли из-за деревьев, увидели меня и бросились за мной. Вот только адаптироваться под новые условия они не успели. Несколько человек, если их можно было так назвать, завязли в паутине. Они тщетно попытались из неё выбраться, но это им не помогло — ещё больше запутались. В какой-то момент, один из ворошителей выронил фонарик, который удачно оказался недалеко от меня. Недолго думая, я схватил его и направил на паутину.

В свете фонаря, она выглядела ещё страшнее. Но ещё внушительнее выглядели её хозяева. Вопреки моему опасению, пауки оказались не настолько большими. Нет, они были очень крупными особями, размером с домашнюю кошку, но явно не под стать сплетённой паутине. От внезапной догадки ладони покрылись потом, и я не смог сдержать восклицания.

— Выводок! Да их тут толпа!

И действительно, со всех концов паутины на моих преследователей накинулись десятки, а может быть даже сотни «паучков». Я не стал дожидаться окончания трапезы и кинулся наутёк, освещая себе дорогу фонариком. Ворошители же молча проводили меня взглядом, не издав ни звука, даже когда их начали пожирать заживо. Хотя, вполне возможно, что они уже давно не были людьми в привычном значении этого слова.

Впереди я заметил свет костра, пробивающийся через деревья, и ускорил бег, чтобы быстрее выбраться из этого проклятого парка. Я подумал, что паутина остановила моих преследователей, но не догадался осмотреться по сторонам и попался нескольким ворошителям прямо на выходе. Четыре или пять преследователей выскочили из кустов мне наперез. От первого я отмахнулся ножом, попав по руке и оттяпав несколько пальцев. Второму со всей дури пнул в живот — тот согнулся напополам и повалился на землю. Физиология у нас всё же была одинаковая.

Но третий изловчился и больно ударил меня по спине какой-то дубинкой. Четвёртый и пятый тут же подскочили ко мне, схватили руки и заломили за спину. Меня повторно огрели по голове так, что в глазах поплыло. Тот, которому я отрубил пальцы достал уцелевшей рукой какой-то предмет, с виду напоминавший мне фотоаппарат, поднёс к моим глазам и попытался им воспользоваться. Предмет быстро-быстро заморгал, но ничего не произошло.

Ворошители снова заговорили все разом.

— Нестандартная ситуация. Невозможно считать и исправить нейронные связи. Требуется обновление программного обеспечения. Доставить особь в координационный центр.

— Да что здесь происходит?! Помогите кто-нибудь.

Я не надеялся, что меня кто-то услышит, но внезапно, ворошители разом, как один вырубались и отпустили меня. От неожиданности, а может быть из-за сильного удара по голове, я тоже упал вместе с ними. В глазах плыло, голова сильно кружилась, и я начал терять сознание. Уже закрыв глаза, я почувствовал, как меня подхватили чьи-то руки и потащили прочь.

Перед тем, как отключиться окончательно, я заставил себя открыть глаза и увидел Эдика. Тот улыбался во весь рот, а рядом с ним стояло ещё несколько человек, вооружённых дубинками и самострелами.

— Андрюха. Живой! Ничего себе, справился с десятком ворошителей, вот даёшь!

— М-маринка как?

— Да, нормально всё! Она в шоке после каналюги, но ворошители не успели до неё добраться. Все за тобой рванули, даже те, которых я на себя отвлек. А ты втопил так, что нагнал я тебя уже почти у парка. Услышал весь ваш разговор, да побежал мужиков звать, один-то я точно бы не справился.

Голова очень кружилась, мой друг начал двоиться, я несколько раз сощурился, пытаюсь прийти в себя.

— М-молодец Эдик, в-всё верно сделал. А Марина тут?

— Нет, дома у себя. Отдыхает, да и тебе отдохнуть нужно, огрели тебя знатно по голове, хорошо, что не треснула. Завтра увидите.

Я улыбнулся, поняв, что всё обошлось и закрыл глаза.

— Не увидимся.

Мне вновь снилось, что я стою в окружении тысяч зеркал. Я ходил среди них, удивлённо рассматривая свои отражения. Они все были разными, но полностью повторяли действия за мной. В какой-то момент я дошёл до зеркал, в которых моё отражение застыло — двойники будто пытались выбраться наружу, стуча по зеркалам с той стороны. Эти бесконечные ряды застывших двойников, лица которых выражали, если не ужас, то ярость. И вновь, я услышал шум разбивающегося стекла, приближающийся издали ударной волной. Я побежал от неё, но она всё равно меня настигла, швырнув на пол и больно ударив по голове.

Глава 10

Больница

На этот раз, я очнулся в больничной койке. В чистой и ухоженной. Голова ужасно болела. Я потянулся к затылку и нащупал огромную шишку. Прикосновение отдалось сильной болью.

— Не трогай, а то хуже будет!

— Ой, кто здесь?

От неожиданности я вздрогнул. Но увидел, что на соседней койке лежал какой-то мужик. Перед глазами плясали искры, да и в целом, в комнате был приглушён свет, и разглядеть говорящего я сразу не смог.

— Тебя вчера притащили, говорят приложился знатно. Башка болит? Кружится?

— Ага.

— Сотрясение значит.

Мой сосед включил небольшой светильник около своей кровати, и я смог осмотреть палату, в которой оказался. Ни одного признака войны я не увидел — чистые стены, стандартный больничный бокс, а из приоткрытого окна, завешанного лёгкой шторкой, доносился шум проезжающих автомобилей и звуки оживлённого города. Из коридора веяло запахом готового завтрака.

— А где я сейчас?

— А точно, ты же без сознания был. На Чкаловской, в госпитале. Повезло тебе, что только шишка. Черепушка треснуть могла.

— А Эдик где?

— Какой Эдик? Друг твой? Домой ушёл, сказал врачам, что сегодня придёт проведать. Говорит, что тебе крюком от крана башенного досталось.

— К-каким крюком? А ворошители? А пауки?

Мужик громко рассмеялся.

— Какие ворошители? Ты, часом, не тронулся?

— Не знаю. Может быть. А вас как зовут?

— Пётр Саныч я. Приятно познакомиться во второй раз.

Голова ужасно кружилась, я почувствовал, как начал проваливаться в сон, но хотел задать ещё несколько вопросов своему соседу по палате.

— Пётр Саныч, простите за странный вопрос. А войны недавно никакой не был, случайно?

— Сто лет почти никаких войн не было. А почему ты про войну разговор завёл? А... Кажется, я понял. Ты из этих... залётных? Как вы там себя называете? Попаданцев, вот.

Сказать, что я удивился, значит не сказать ничего. У меня просто отвисла челюсть и сон, как рукой сняло.

— А вы откуда знаете?

— Зачастили вы сюда, последнюю неделю встречаю то одного, то другого, да и в газетах пишут об участившихся случаях потери памяти. С начала недели уже двух таких встретили. А ты, видимо, третьим будешь.

— Ничего себе! В первый раз такая удача! А вы мне верите?

— Отчего же не верить? Верю, конечно. Друзья мои кто, что говорит. Кто-то говорит,

что с наркотой переборщили, кто-то утверждает, что помешались вы, а я вот уверен, что ни то, ни другое. Встретился я с одной такой позавчера. Потерянная такая была, рассказывала, что не понимает, что дальше делать. Так что, тебе в какой-то мере повезло, что мы встретились.

— Пётр Саныч, а та, которая до меня была, её, случайно, не Мариной звали?

— Мариной. А что, знакомая?

— Даже не знаю. Возможно. А она ещё здесь?

— Скорее всего, только вот, где её найдёшь-то тут? Адреса я её не спросил, мы с ней случайно встретились, тут же в этой же палате лежала. Когда дорогу переходила, на неё мужик какой-то налетел, на ховере.

— На чём?

— Ах, точно. Вы же не знаете совсем ничего. Жили в каком-то захолустье раньше. Ховер — это такой транспорт двухместный на магнитной подушке. В городе не так давно магнитные дороги провели, поэтому ещё пока лихачат, так что на переходах будь осторожнее. Когда выпишут, конечно.

— Пётр Саныч, мне быстрее надо. Срочные дела очень. Спасибо, что помогаете, адрес я, вроде как, знаю.

— Ты подожди, не торопись. У тебя сотрясение же, а с ним постельный режим должен быть. Куда ты собрался сейчас? Зачем торопишься?

— Я не знаю, каким образом обстоят дела у остальных, но у меня есть большая проблема — я ещё ни разу, ни в одном мире, кроме родного не задерживался больше, чем на один день. И, как мне кажется, я знаю причину происходящего.

— Очень интересно, давай подробнее, а я запишу. У меня знакомый есть, в НИИ вместе работаем, думаю, что он точно заинтересуется.

Я кратко рассказал соседу о своих приключениях за последнюю неделю. Тот действительно начал записывать, но не в записную книжку, а просто на диктофон в телефоне — радовало, что в этом мире были смартфоны. Закончил я свой рассказ выводом, к которому пришёл вчера.

— Вот так, все мои проблемы начались с запуска нейтронного нагнетателя, да и вчера, косвенно это тоже подтвердилось, Эдик сказал, что вот-вот его запустят у них в мире. Это не может быть простым совпадением.

Пётр Саныч задумчиво поглядел на меня, затем встал с койки и посмотрел в окно. Потом взглянул в мою сторону и увидел, что я еле держусь в сидячем положении — голова опять закружилась, к горлу подступила тошнота.

— Да, это меняет дело. Я смотрю, тебе опять плохо стало, ложись отдохни. С головой шутить нельзя, доктор сегодня рентген сделает на предмет трещин и, если не будет ничего серьёзного, отпустит домой ближе к вечеру. А я сейчас твой рассказ своему товарищу отправлю. Мы с ним давешние друзья. Ещё с военной кафедры. Думаю, что к обеду он сам приедет ради такого случая.

— Спасибо большое. Пожалуй, да, я немного полежу.

Я опустил на койку, поскольку сидеть стало совсем неважно. В горизонтальном положении, тошнота и боль немного отступили, и я смог уснуть. Сквозь сон я успел услышать, как Пётр Саныч вышел в коридор, видимо, для того чтобы созвониться со своим товарищем. Неужели, мне в кои-то веки повезло?

Мне показалось, что я только на краткий миг успел сомкнуть глаза, как меня тут же

разбудил доктор. В полусонном состоянии, я пошёл вслед за ним, прошёл все обследования. Рентген не показал ничего особенного — трещин не было, что не могло не радовать. Но доктор, почему-то повёл меня дальше.

— Вы с утра сказали, что у вас проблемы с памятью. Думаю, что томография лишней не будет.

— Доктор, вы не поверите, насколько мне это необходимо! Я уже неделю не могу понять, что со мной происходит!

Доктор покачал головой, как-то странно посмотрев на меня.

— Вам надо было раньше обратиться к врачу! А не тянуть целую неделю.

— Я пытался, честно-честно.

— Ладно, проходите в помещение. Клаустрофобией не страдаете? Металлических предметов, имплантов, протезов нет? Алкоголь и наркотики, судя по анализам не употребляли.

Пройдя стандартный набор вопросов, доктор, вместе с медсестрой положили меня в аппарат и вышли из помещения. Дальнейший наш разговор происходил через переговорное устройство.

— Андрей, сохраняйте спокойствие, мы включаем аппарат. Вы ничего не почувствуете, но услышите движение приводов, а также увидите работу томографа. Если некомфортно, то можете закрыть глаза. Всё в порядке?

Я кивнул в знак согласия, и аппарат размеренно загудел. Какое-то время ничего не происходило, но затем, я услышал голоса. Нет, не доктора и медсестры. Просто голоса, навалились на меня со всех сторон. Кто-то говорил, кричал. Затем я услышал звук автомобилей, стрельбу, взрывы. Затем всё слилось в единую какофонию звуков, и среди них я уже ничего не смог различить. Я попытался докричаться до доктора, но это не помогло, поскольку дальше перед глазами начали меняться картинки, одна за другой.

Вначале я оказался в своей родной квартире, в полнейшей тишине. Казалось, будто мир замер. Я огляделся по сторонам, попытался подойти и выглянуть в окно, но резкая боль в голове остановила меня, я зажмурился, схватился за виски, а когда открыл глаза, то оказался уже в камере СИЗО, в которой я оказался из-за автоматике, ни единого звука вокруг также не было. Но ещё страннее было то, что за пределами камеры стоял милиционер. Абсолютно неподвижно застывший в странной позе, будто что-то хотел сказать мне. Я попытался его окрикнуть, но звук словно утонул в окружающем воздухе. Резкая головная боль вновь заставила меня закрыть глаза. А затем я почувствовал резкий знакомый запах аммиака.

— Андрей, очнитесь, давайте же. Есть реакция на свет. Ух, напугали вы нас с Зиной. Вы слышите меня? Можете говорить?

Я попытался ответить, но у меня буквально язык не поворачивался. Во рту было сухо настолько, как будто я не пил целую неделю. Я, как мог, попытался показать жестами, что хочу пить.

— Зина, воды принеси быстрее.

Вода была настолько чудесной, что я начал кашлять, глотнув слишком быстро.

— Не торопитесь, не хватает нам тут ещё утопленника. Андрей, что произошло? Мы почти закончили обследование, как вдруг у вас случился эпилептический припадок. Что вы почувствовали?

— Не знаю, доктор. Какие-то галлюцинации, слуховые и зрительные.

Я не стал вдаваться в подробности о своих похождениях. Одно дело — сосед по палате,

который к тому же сам вывел меня на этот разговор. И совсем по-другому обстоит дело, если мне придётся объяснять всё то же самое врачу — он точно меня упечёт в психушку, а это сейчас ну точно было лишним.

— Галлюцинации, говорите? Ну-ну. Давайте посмотрим на снимки, которые получились. У нас один из точнейших томографов в стране, если проблема именно в головном мозге, то он покажет это хотя бы в одном из срезов.

Вместе с врачом и медсестрой, я прошёл в соседнюю комнату, отделённую толстым стеклом от томографа. Обработка снимков моего мозга уже завершилась, и доктор открыл их для просмотра. И сразу же нахмурился, крутя колёсиком мышки, которое отвечало за управление глубиной среза. Я тоже заглянул в экран — на всех слоях, которые он пролистывал, вместо моей черепной коробки было просто ослепительно белое пятно. Я обратился к доктору.

— И что это значит?

— Честно говоря, впервые вижу такое. За двадцать лет практики, такие снимки в первый раз. Как будто что-то засветило их. Но это, практически, невозможно. Я бы сказал, что нужно повторить исследование, но судя по тому, что у вас случился припадок, лучше не повторять. Сегодня отдыхайте, а завтра подумаем, что можно сделать.

Я вздохнул и пробормотал себе под нос уже заезженную мной же фразу.

— Если бы оно наступило, это завтра.

— Вы что-то сказали?

— Ничего особенного, спасибо за помощь.

Выйдя из кабинета, я с удивлением обнаружил, что голова уже не кружилась, а боль, отдающаяся в черепушке с каждым шагом, прошла. Да и тошнота тоже улетучилась. Нет, шишка на затылке никуда не делась, в чём я сразу же убедился, но именно болевые ощущения внутри головы прошли полностью. Неужели томография как-то повлияла на моё самочувствие?!

Через какое-то время, уже в палате, доктор ещё раз решил провести осмотр, и, в первую очередь, он осветил мне карманным фонариком в глаза.

— Очень интересно. Я уверен, что буквально, с утра у вас ещё было сотрясение мозга. А сейчас зрачки абсолютно нормально реагируют на свет. Как вы себя чувствуете?

— Гораздо лучше, Павел Андреевич.

— Это не может не радовать. Жаль, что с томографией случился такой казус, но, судя по рентгену, общему состоянию и косвенным признакам — серьёзных повреждений, в том числе внутренних, нет. Видимо, придётся вас выписать на вечернем обходе, а пока побудьте ещё немного в больнице. На всякий случай. Пообедаете, поспите в сон час, ещё раз осмотрим вас — и, со спокойной душой, отпустим.

— Спасибо.

Его забота о моём самочувствии меня даже немного порадовала — зачастую, в моём мире, когда я попадал в подобные ситуации, от меня старались как можно быстрее избавиться, чтобы освободить драгоценные койки в местных больницах. «До свадьбы заживёт» — любимый лозунг некоторых врачей. Нет, само собой, врачи попадались и заботливые. Но это было скорее исключением.

Внезапно меня кольнула мысль о том, что я начал вспоминать мои предыдущие пребывания в больницах — рваная рана на бедре от стеклянной банки, неудачно брошенной под ноги, вывихнутое плечо от падения со второго этажа недостроенного дома —

воспоминания нахлынули приливной волной. Я даже прилёг на койку и перестал шевелиться, боясь упустить момент. Но кажется, воспоминания никуда не собирались исчезать, и я отчётливо вспомнил несколько событий, связанных с больницами. Это не могло не радовать — до сегодняшнего дня, я вообще не мог вспомнить что-либо из своей жизни. Значит не всё потеряно! С этими ободряющими мыслями, я не заметил, как задремал.

Проснулся я от того, что меня кто-то яростно теребил за плечи. Я с трудом разлепил глаза, обнаружив перед своим лицом Пётр Саныча.

— Андрей, вставай. Мой товарищ лично приехал, пообщаться хочет. Павел Андреевич только что заходил, увидел, что ты спишь и сказал, что зайдёт на обратном пути. Давай, поднимайся, разговор есть.

Я приподнялся на кровати и огляделся. Потерев глаза, я понял, что следующий день ещё не наступил — непривычно было просыпаться в той же койке, что и уснул. Пётр Саныч протягивал воду, я с благодарностью принял её, осушив сразу весь стакан. Через пятнадцать минут, в комнату зашёл доктор, осмотрел меня, удовлетворённо хмыкнул и обратился к медсестре.

— Можно выписывать, судя по всему, первоначальный диагноз был ошибочным — никаких признаков сотрясения. Пётр Саныч, там вас заждались уже.

— Идём-идём, сейчас. Андрея ждём, мой товарищ его до дома подбросит.

— Ну вот и здорово. С выздоровлением!

Пётр Саныч проводил меня к приёмным покоям, где нас нетерпеливо ждал его товарищ. Его товарищем оказался никто иной, как Фёдор Геннадьевич собственной персоной! И я не преминул это озвучить.

— Фёдор Геннадьевич?!

Тот в ответ на мои слова только нахмурился, пытаюсь вспомнить, где мы встречались.

— Мы знакомы, молодой человек?

— Возможно... Точнее да... Но не здесь, видимо.

— Да-да, точно! Пётр Саныч мне рассказал о вашей проблеме. Я выслушал ваш рассказ, и он меня очень заинтересовал. Особенно та часть, в которой вы рассказывали о нейтронном нагнетателе, что очень и очень странно! Дело в том, что об этой установке знают лишь несколько человек и вы точно не входите в их число. Установка засекречена, мы планировали рассказать о ней публике только завтра, после запуска.

— Нельзя это делать! Необходимо остановить запуск установки!

— Да, это я уже слышал от Пети. Но проблема в том, что это невозможно сделать. Нейтронный нагнетатель спроектирован таким образом, что остановить его запуск невозможно на текущей стадии — только после полного старта. Если мы остановим её на этапе разогрева и начала работы, это чревато большими проблемами.

— Неужели ничего нельзя сделать?! Фёдор Геннадьевич, после запуска нейтронного нагнетателя произошло то, что я описал. Я подозреваю, что в каждом мире на следующую ночь должен был запуситься нагнетатель. Как минимум, в двух мирах это должно было произойти на следующий день, а в других я просто не успел в достаточной мере освоиться.

Фёдор Геннадьевич лишь развёл руками.

— Боюсь, тут я ничем вам не смогу помочь, Андрей. Нагнетатель не остановить прямо сейчас или в ближайшие два дня — это точно. Но, чисто гипотетически, я думаю, что можно собрать устройство, которое позволит вам остаться в мире, в котором был запущен

нейтронный нагнетатель. Было бы больше времени... Если догадка вашего товарища верна и ваш мозг каждый раз при запуске нейтронного нагнетателя настраивается на новую волну, то я думаю, что есть возможность изолировать воздействие нагнетателя на ваш мозг. Вы говорите, у вас в запасе всего четыре часа?

— Да, около того. Но мне ещё нужно успеть найти Марину. На моей памяти, это первый случай, когда мой знакомый, с которым, как бы ни было парадоксально, но мы встречались ранее, оказался таким же попаданцем, как и я. Не считая вас.

Фёдор Геннадьевич заинтересовался, и я вкратце рассказал ему о нашем с ним знакомстве.

— Очень интересно. Это не может быть просто совпадением. Возможно, это связано с первым запуском нагнетателя. Судя по вашему описанию, вы в точности повторяли ту же процедуру, что и сегодня я. Это точно связанные события, но пока, без дополнительной информации, достоверно невозможно сказать, является ли это первопричиной ваших бед. Вы ведь сказали, что ни Эдика, ни Марины до первого запуска нагнетателя не знали?

— Не знал.

— Вот и я о том же. Слишком много неизвестных. Давайте действовать так, как можем действовать на данный момент. А на данный момент, я постараюсь собрать вам изолирующее устройство. Оставьте свой контакт. Как только будет готово — наберу вам.

— Спасибо большое.

— Кстати, давайте я подброшу вас до места назначения. Где вы намереваетесь искать Марину?

— Островского восемь.

— Поехали, нам почти по пути.

Собрав все свои вещи, коих было совсем немного, и оставив записку Эдику на тот случай, если он придет навестить меня в больницу, мы с Фёдором Геннадьевичем отправились на улицу Островского. Перед уходом, я попрощался с Петром Санычем. Тот крепко пожал мне руку и сказал напутственные слова.

— Не волнуйся, Андрюха. Фёдор Геннадьевич — голова, он точно придумает, что вам дальше делать. Но ты это. Привет мне в другом мире каком-нибудь передай, если встретишь. Если помощь понадобится вдруг, напомни про случай в горах, когда меня Федя со льдов вытаскивал с ногами переломанными. Сорок лет назад случай был, с тех пор ни разу в горах не был, но тянет всё время, просто жуть. Не факт, конечно, что везде такое случилось, но, судя по твоим рассказам, когда человек одним делом живёт, то и жизнь, и друзья у него навеки, в каких бы мирах он ни существовал, судьба всё равно своё берёт.

В городе было совсем тихо, несмотря на обилие техники вокруг. Проносящиеся по дороге автомобили издавали мерное гудение, похожее на двигатель троллейбуса. Как будто двигатели у них были не на бензине. Дороги были идеально ровные, созданные из какого-то матового материала, почти не дающего бликов. Я не преминул спросить об этом у Фёдора Геннадьевича.

— Да, всё верно. Страна уже давно избавилась от двигателей внутреннего сгорания в пользу аккумуляторов и двигателей на магнитной тяге. Дороги созданы из специального ферромагнитного материала, можно сказать, сверхпроводящего, только работающего при нормальной температуре, а не только при сверхнизкой.

— А откуда такие технологии?

— В своё время, империя получила огромную прибыль с полезных ископаемых,

которыми богата вся наша территория. Экспорт принёс просто огромное количество средств в бюджет, и, в какой-то момент, правительство решило перейти на возобновляемые источники энергии. Переход был довольно долгим, но продуктивным. Полезные ископаемые до сих пор используются активно, но, в основном, на производстве и множестве электростанций, а бытовое потребление снизилось, практически, до нуля.

— Империя? А как же первая мировая? Ленин? Сталин?

— Первая мировая, конечно, была тяжким испытанием, но Ленин и Сталин-то чем вам не угодили? Значимые политические деятели, премьер-министры страны при правлении Николая Второго. Внесли огромный вклад в развитие промышленности и военной мощи страны.

— Спасибо за краткий исторический экскурс. А сейчас кто правит?

— Пётр Алексеевич, внук Николая. Алексею, к сожалению, не довелось побывать на троне — болезнь скосила, а вот сын его стал прямым наследником. Только правители наши ведь, сами понимаете, политикой особо не занимаются. Основные бразды правления у правительства и премьера.

Так, за разговорами об истории царской семьи после первой мировой, мы доехали на ховере Фёдора Геннадьевича до нужного дома. Он остановился у края проезжей части и пожелал мне удачи, пообещав перезвонить через пару часов.

Подойдя к двери подъезда, я набрал нужный номер (второй) и стал ждать ответа. Через несколько гудков, трубку подняли и знакомый женский голос ответил мне.

— Слушаю вас!

— Марина, здравствуйте. Скорее всего, вы меня не знаете...

— Андрей?! Ты?! С ума сойти, заходи скорее!

Из домофона послышался звук открытия дверей. Дверь отворилась, и я направился по уже знакомому подъезду к нужной двери, которая была открыта. В проёме стояла Марина, которая кинулась ко мне на шею, как только я подошёл ближе.

— Боже мой, ты нашёл меня! Не поверишь, что я пережила за эти два месяца, в особенности за последнюю неделю. После того, как нас всех разбросало кого куда, я не знала, что мне делать, совсем ничего, понимаешь! Но теперь-то мы точно найдём решение!

Я недоумённо уставился на неё, не понимая ни слова.

— Марина, извини, пожалуйста, я не совсем понимаю о чём ты.

По её лицу пробежало несколько чувств, от удивления до разочарования, но потом она взяла себя в руки.

— погоди, мы знакомы? Мы просто знакомы да?

— Нет, не просто. Я попаданец, как и ты.

На этот раз, разочарование сменилось облегчением. Но я поспешил продолжить.

— Но не всё так просто, Марина. Я с тобой знаком всего лишь неделю, как и с Эдиком, как и с Марко Поло. Единственный, кого я знаю около двух месяцев — это Фёдор Геннадьевич. И да, прости, я совершенно ничего не понял из того, что ты сказала. У меня память пропала обо всём, что было чуть больше двух месяцев назад. И у меня всего три часа, после чего, мы с тобой, скорее всего, снова расстанемся.

Марина внимательно меня выслушала, потом задумалась ненадолго и, наконец, приняла какое-то решение.

— Хорошо, пойдём. Налью чай, поговорим спокойно. Радует, что я не одна такая, но печалит, что ты меня не помнишь. Мы же со школы знакомы, с тобой и Эдиком. А Фёдор

Геннадьевич — наш куратор в университете. Его мы тоже давно знаем, скоро будет лет пять. В общем, пойдём, посидим. Расскажешь о себе.

Мы прошли на кухню, Марина на скорую руку приготовила чай, после чего мы уселись друг напротив друга и начали свои рассказы. Первым начал я, рассказав о жизни в городе, запуске нагнетателя, моих скитаниях по мирам и встречи с ней, Эдиком, Фёдором Геннадьевичем и общением с Марко Поло.

— Марко Поло я не знаю. Никогда не слышала о нём. Остальные мне знакомы, извини, что перебила, продолжай.

Я завершил свой рассказ, упомянув о том, что местный Фёдор Геннадьевич пообещал мне помочь с изолятором нагнетателя.

— Очень интересно. Проекции, миры, ворошители. У меня не так всё запущено. В этом мире я уже три дня, при этом, в последний раз меня кинуло в другой мир за неделю до этого. А началось вся эта кутерьма с попытки запуска нейтронного нагнетателя чуть больше двух месяцев назад. Тогда мы вчетвером решили в тестовом режиме запустить нейтронный нагнетатель на малую мощность. Вначале всё шло как надо, но, в какой-то момент, тебе позвонили, ты вышел ответить, а у нас начали сбойть показатели, один за другим. Приборы словно взбесились, мы пытались остановить эксперимент, и в какой-то момент, Фёдор Геннадьевич просто вырубил питание у установки. Весь кабинет осветила яркая вспышка, после чего я проснулась у себя дома. Но в другом мире, в котором прожила, без малого пару месяцев. Пыталась найти вас, но либо натыкалась на полное непонимание, либо вас вообще не существовало в городе. Этот мир — третий по счёту. У тебя, если я ничего не путаю, шестой. Видимо, нас всех разбросало, кого куда. Но до этого момента, я никак не связывала свои путешествия с запуском нейтронного нагнетателя. Нет, подозревала конечно, но теперь знаю наверняка. А на тебя тот взрыв, видимо сработал таким образом, что ты попадаешь за день до запуска нагнетателя. И каждый раз тебя кидает в следующий мир, где неизбежно будет запущен нагнетатель в грядущую ночь. Видимо, завтра мы уже проснёмся в разных мирах, и неизвестно, когда наши пути снова пересекутся.

Марина замолчала. Рассказ дался ей тяжело, я встал со своего стула, подошёл и обнял за плечи. Она прижалась ко мне и начала тихонько вздрагивать.

— Господи, ты не представляешь, чего я только не навывдумывала. И сумасшествие, и шизофрению, и раздвоение личности. Страшно, просто до жути. Но теперь, я хотя бы точно знаю, что это не так.

— Не волнуйся, Марина. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Я уже начал находить единомышленников, главное — вести себя уверенно и искать правильных людей, которые не упекут тебя в психушку. Жаль, что у меня катастрофически мало времени — всего один день. Но, возможно, у тебя этого времени будет чуть больше. Странно, что я не помню тех событий, которые ты описала. Но, после томографии, у меня стали появляться какие-то обрывочные воспоминания из детства и юношества. Теперь осталось понять, как это использовать.

Внезапно зазвонил телефон. Я глянул на дисплей и понял, что за разговором не заметил, как прошло целых два часа. Звонил Фёдор Геннадьевич.

— Слушаю.

— Андрей, привет, я скоро приеду. По-быстрому, собрал поляризатор, который должен защитить твой мозг от воздействия нагнетателя. Не факт, что поможет, но надо пробовать. Уже еду к вам, ждите.

Я положил трубку и ободряюще подмигнул Марине.

— А вот и хорошие новости. Скоро Фёдор Геннадьевич будет тут. Он собрал какой-то поляризатор, так что, теоретически, я смогу остаться в этом мире.

— Андрей, но у меня же не будет поляризатора, я в этом мире не смогу остаться, если наша теория верна, и мы переносимся по мирам в тот момент, когда запускается нагнетатель.

— Марина, я знаю. Не переживай, я найду способ, который позволит нам найти друг друга. Я не могу рисковать ещё и тобой. Кто знает, как этот поляризатор работает со мной. Давай не будем проводить эксперименты сразу на нескольких людях.

Наш разговор прервал звонок в дверь — приехал Фёдор Геннадьевич. На часах было уже половина двенадцатого. Марина впустила учёного, который очень волновался. В руках он держал небольшой свёрток.

— Вот! Готово! Достоверно не знаю, как он работает, надеюсь, что мозги тебе не запечёт.

— Оптимистичненько. Фёдор Геннадьевич, у нас мало времени. Объясните принцип работы, что я должен делать.

— Поляризатор, по своей сути — «шапочка из фольги». Только фольга эта невидимая и создаётся при помощи мощного электромагнитного поля. Я взял обычные наушники, добавил несколько магнитов, которые нашёл в лаборатории. Магниты активируются кнопкой включения микрофона. Запитаны от источника питания, который прикрутил к шнуру. Пришлось работать быстро, поэтому не нашёл ничего лучше этого небольшого аккумулятора. К сожалению, его мощности хватит только на пять, может быть десять минут. Но, по крайней мере, ты сможешь понять, что устройство сработало. Гипотетически, мощное магнитное поле, созданное вокруг твоей головы, на небольшой срок защитит тебя от воздействия нагнетателя. Это неточно, но проверить стоит.

Я оглядел созданный Фёдором Геннадьевичем девайс. Выглядел он очень кустарно, тут и там торчали провода, проволока и оголённые контакты, наскоро припаянные к магнитам. Три магнита шли вдоль дуги, соединяющей два уха, ещё два наш научный руководитель закрепил перпендикулярно таким образом, что один касался лба, а второй затылка. Выглядело устройство довольно забавно. Время поджимало, поэтому я сразу же надел его на голову. Марина прыснула от смеха, а доктор смущённо развёл руки в стороны.

— Извините, пожалуйста, но на модные девайсы у меня точно не хватило бы времени. Андрей, у нас десять минут. Приготовьтесь запускать поляризатор. Желательно это сделать прямо в ноль часов, но лучше не рисковать и запустить чуть раньше. Я заведу будильник за две минуты до полуночи.

Оставшиеся минуты длились словно часы, я устроился поудобнее на диване, Фёдор Геннадьевич сел напротив меня, а Марина встала у противоположной стены, скрестив руки. От напряжения я даже немного вспотел. Наконец, сработал будильник, я переключил рычажок, управляющий микрофоном. Магниты тихонько загудели, обозначив свою работу. Учёный кивнул в мою сторону и обратился к Марине.

— Видите, на дужке загорелся диод, значит поляризатор работает. Через пару минут мы поймём, что случилось с нашим испытуемым.

Ещё несколько мгновений не происходило ничего особенного — за открытым окном тихо шумела листва и изредка проезжающие ховеры. Вдали слышны были звуки никогда не засыпающего города — отдалённый вой сирены пожарного автомобиля, периодические

гудки автомобилей, даже лай встретившихся собак.

А потом все звуки исчезли. Просто мгновенно затихли, будто кто-то поставил их на паузу. Магниты начали нагреваться, не слишком сильно, но ощутимо. Я перевёл взгляд на Марину и Фёдора Геннадьевича. Они застыли, словно каменные изваяния, глядя на меня. Научрук сидел на табуретке, сложа руки на подбородке и упершись локтями в колени, а Марина застыла в какой-то совсем неестественной позе, будто начала терять сознание, но что-то подхватило её в воздухе.

Я попытался подняться, но не смог пошевелить ни одним пальцем. Попытался крикнуть, но язык словно прилип к горлу, двигался очень медленно. Слабый хрип, который я смог издать утонул в окружающем пространстве. Время полностью остановилось. Весь мир вокруг меня остановился, и мне стало очень страшно. А потом, наушники издали слабый писк, а я провалился в темноту. Видимо, у поляризатора сел аккумулятор.

Глава 11

Обелиски

И вновь мне снились зеркала, уходящие в бесконечность. Только на этот раз в них отражался не только я, но и все мои друзья. Марина, Эдик, Фёдор Геннадьевич, то вместе со мной, то по отдельности. В каких-то зеркалах они живо вели диалог друг с другом, в каких-то стояли, словно каменные изваяния.

И снова пустое зеркало, в котором отражались только они втроём. Мне казалось, что я начал догадываться, что с ними не так, а потом просто упал перед зеркалом на колени и прислонился лбом к его прохладной поверхности. Почему-то, по моим щекам потекли слёзы, которые стекали к подбородку и падали на пол. Единственный звук, который разносился в этом пустом тихом пространстве — был звук моих падающих слёз.

И вновь волна разрушения начала меня наступать из бесконечности, шум разбивающихся стёкол заставил меня действовать, и я побежал. Бежал я недолго, пытаясь увернуться от выскакивающих тут и там зеркал. Но звон преследовал меня по пятам так быстро, что я понял — мне уже не убежать. Обернувшись на звук, я увидел летящие прямо в меня осколки. Пытаясь сберечь лицо, я повернулся обратно, как вдруг прямо передо мной оказалось очередное зеркало, я попытался остановиться, по инерции налетел прямо на него, но вместо удара почувствовал мягкое погружение, как будто нырнул в бассейн с водой за мгновение до настигнувших меня осколков.

Пробуждение на этот раз было чертовски тяжёлым. Я с трудом разлепил глаза и ощупал голову — естественно, на ней не было никакого поляризатора. Все мышцы тела болели, как будто во сне их все разом свело. Тем не менее, я смог пошевелиться и всё-таки скинуть с себя одеяло. Боль отдавалась во всём теле при каждом движении, во рту ужасно пересохло, и я поплёлся на кухню, чтобы попить воды. Как всегда, обстановка в квартире совершенно изменилась — но на этот раз, все вещи были более-менее узнаваемы. Диван, кровать, телевизор, компьютер — всё было на месте.

Попив воды, я решил не терять времени и сразу же включил телевизор, в поисках какого-нибудь местного новостного канала. Долго искать не пришлось, уже второй канал встретил меня заставкой новостей, после которой диктор начал рассказывать о последних происшествиях.

— Обелисковые потоки совсем недавно удалось обуздать учёным корпорации «Ресёрч Индастриз», что позволило создать интереснейшие устройства, позволяющие генерировать простые плетения. Их называли генераторами обелисковых полей. Недавно, корпорация выпустила видеоролик, в котором такой генератор создаёт направленную тепловую волну. Пока данные устройства достаточно громоздки и занимают целый этаж, но изобретатели утверждают, что не за горами то время, когда генераторы смогут помещаться в руке.

Я переключил канал, поскольку почти ничего не понял из сказанного. Следующий канал назывался «Обелисковым обозревателем». На этот раз в студии было два ведущих, которые приглашали в студию какого-то гостя, который утверждал, что ему удалось ускорить процесс регенерации клеток при помощи нового вида плетений. Ведущие попросили его продемонстрировать данное умение, и гость действительно решился это сделать. Прямо в студии, он пригласил добровольца, спросил его разрешение на

медицинское вмешательство, достал ланцет и немного порезал безымянный палец. Ведущие запоздало попросили слабонервных и детей отойти от экрана. Затем произошло что-то невероятное — гость взял ладонь испытуемого в свои руки, долгое время смотрел на неё, после чего камера крупным планом запечатлела рубцевание и затягивание только что порезанного пальца.

— Что за фантастика? Где нормальные новости?! — всё, что я смог сказать. Пощёлкав ещё немного, я наткнулся на передачу о том, как обелисковые потоки используют для создания тепловой волны, как замораживают или нагревают продукты усилием воли. Раздосадованный, я выключил телевизор и полез в интернет. По зомбоящику и не такое показать могут.

Каково же было моё удивление, когда в интернет-новостях я начал читать всё те же упоминания о новых паранормальных способностях, обнаруженных у людей, восприимчивых к обелисковым полям. Блогеры, журналисты, ведущие каналов, учёные — все наперебой возвещали о начале новой эры, новой ступени, нового шага в жизни человечества. Немного покопавшись в данном вопросе, я выяснил, что совсем недавно, буквально в первой половине этого года, на поверхности земного шара, во всех точках планеты появились загадочные обелиски, абсолютно зеркальные. Спустя какое-то время, обелиски начали генерировать потоки неизвестной ранее энергии, после чего люди стали обнаруживать в себе паранормальные способности.

— Вот те раз. Ещё и магов мне не хватало. — вновь не удержался я от комментария.

Продолжив свои исследования, я заглянул в почту, контакты, бегло просмотрел документы. С удовлетворением обнаружил, что в телефоне есть, как минимум, один знакомый контакт — Эдуард Альбертович. Почему так официально, я пока не стал разбираться, но решил, что, возможно, Эдик в этом мире является для меня каким-нибудь руководителем. Найдя в телефоне свой номер, я зашёл на несколько местных форумов и оставил объявление с уже придуманным ранее заголовком — ВСЕМ ПОПАДАНЦАМ СЮДА. Оставил свои контактные данные — почту и телефон, после чего отправился завтракать.

Перекусив на скорую руку бутербродом с колбасой и запив всё ароматной чашкой кофе, я понял, что в кои-то веки, день начался по моему плану. Меня никто не преследовал, никто со мной не просыпался рядом, город за окном, в целом, казался вполне дружелюбным и знакомым. Да, как обычно были отличия в архитектуре, автомобилях, немного отличались дома, преимущественно тем, что на них повсюду были расклеены плакаты с изображением обелисков. Но, в целом, особо больших отличий не было. Люди на улице тоже присутствовали и занимались своими делами — кто-то спешил на работу, какая-то шумная компания сидела на скамейке во дворе и что-то громко обсуждала, на детских площадках играли дети и ссорились их мамы. Всё было, как обычно, и я с облегчением вздохнул.

Лёгкий завтрак придал мне уверенности и сил, я взял телефон и набрал Эдика. Через два гудка мне ответил сонный голос.

— Слушаю.

— Эдуард Альбертович?

— Андрюха, ты дурак? Хватит уже, чего звонишь?

— Прости, я подумал, вдруг ты какой-нибудь мой начальник.

— Так и есть, дурень, но с каких пор ты решил меня по имени и отчеству называть? Буквально вчера с тобой разговаривали, и я объяснил тебе, что я не тот Эдик, который был

твоим руководителем последние полгода. Ты даже верить мне начал, с чего вдруг снова перешёл на официальный тон?

— С ума сойти! Эдик, ты попаданец что ли?

— Да, он самый, как и вчера. Ты подумал, что это тебе приснилось что ли?

— Эдик, надо встретиться. Я, буквально, вчера разговаривал с Мариной и Фёдором Геннадьевичем. Есть первые успехи! Где мы тут обычно обитаем?

— Андрюха?! Марина?! Фёдор Геннадьевич?! Вот это точно «с ума сойти». Подъеду через тридцать минут! — голос Эдика мгновенно перестал быть сонным.

Всё складывалось, как нельзя лучше. Мало того, что мир попался спокойный, так мы ещё и с Эдиком пересеклись. Просто невероятное везение. Настроение поднялось до небывалых высот, и я отправился принять душ до приезда Эдика. Ну теперь-то мы точно что-нибудь придумаем. Полчаса пролетели, и Эдик, как и обещал, позвонил в мою дверь.

Я открыл ему, протянул руку, но он просто обнял меня так, будто мы были неразлучными друзьями, на долгое время расстались и не виделись целую вечность.

— Андрюха! Вот это удача!

— погоди ты, объясни, пожалуйста, у меня вся жизнь кувырком последнюю неделю.

— Только неделю?! У меня жизнь кувырком с того самого эксперимента, который выкинул меня из моего родного мира. А потом ещё раз. Я тут уже неделю торчу, пытаюсь освоиться, а тут ты заявился! Да ещё и с новостями, рассказывай! Вы придумали, как вернуть меня обратно?

Я поспешил остудить его пыл.

— Эдик, куда обратно? Я не понимаю о чём идёт речь. В прошлом мире, Марина мне тоже рассказала о каком-то событии. Но со мной будто бы происходит что-то другое. Меня каждый день кидает в очередную проекцию.

— Проекцию?

— Да, не запаривайся. Терминология из другого мира. Придуманная тобой, кстати. Давай сядем, нальём чай и поговорим.

Мне в очередной раз пришлось рассказать Эдику о своих приключениях. Сколько мне ещё придётся этим заниматься, я не знал, но, было похоже, что мои мучения кончатся нескоро. Эдик сидел, задумчиво вращая в руках чайную ложку.

— Дела... Так ты говоришь, ничего не помнишь вообще? Странно всё это. Судя по всему, Марина всё помнит, как и я. Фёдор Геннадьевич, которого ты видел четыре дня назад, тоже, думаю, из наших, но не будем забегать вперёд. У тебя и правда уникальный случай, и это не может быть простым совпадением. Я более чем уверен, что ты тот самый Андрей. Так, говоришь, у нас времени всего до конца сегодняшнего дня?

Я кивнул, подтверждая сказанный мной ранее слова.

— Видимо, где-то у тебя в подкорке сохранился образ, как ты говоришь, проекции, за сутки до пятидесятипроцентной активации нагнетателя. И ты попадаешь в каждый мир именно в тот момент, когда его начинают запускать, когда он уже успевает внести необратимые изменения в структуру проекции. Другого объяснения я, пока, не смогу предложить. Сейчас нам нужно придумать план дальнейших действий. Ты уже нашёл «Марко Поло» в этом мире? Успел связаться? Интересно, кто этот человек, если ты, я, Марина и Фёдор Геннадьевич им не являемся?

— Понятия не имею. Надо проверить почту. В прошлый раз нам не удалось встретиться. Может быть, сейчас получится.

— Хорошо, но нам важно понять другое. Как сделать так, чтобы ты или я остались настроены на «одну волну»? Есть идеи?

— Я подозреваю, что томограф может в этом помочь. Когда его активировали, я будто бы смог побывать в нескольких предыдущих мирах. Не знаю, является ли томограф просто катализатором или основным инструментом. Но, кажется, что с его помощью, я могу синхронизироваться с другими проекциями.

— Значит, стоит начать именно с этого! У меня тут есть товарищ, заведующий диагностическим отделением. Сейчас свяжусь с ним. Кстати, ты не рассказал мне, что видел там, в этих мирах? Ты попадал опять в самого себя посередине какого-то действия? Или наблюдал со стороны?

— Знаешь, это был довольно странный опыт. Не знаю. Затрудняюсь ответить. Возможно, томограф просто вызывал у меня какие-то галлюцинации. Это ведь просто моя гипотеза. В общем, там, где я побывал при помощи томографа, время будто бы остановилось. Я попадал ровно в тот момент, в который, как мне кажется, покинул. Это странно, может быть, томограф просто заставил меня вспомнить последнее мгновение, проведённое в покинутой проекции.

— Да. Действительно странно. А может быть, это результат действия нагнетателя. Что если в мирах, которые мы покинули случилось что-то непоправимое? Ладно, давай пока без фатализма, попробуем повторить эксперимент с томографом, а там глянем. Времени у нас на этот раз предостаточно. В общем, пошёл звонить товарищу.

Пока Эдик набирал своего новоиспечённого товарища и договаривался о встрече, я решил проверить почту. Моему удивлению не было предела, когда я обнаружил письмо не от кого-нибудь, а от самого Марко Поло! В письме он обрадовался тому, что вновь увидел сообщение на форуме о попаданцах. Кроме того, он готов был примчаться по любому адресу, который я бы ему сообщил.

— Эдик, ты не поверишь, но Марко Поло тоже в этом мире!

Я напечатал в письме адрес и время, которые мне сообщил Эдик, и отправил Марко Поло. Наконец-то, мы встретимся с ним, нужно будет обязательно разузнать, где он побывал. А вдруг, мы с ним синхронизированы и бываем в одних мирах? Наскоро допив чай, мы, вместе с Эдиком отправились в диагностический центр. В этом мире, у моего друга был личный автомобиль, да и, в целом, мир, если не считать упоминаний обелисков повсюду, был очень похожим на мой первоначальный.

— Слушай, а что за история случилась с этим миром? Ты уже давно тут, немного освоился. Есть что-то интересное?

— Да, я пробежался по истории, но только совсем поверхностно. В начале года, в этом мире произошёл какой-то катаклизм. Буквально, полгода назад, по всему миру появились какие-то загадочные изваяния. Поначалу все начали вопить кто о чём. Кто-то заподозрил западное вмешательство, кто-то начал вещать о втором пришествии, в общем, паника. Ну, и на самом деле, насколько я могу судить, достаточно обоснованная. Тут без вмешательства какого-то сверхразума не обошлось. Сейчас по миру гуляет культ обелисков, чуть ли не религиозный. А сами обелиски начали излучать какую-то доселе неизвестную энергию, которая людей чуть ли не магами делает. Честно, сам не верил, пока одного местного не встретил. Он может силой мысли предметы металлические двигать, на площади представление по вечерам проводит — бабло рубит только так. Говорят, что в мире довольно много таких нашлось, но пока всё равно всем в диковинку.

Мы ехали, а Эдик всё рассказывал. Рассказал он мне не очень много — что-то я уже вычитал в интернете, до чего-то догадался сам. Но даже эта информация была интересной. Насколько же разные проекции у нашей вселенной. Или правильнее сказать, насколько разные вселенные в нашем мире? Даже не знаю, как правильно сформулировать, но для себя я решил всё-таки придерживаться терминологии, которую ввёл Эдик-чудак из мира социализма. Вселенная одна, но у неё множество проекций на одиннадцатимерное пространство. Даже если взять три классических измерения, и спроецировать их на одиннадцать осей, разным способом, получится около ста пятидесяти комбинаций. А если взять пространство-время Минковского, то и все триста. Но это если брать просто теорию струн и представлять, что пространство-время проецируется различным способом на одиннадцать осей. Но, фактически, может быть, как осей может быть не одиннадцать, а бесконечное количество, так и наше пространство-время может быть гораздо более многомерным.

Из размышлений меня вывели слова Эдика о том, что мы прибыли. Автомобиль заехал на территорию местной подземной парковки, предназначенной только для клиентов центра, и остановился на свободном месте. Нас уже встречал друг Эдика, который был, как мне показалось, немного раздражённым.

— Привет. Эдик, давай в следующий раз в общей очереди? Знаешь, сколько мне клиентов пришлось обзвонить, чтобы пододвинуть каждого на два часа?

— Колян, ну ладно тебе. Неужели я так часто прошу тебя об услуге? Оплачу всё вдвойне.

С этими словами он подмигнул мне. Понятное дело, только я понимал, что Эдик может особо не заботиться о своём благосостоянии, поскольку после того, как он покинет этот мир, то его альтернативная личность вынуждена будет сама расплачиваться по счетам. Немного эгоистично, но, другого выхода у нас всё равно не было — либо мы используем все доступные средства, либо ничего не делаем и бесконечно мотаемся по мирам. Николай, судя по всему, немного остыл, услышав щедрое предложение Эдика.

— Ладно, чего уж там, пойдёмте. Всё уже готово. Эдик, только один вопрос. Для чего тебе понадобилось именно самое дорогое исследование? Установка, конечно, у нас самая мощная в городе. Да и нигде больше ты не найдёшь томографа с переменной напряжённостью — новейшая разработка. Но, подскажи, пожалуйста, зачем такой обширный диапазон исследования, от половины Теслы до семи?!

Глава 12

Томограф

— Коля, всё сам поймёшь. У моего товарища, скажем так, совершенно необычная патология мозга. Но перед этим необходимо просканировать меня.

— Хорошо, без проблем. Кто платит, тот и танцует.

— Ты просто душка.

Мы прошли в диагностический кабинет, в котором находился аппарат. Вот только он совершенно отличался от тех томографов, которые я видел когда-либо на картинках или вживую. Выглядел он, очень необычно — три слоя колец, в центре которых располагалось место для человека. А после того, как Николай привёл в движения кольца, он совсем стал похожим на гироскоп. Медик, увидев моё удивлённое выражение лица, дал пояснение.

— Я же сказал, что данный томограф — новейшая разработка. Таких в стране всего десять штук. Три слоя колец — магниты, создающие поля с напряжённостью половины тесла, три тесла и десять тесла. При помощи сервоприводов, кольца можно не только вращать, но и увеличивать по радиусу, создавая поле нужной напряжённости. Чем дальше кольцо, тем слабее поле, чем ближе — тем сильнее. Если нужно провести какое-то простое исследование, то задействуется самое первое кольцо, позволяющее просканировать неподвижные органы и выявить самые явные патологии. При сложных исследованиях, задействуются все три слоя, в таких случаях, мы можем найти даже мельчайшие отклонения от нормы. Впечатляет?

Эдик присвистнул.

— На самом деле, действительно впечатляет. Никогда такого не видел.

Я же не сразу нашёл, что ответить, но доктор посчитал, что я испугался предстоящей процедуры, поэтому решил успокоить.

— Ну ничего, сейчас увидите аппарат в действии — начнём с Эдуарда Альбертовича, и вы поймёте, что ничего страшного в этом нет. Начинаем обследование. Как вы и просили, стартуем с половины Теслы.

Пока доктор давал пояснения, его ассистентка уже успела провести Эдика к кольцам и разместить его в центре гироскопической конструкции, пристегнув браслеты на руках и ногах, а также закрепив пояс широким ремнём. Затем она покинула помещение и зашла к нам, в комнату управления.

— Всё готово, Николай Александрович.

— Спасибо, можете пока присесть.

Доктор проделал какие-то манипуляции на компьютере, после чего на втором мониторе появилось окно с чёрным экраном. Пока на нём ничего не отражалось. Доктор обратился к Эдику.

— Эдуард, как самочувствие? Мы готовы начинать.

— Давай, стартуй уже. Всё нормально.

Николай что-то набрал на клавиатуре, после чего первое из трёх колец пришло в медленное движение. Кольцо завершило вращение по трём осям, после чего остановилось. На экране тем временем, появилось изображение Эдика целиком. Доктор взял мышку и начал вращать колёсиком, управляя глубиной среза. Я дал небольшое пояснение.

— Николай, нам достаточно исследование мозга Эдуарда Альбертовича. В

исследовании всего тела нет необходимости.

— Не волнуйтесь, я просто калибрую прибор. Иногда нужно внести некоторые поправки в работу магнита, чтобы срезы были наиболее чёткими. Так. Всё отлично. Эдик, повторный запуск, настроил прибор на голову, постарайся лишний раз не шевелиться.

— Я при всём желании пошевелиться не смогу.

Вновь кольцо пришло в движение, вновь плавно сделало несколько витков по всем осям. На экране появилось изображение головы Эдика, в трёх проекциях. Доктор прокрутил колесом мыши во всех трёх, и, не найдя ничего интересного, вновь обратился к Эдику.

— На минимальной мощности никаких патологий. Увеличу мощность до одной тесла. Готов?

— Так точно.

Проведя ещё три подобных замера, Николай вновь выдал свой вердикт.

— Кора, неокортекс, гипофиз, гиппокамп в норме. Не вижу ничего сверхъестественного. Продолжаю исследование. Четыре с половиной тесла.

Вокруг Эдика вращались уже три кольца. Казалось, что вращались они абсолютно асинхронно, но каждый раз одновременно останавливались в одном положении, в направлении одной из осей — по росту Эдика, висевшего посередине, ровно на поясе, параллельно с полом, либо поперёк, деля его тело напополам. Внезапно, Эдик застонал.

— Эдик, всё в порядке? Эдик, ответь.

— Что-то мне не по себе. Перед глазами всё плывёт.

— Останавливаю томограф.

Кольца томографа резко встали, а потом медленно перешли в изначальное положение. Эдик повис на привязи, закрыв глаза, и мы кинулись его вытаскивать из аппарата. Николай с ассистенткой отстегнули ремни, а затем мы все вместе подхватили Эдика под руки и уложили на кушетку. Эдик был в сознании, но бормотал что-то себе под нос. Я положил руку ему на лоб, и показался мне очень горячим.

— Кажется, у него жар.

Но Николай уже и так это понял и принимал меры, вкалывая в мышцу какое-то лекарство. Увидев мой взгляд, он пояснил.

— Дротаверин. Ничего особенного.

Через пятнадцать минут, Эдик уже сидел на кушетке и тряс головой.

— Ох, Андрюха. Не хотел бы я снова это пережить.

— Ты что-то увидел? Что почувствовал?

— Не могу объяснить. Ничего не помню. Хотя нет, помню, как Колян сказал, что увеличивает мощность установки, а потом словно всё пеленой белой покрылось. Голова загудела.

— Знакомые ощущения. А ты вообще ничего не видел?

Эдик смущённо поглядел на меня.

— Прости, Андрюх, никаких воспоминаний или галлюцинаций. Просто пелена. Может быть, ты один такой особенный?

Николай, который до этого молча выслушивал наш диалог, наконец-то решился спросить.

— Может мне кто-то пояснить, что здесь происходит? Почему Эдик тут чуть копыта не откинул?

— Колян, долгая история, но я тебе обязательно её расскажу. Скажи лучше, аппарат

показал что-нибудь?

— Пойдём посмотрим. С тебя коньяк. Я тут врачебной практикой из-за таких случаев могу поплатиться.

Мы направились в комнату управления, где на экране должна была находиться проекция мозга Эдика. Но, как и в случае со мной, все снимки были засвечены.

— Очень странно, результат такой, будто у тебя в голове какой-то источник магнитного поля. Неокортекс просто пылает. Весь целиком. Но тогда он должен был сразу дать такой результат. Любой металл сразу бы, на самой малой мощности мог тебе мозги спечь.

Эдик задумчиво проговорил.

— Это не металл. Это резонансное состояние томографа. Всё-таки, мы нашли частоту работы моего мозга. А давай попробуем яркость у снимков значительно уменьшить — вдруг поможет?

Николай взял первый попавшийся срез и покрутил какой-то слайдер. На удивление, это действительно помогло — на минимальном значении яркости, мы смогли различить контуры основных участков мозга Эдика. Но снимок всё равно был сильно засвечен, а само свечение исходило из двух дугообразных отростков в том месте, где череп крепился к позвоночнику.

— Как странно. Твой гиппокамп будто светится. Как будто состоит из какого-то сверхпроводящего материала. Но на других снимках точно было всё в порядке! Никаких патологий! Как такое возможно?!

— Колян, считай докторская у тебя в кармане. Ты нашёл участок мозга, который отвечает за настройку на «волну проекции». Томограф вошёл в резонанс с моим гиппокампом. Какая напряжённость поля была у томографа в этот момент?

— Четыре целых, триста пятьдесят восемь тысячных. Погоди! Какая ещё волна проекции? О чём речь вообще?!

— Объясню всё позже, плачу втройне, Колян! Теперь надо подумать, каким образом использовать это знание. Нужно таким же образом обследовать Андрюху. Давай начнём с этого.

— Я ничего не буду делать, пока вы мне оба не поясните, зачем я это делаю. В первую очередь, я врач. Я не хочу подвергать риску своих пациентов без необходимости. Объяснитесь!

— Остынь, Колян. Ладно, пойдём в кафешку вашу. Поболтаем, а, кажется, Люся? Да, точно, Люся пока прибор подготовит?

— Хорошо, пошли. Но в кафешке от меня не отвертитесь!

Эдик поддел ногтём передние зубы.

— Зуб даю, Колян. Прости, что сразу не рассказали.

Мы спустились из отделения Николая в кафе, которое находилось на первом этаже. Несмотря на обеденное время, в нём было безлюдно. Коля пояснил:

— Работают все. Обед ненормированный, каждый кушает, когда попало. Пойдём за столик в углу, я кофе с плюшками принесу. Усаживайтесь.

Усевшись за столики и дождавшись кофе с плюшками, мы принялись за перекус. В процессе поглощения вкуснейших, свежих булок, Эдик, не вдаваясь особо в подробности, пояснил Николаю, что с нами случилось. Судя по его выражению лица, он слабо нам верил.

— Я скорее поверю, что у вас мозги стали обелисковыми полями управлять, чем в эту чушь. Ну скажи мне на милость, какие ещё проекции, какие миры? Признайся лучше, ты

начал спички взглядом поджигать? Или раны сами по себе заживать стали? Боишься, что тебя загребут, как других и решил провериться на томографе? Ладно уж, не хочешь правду говорить — не говори. Моё дело за малым — томографию сделать. Вот только скрыть я результаты не смогу, все снимки сразу в базу данных попадают. Так что не сегодня, так на следующей неделе загребут тебя, Эдик. Да ещё и меня подставишь.

— Колян, да какие поля обелисковые, что ты несёшь? Вот уж, сложно человеку поверить. Мне кажется, если бы я тебе сказал, что с другой планеты прилетел, то ты бы и в это поверил. А правду ложью называешь. Ну не могу я тебе доказать это, понимаешь? Сегодня ночью, скорее всего, мы уже в другой мир попадём. Я — в один, а Андрюха — в другой. А нужно сделать так, чтобы мы в одном оказались.

Внезапно, во всей больнице погас свет. Через какое-то время, он восстановился, а затем завывла пожарная тревога и заговорили громкоговорители.

— Это не учебная тревога! Всему персоналу и посетителям немедленно покинуть помещение! Это не учебная тревога! На втором этаже диагностического центра обнаружено возгорание! Всему персоналу и посетителям немедленно покинуть помещение!

Николай вскочил со своего места.

— Твою мать, что там произошло?! Неужели с томографом что-то? Там же Лиза оставалась!

Несмотря на тревогу, мы, не сговариваясь, кинулись с Николаем на второй этаж, а не к выходу. Обратном в кабинет мы шли в полном молчании. Пока мы толкались через толпу посетителей, пока мы добрались до крыла Николая — успели потерять драгоценные секунды. Крыло уже заволкло едким чёрным дымом, через который невозможно было пройти, мы все закашлялись.

— Коля, Лизе не помочь, надо ждать пожарных! Пойдём вниз, иначе и мы тут останемся.

— Но она ведь всё ещё там! А вдруг, она жива?! Тут неподалёку пожарный щиток. Эдик, помоги мне, иначе я сам пойду!

Нам ничего не оставалось делать, кроме как последовать за Николаем. В пожарном щитке оказался огнетушитель и два набора кислородных баллонов с прозрачными масками, закрывающими всё лицо. Мы переглянулись с Эдиком, я незаметно кивнул, а Эдик обратился к Николаю.

— Колян, я себя косвенно чувствую виноватым в произошедшем, поэтому идём мы с Андрюхой. Только не спорь, жди нас здесь, мы постараемся найти её.

Коля начал было протестовать, но мы с Эдиком уже снарядили баллоны и отправились в кабинет. Коридор к нему заволкло едким дымом, но мы аккуратно пробирались вдоль стены. Когда мы уже почти добрались до нужной двери, она распахнулась, и дорогу нам преградил какой-то мужчина, одетый во всё чёрное. Он также был в кислородной маске, но баллон у него был удобно закреплён на спине, при помощи лямок, поэтому руки, в отличие от нас были абсолютно свободными. Лицо незнакомца, помимо маски, закрывала плотная чёрная ткань. От удивления, мы с Эдиком встали на месте.

Мы молча смотрели друг на друга, а затем незнакомец потянул руку в карман. Почуввав неладное, я бросился вперёд, стараясь опередить незнакомца. Мне не хватило нескольких секунд — мужчина выхватил из кармана пистолет, направил в нашу сторону и нажал на спусковой крючок.

К счастью, стрелком он был неважным. Возможно, отчасти нам помог дым, который

густо валил из-за его спины. Первые пули пролетели мимо, и, пока мужчина пытался в меня нацелиться, я преодолел оставшееся расстояние и со всего размаху ударил его баллоном по руке. Мужик закричал от боли и выронил пистолет — я понадеялся, что сломал ему запястье. Вторым удар кислородным баллоном я попытался нацелить в голову, но незнакомец увернулся, подставив спину. Мой баллон скользнул по его спине и звонко столкнулся с закреплённым баллоном на спине мужика. От удара, баллон нападавшего слетел с ляжки, и тот начал громко кашлять.

Поняв, что потерял всё своё преимущество, незнакомец бросился бежать по пожарной лестнице. Я собирался его преследовать, но тут уже подоспел Эдик и дёрнул меня за руку, показывая лежащую без сознания Лизу в кабинете. Пришлось отпустить злоумышленника. Вместе с Эдиком, мы рванули к Лизе. Она уже сильно надыхалась едким дымом, поэтому я подбежал к ней, глубоко вдохнул кислорода из своего баллона и надел маску на неё. По моим расчётам, прошло не так много времени, поэтому у нас был шанс её спасти. Эдик всё понял, поэтому быстро подхватил Лизу на руки и двинулся к выходу. Я пошёл вслед за ними.

Я старался сдержаться как мог, но пройдя несколько десятков метров по задымлённому коридору, я выдохнул, а потом резко вдохнул резкий, едкий, колючий дым. Голова резко закружилась, до выхода оставалось совсем немного, но мои колени подкосились. Эдик уже убежал вперёд, неся на руках Лизу. Я упал на пол и ещё раз вдохнул. Я вновь закашлялся, но внизу дыма было значительно меньше, поэтому мне удалось проползти ещё несколько метров. Дышать стало гораздо легче, я ползком убирался подальше от ядовитой смеси токсинов, а потом привстал чуть выше, сделав ещё один небольшой марш-бросок.

В какой-то момент, голова закружилась так сильно, что я не смог двигаться дальше. Припав спиной к стене коридора, я медленно сполз к самому полу, лёг и закрыл глаза. Кажется, я доигрался в героя. Но уснуть мне не дали — к лицу приложили кислородную маску, и я вдохнул чистейший, прохладный, освежающий кислород. В голове немного прояснилось, я почувствовал, как чьи-то руки подхватили меня под рёбра и потащили к выходу.

Меня вытащили из больницы, уложили на мягкую каталку, и я сильно закашлялся. Во рту стоял горький вкус, в нос до сих пор пробивался едкий запах гари, распространяющейся от моей одежды, но я был жив, и одна эта мысль радовала так, что я не обращал внимания на такие мелочи. Около больницы уже стояла целая куча пожарных автомобилей, врачи оказывали первую помощь пострадавшим. Эдик подошёл ко мне и хлопнул по плечу. А затем протянул мне бутылку с водой. Я жадно припал к горлышку, пытаюсь заглушить боль и едкий вкус во рту прохладной водой.

— Поздравляю, Андрюха. С днём рождения, как говорится.

Напившись вдоволь и отдышавшись, я наконец-то смог говорить.

— Иди ты! Что с Лизой?

— Жива. В средне-критичном состоянии, сильное отравление дымом, сейчас в машине реанимации, но жизни уже ничего не угрожает. Пару недель отлежится в больнице — будем надеяться, что лёгкие не сильно обожгло.

Я откинулся на каталку и закрыл глаза.

— Хоть что-то хорошее.

Эдик потеревил меня за рукав, и я нехотя разлепил веки.

— Не спать! Я понимаю, конечно, пережили мы немало. Но у нас тут дела, и, как оказалось, весьма срочные. Ты думаешь, пожар и тот незнакомец в коридоре —

случайность?

Сон, как рукой сняло. Эдик был прав. Во время всех этих сумасшедших событий, у меня совсем не было времени подумать. Но теперь, я начал лихорадочно соображать.

— Эдик, ты думаешь, кто-то целенаправленно хотел нас убить?

— Не знаю, нас двоих или только тебя.

— Меня? За что?

— За то, что ты написал Марко Поло. Единственный человек, кроме Коляна и Лизы который знал, чем ты будешь заниматься и где находиться в это время. Ты кому-то ещё говорил о диагностическом центре?

— Нет. Точно нет. Только Марко Поло. Только в личном сообщении.

— Ну вот и сузился круг подозреваемых. Осталось только понять, кто это такой. Может быть, это Фёдор Геннадьевич?

Я задумался, но сразу же отмёл эту мысль.

— Нет. Точно не он. Телосложение совсем другое. Да и двигался слишком прытко для преклонного возраста.

— Эксперимент с нагнетателем вырвал нас из нашего измерения, раскидав кого куда. Там были только четверо, ты, я, Марина и Фёдор Геннадьевич. Но, прямо в разгар запуска, тебе позвонили на телефон, ты побледнел и выскочил из кабинета. Ты точно не помнишь, кто это был? Кто тебе звонил?

— Эдик, я даже не помню сам эксперимент. Я помню эксперимент недельной давности, когда запускал его один, с Фёдором Геннадьевичем. Но совершенно не помню того же самого действия два месяца назад. Да и вообще, почти ничего не помню, что было раньше, чем два месяца назад. Только недавно, после прохождения томографии, томограф вернул мне какие-то обрывочные воспоминания, связанные с больницами. Но не более того.

— Ладно, надо закругляться тут и двигаться дальше. Нужно что-то придумать. Ты помнишь частоту, при которой мне стало плохо под томографом?

— Четыре целых триста пятьдесят восемь тысячных.

— Супер! Значит надо обработать твой гиппокамп такой частотой. Вдруг что-то получится?

— А в этом городе есть ещё томографы?

— Нет, только один. Но у меня есть идея. Надо сходить к фокуснику, который утверждает, что овладел обелисковыми полями в совершенстве и крутит всякие металлические предметы в воздухе. Подозреваю, что он может управлять магнитным полем, используя энергию обелисков. Он по вечерам тут представления устраивает, глядишь сможет нам чем-то помочь.

Глава 13

Фокусник

Разобраться с происшествием мы успели только к семи вечера. Допросы полицейских, обследование врачами, повторные допросы. К счастью, мы были достаточно убедительными, чтобы нас признали только свидетелями и попросили явиться на следующий день в участок. Эдику не терпелось избавиться от назойливых служащих, да и я понимал, что времени у нас осталось не так много.

— Пойдём скорее к этому экстрасенсу. Глядишь, поможет чем-нибудь.

Добравшись до нужного места, мы попытались пробраться к шоумену. На площади была огромная толпа народа, которые желали собственными глазами увидеть чудеса, которые показывал новоявленный маг. Представление уже шло около часа и должно было продлиться до позднего вечера. Но, внезапно, фокусник остановился. Быстро оглядел весь зал. Затем, на мгновение, как мне показалось, остановил свой взгляд прямо на нас. А затем оглядел повторно весь зал и объявил во всеуслышание.

— Прошу простить меня, но сегодня я вынужден прервать выступление. Сегодня у меня будет серьёзный разговор с двумя интересными мужчинами.

На этих словах, пара небольших прожекторов, которая освещала уличную сцену, повернулась прямо на нас.

— Если со мной что-то случится, прошу сообщить в местные правоохранительные органы! — из-за его весёлого тона, публика засмеялась. — Проходите, господа, не стесняйтесь. Поговорим.

Уличная публика начала разочарованно расходиться, а мы с Эдиком, немного удивлённые приёмом, направились прямо к иллюзионисту. Тот уже сошёл со сцены, что-то показал своим охранникам, после чего те пропустили нас к шоумену. Тот немного натянуто улыбался.

— Здравствуйте, извините за небольшое представление. Хотите знать, как я понял, что вы не просто так пришли ко мне на выступление? Меня Саней зовут. А вас?

Мы представились, а потом я не удержался от вопроса.

— Вы мысли читаете?

Фокусник рассмеялся.

— Нет, ну что вы. Это невозможно, если кто-то будет вам говорить подобное, знайте сразу — перед вами шарлатан. Даже в наше время, в связи с недавними невероятными событиями, ещё никому не удалось влезть в мысли человека, насколько мне известно. Чудеса, конечно, не за горами, но пока точно ничего подобного не слышал.

К нашему общему удивлению, молодой человек вовсе не был фокусником, экстрасенсом или иллюзионистом. То, что мы успели увидеть, он объяснял простым и понятным языком. Он не старался кого-то одурачить — насколько я понял, он просто пытался популяризировать в народе новые возможности, которые дали человечеству обелиски. Вот и при личном общении, Александр также показался мне вполне адекватным человеком.

— А что тогда? Как вы догадались, что мы к вам по делу?

— Вижу, что вы ни разу не были на моих выступлениях. Давайте, совсем кратко расскажу, кто я такой, зачем провожу свои мероприятия и что собираюсь делать дальше. Зовут меня Александр, как вы уже знаете, фамилия Семёнов. Жил я простой, самой что ни

на есть заурядной жизнью заводского работяги. А потом появились обелиски. И ладно бы появились просто так. Так нет же, они потом начали мир менять. Последствия вы уже знаете. Учёные уже начали наблюдать обелисковую энергию, создавать теории. А у меня всё просто. Я эту обелисковую энергию глазами вижу. И работать могу с ней немного. Оттого и появились мои выступления.

— Как это, видите?

— Да очень просто. После того, как обелиски появились, всё небо пронзили огромные, пёстрые, разноцветные нити. Чем-то северное сияние напоминают. Я всё пытался у друзей своих расспрашивать — ни никто не видит эти нити. А затем, учёные начали высказывать первые предположения, об энергии, о потоках, которые обелиски излучают. И понял, что нити эти — ни что иное, как эти самые потоки. Вначале думал, что пользы никакой от этого у меня не будет. Но потом, спустя какое-то время, потоки на землю спустились. Начали окружать всё и вся вокруг. Со временем, видимо, мой мозг привык, и теперь я могу спокойно сконцентрироваться и увидеть направления, завихрения и ток обелисковой энергии. Да и без тренировок не обошлось. А потом я понял, что завихрениями этими могу управлять. Предметы нагревать, перемещать немного, даже раны чуток лечить научился. Особенно хорошо выходит с металлом. Думаю, что тренироваться надо больше. Потому и начал на публике свои способности показывать, чтобы остальные, такие же как я не боялись ничего. Вместе мы сможем новые горизонты для человечества открыть!

Эдик немного бесцеремонно, как мне показалось, перебил Александра.

— Вы простите нас, пожалуйста, за бестактность. Но времени у нас очень мало — торопимся очень. Вы нам обещали рассказать, как вы поняли, что мы к вам не просто так идём.

Кажется, Александр был не из обидчивых, поэтому он просто улыбнулся и сказал:

— Очень просто. Потоки, как я уже сказал, пронзают всё вокруг — предметы, животных, людей. Особенно концентрируются в области головы. Но вы в обелисковой картине мира, как бельмо на глазу. Потоки вас старательно обходят. Отторгают. Я смотрю на вас, вокруг всё цветное, пёстрое от энергии, а вы, словно две тени. Идёте через поток энергии, как два корабля, своими телами завихрения создаёте. Энергия от вас во все стороны разбегается, простите за метафоры.

— Ничего себе. Спасибо за объяснение.

— И, в связи с этим, у меня вопрос. Вы кто такие? И что вам от меня нужно?

Я заговорил.

— Александр, мы вообще не из вашей вселенной. Мы случайно в мир ваш попали. И нам очень нужна ваша помощь, поскольку мы не знаем, к кому обратиться. И, как уже правильно сказал Эдик, у нас очень мало времени. Завтра мы покинем ваш мир и попадём в очередной. Происходит это из-за того, что в наших мозгах сбилась какая-то настройка, которая кидает нас из вселенной во вселенную. Вот только кидает нас не в одни и те же вселенные, а в разные. И то, что мы с Эдиком встретились именно здесь, ничто иное, как абсолютное везение. Но завтра мы с ним вновь проснёмся в совершенно незнакомых мирах.

— А теперь настал мой черёд удивляться. Я-то тут причём? Я, конечно, польщён тем, что пришельцы решили меня навестить перед отбытием. Но совершенно не понимаю, чем могу вам помочь.

— На самом деле, мы и сами не совсем понимаем. Но в процессе сегодняшнего эксперимента, мы с Эдиком выяснили, что его мозги в томографе начинают закипать при

определённых мощностях. А у моего мозга, как будто совсем другие частоты, если так можно выразиться. Вот мы и подумали, что, возможно, вы сможете нам помочь настроиться на одну волну, в буквальном смысле этого слова.

— Очень интересно. Но проблема в том, что, как я сказал, обелисковые потоки вас будто отторгают. Теперь причина мне ясна. Но я боюсь, что моих способностей не хватит.

— Мы просим вас просто попытаться. Понятное дело, что, скорее всего, ничего из этого не выйдет. Но нам нужно хоть что-то сделать. Вам надо каким-то образом сравнить наши гиппокампы и, возможно, как-то воздействовать на мой. Вероятнее всего, достаточно создать вокруг моего электростатическое поле той же частоты, что и у моего друга. Мы думаем, что может получиться, и я смогу попасть с Эдиком в одну проекцию вселенной.

— Интересная теория, а если я вам мозги спеку своим вмешательством?

— Мне всё равно терять нечего. Что-то надо предпринимать и без риска тут не обойтись.

— Ну, что ж. Хорошо, только дайте мне время. Подготовиться нужно, поехали ко мне в загородный дом. Не хочу привлекать ничьё внимание, если вы вдруг кричать начнёте... Проекцию вселенной. Надо же такое придумать.

По дороге в дом Александра, мы почти не разговаривали. Все были взволнованы, каждый думал о чём-то своём. Лично мне не давал покоя Марко Поло. Кто этот человек, зачем ему понадобилось устраивать пожар в лаборатории и почему он напал на меня? Даже говорить не стал, просто сразу узнал нас двоих и напал. Выглядело так, будто нас он знал прекрасно, мы же таким знанием похвастаться не могли. И главное, какой у него мотив? Может быть, мы ему чем-то насолили? Почему я ничего не помню, что произошло два месяца назад? Не в этом ли разгадка? Может быть, стоит покопаться в своей голове, и мы найдём хотя бы какую-то нить? Из раздумий меня вывел голос Эдика. Как оказалось, он тоже думал о Марко Поло.

— Знаешь, что мне непонятно? Зачем он лабораторию спалил?

— Тебе только это непонятно?!

— Да нет, мне непонятно всё. Но этот его шаг просто не вяжется с логикой. Допустим, он охотится за нами. Или за кем-то из нас. Это объясняет причину, по которой он напал на нас в коридоре. Но зачем он устроил поджог в лаборатории?

— Может быть пришёл туда, не нашёл нас и решил привлечь таким образом внимание?

— Нет, ты сам подумай. Мы договорились с ним встретиться, следовательно, мы бы его ждали в назначенном месте, ничего не подозревая. Спокойно дождались его встречи, на которой он мог прийти и просто разобраться с нами безо всякого шума. Зачем он уничтожил лабораторию? В чём смысл?

— Не знаю, может быть, психанул? Вышел из себя. Или просто очень торопился?

— Не похоже. Вообще, странное поведение. Но думаю, что от результатов томографа он избавился неспроста.

Мы вновь замолчали, погружившись в раздумья. Пока ничего на ум не приходило, поэтому я решил выкинуть это из головы. Если у задачи слишком мало вводных, то необходимо дождаться их. Иначе она просто не будет иметь решения.

Наконец-то, мы подъехали к загородному дому Александра. Он был довольно ухоженным, в меру большим, но не настолько, чтобы считать его владельца богачом. Одноэтажный, две комнаты и кухня, плюс небольшой пристрой, судя по всему, баня. Проследив за моим взглядом, Александр улыбнулся.

— Да, баньку тоже можно запарить. Пойдём?

Я улыбнулся в ответ. Баню я любил, но уже и не помнил, когда в последний раз ходил в неё. Закрыв глаза, я понял, что начал вспоминать банные дни, на которые мы ходили вместе с друзьями. Раз в месяц-два, мы собирались у нашего общего товарища, у которого была просто отменная баня, высшего уровня так сказать. Сауна, веники, шапочки — всё, как нужно.

— Нет, спасибо. Я бы с удовольствием, но мы просто не успеваем. Чем быстрее мы начнём, тем больше шанс того, что хоть что-то у нас получится.

— Ну, как хотите.

Пока мы раздевались, снимали обувь, мыли руки, хозяин уже всё приготовил в просторной гостиной. Он пододвинул кресло к дивану, поставил между ними журнальный столик и принёс какую-то большую стеклянную тару, наполненную до верха деревянными щепками. На наши удивлённые взгляды, он пояснил.

— Вы не волнуйтесь, это просто пало санто. Я этим особо не занимаюсь, но моя жена закупила всякими благовониями, когда на йогу пошла. Говорит, что помогают расслабляться, снимает беспокойство и панику. Думаю, лишним не будет, учитывая обстоятельства.

— Главное, не уснуть.

Александр подпалил щепки пало санто и, спустя какое-то время, всю комнату затянула еле видимая дымка. В нос пробился приятный запах, который, к моему удивлению, действительно подействовал расслабляюще. Захотелось откинуться на диване, что я и поспешил сделать. Александр пожал плечами.

— Природный седативный препарат. Ничего особенного. Ну что ж, давайте начнём. Эдуард, вы готовы? Сейчас я постараюсь войти в транс состояние и направить потоки на вас. Если всё получится как нужно, то я смогу получить картину движения обелисковых потоков в пределах твоей головы. Затем, я проверну то же самое с Андреем, сравню полученные картины и постараюсь воздействовать на него таким образом, чтобы направить потоки примерно по тому же направлению, что и у тебя в голове. Всё понятно?

Эдик кивнул. Несмотря на кажущуюся смелость, я видел, что Эдик был взволнован — не каждый день у него в голове копаются.

— Хорошо, тогда начнём.

Прошло несколько мгновений, глаза Александра стали стеклянными на пару секунд, а потом он сказал.

— Готово, вроде ничего сложного. Андрей теперь вы.

— К...как готово. Уже?

Эдик от удивления даже заикаться начал. Александр засмеялся.

— Ну да. А вы ждали, что я сейчас глаза закачу и начну заклинания читать? Работа с обелисковыми потоками не очень зрелищная. Всё у меня в голове происходит. В моём восприятии, прошло минут пятнадцать, а в реальном времени, думаю, не больше двух-трёх секунд. Я прав?

— Да, всё верно. Удивительно. Но я ничего не почувствовал.

— И не должны были. По сути, вас я постарался просто «прочитать». Никаких манипуляций, кроме чтения не проводил. С Андреем будет намного тяжелее. Ему в подкорку нужно записать полученную информацию. Но, кажется, я нашёл, что именно нужно делать. Никогда не видел такой странной картины в области гиппокампа. Я немного скептически

относился к вашему рассказу, но после того, как лично увидел движение нейронов, подсвеченное обелисковым полем — сомневаться перестал. Вы действительно не из нашего мира. Простите, что не поверил сразу.

— Ничего страшного, мы бы тоже не поверили, если бы сами не попали в эту ситуацию.

— Да уж. Ну что ж. Андрей, давайте начнём?

— Давайте.

Пару секунд ничего не происходило. Мы также сидели рядом, все втроём. А затем, мир вокруг меня исчез. Не осталось ничего, один лишь я, стоящий посередине огромной темноты. Бесконечной темноты. Я начал озираться по сторонам, не понимая, что произошло. Попытался позвать Эдика, Александра. Затем начал кричать. Но звуки, издаваемые мной, вновь сливались в какое-то невообразимое месиво. А затем я услышал громкий, низкий, почти металлический голос.

— Инородная органически-энергетическая структура в пространственно-временном континууме. Невозможно вычислить источник появления субъекта. В целях обеспечения безопасности, необходимо установить контакт. Личность, представьтесь.

— Вы мне? Кто вы?

— Ответ отрицательный. Необходима идентификация личности.

— Андрей... Андрей Резников.

— Ответ положительный. Физиологическая идентификация проведена успешно. Андрей Резников, девятое июня две тысячи семнадцатого года рождения. Объясните невозможность проведения энергетической идентификации личности.

— Энергетической идентификации личности? Моего сознания? Кто вы?! Я не намерен говорить, пока не представитесь!

— Система контроля внешних угроз земного контура. Повторение запроса. Объясните невозможность проведения энергетической идентификации личности. В связи с невозможностью чтения сознания субъекта и отказе сотрудничества, будет предпринята попытка уничтожения инородной энергетической структуры.

После этих слов я понял, что шутки с этой системой плохи. Мне стало понятно, что это автоматизированный голос, который всего лишь выполняет свою часть программы и, если у меня не получится его сейчас убедить, то, вполне вероятно, что системе удастся избавиться от «инородной структуры».

— Подождите, пожалуйста! Я готов сотрудничать. Приношу свои извинения. Моё сознание было перенесено случайно в этот мир или в проекцию, в другой принятой нами терминологии! Если вам будут понятны мои слова, я попаданец. Готов содействовать любыми возможными способами, я не несу никакого вреда и не являюсь внешней угрозой!

— Объяснение принято. Идёт обработка. Обработка завершена. Сотрудничество подтверждено. Операция над сознанием субъекта, проводимая оператором Александром Заряновым разрешена.

— Подождите, пожалуйста. Вы легко вычислили то, что моё сознание — инородная энергетическая структура. Нам нужна помощь. Можете ли вы считать мои воспоминания и убедиться в том, что этой проекции угрожает опасность в виде нейтронного нагнетателя? Есть ли способ остановить его?

— Обработка запроса. Успешно. Остановить нагнетатель не представляется возможным, поскольку это устройство меняет нейтронно-устойчивый баланс в окружающем пространстве. Такое происходит в первый раз за всю историю, записанную в

память системы. Расчёты показывают, что активация устройства на пятидесятипроцентную мощность произойдёт через два часа десять минут, после чего в мире начнут происходить необратимые изменения. Изменения вызвали цепную реакцию в нейтронной стабильности мировой системы. Стопроцентная активация устройства произойдёт через восемьдесят дней. Прогнозируемые последствия — уничтожение проекции вселенной.

— Как уничтожение вселенной? Полное?

— Недостаточно входных данных. В связи с этим прорабатывается самый негативный вариант. Вывод — полное уничтожение мира.

— Есть ли какой-то способ остановить худший вариант?

— Судя по потокам электромагнитных полей и оценки потребления мощности системы, нагнетатель производит намного больше энергии, чем потребляет, что физически возможно только при рассмотрении концепции множества вселенных. Получаемая энергия выкачивается откуда-то из другой вселенной. Необходимо найти источник и уничтожить объект, подпитывающий систему. Или совершить иное подобное действие. Судя по вводным данным, полученным от вас, вы прибыли как раз из той проекции, которая поставляет энергию нагнетателю в этой. Необходимо возвращение в исходную позицию и уничтожение источника нестабильных частиц.

— Проблема в том, что и в той проекции я также был попаданцем! Я уже неделю мотаюсь по разным проекциям ежедневно и не могу остановить запущенный нагнетатель!

— Новые вводные данные. Нагнетатели объединены в одну сеть. Невозможно существование одного нагнетателя без предоставления частиц от другого нагнетателя. Условия, необходимые для запуска — существование в другой проекции уже запущенного устройства. Пересчёт математической модели показал, что необходимо найти первоочередной источник энергии. Либо конечный источник, который использует избыток нейтронов в своих целях. Вероятнее всего, это нагнетатель, который был впервые запущен в мультипроекционном континууме. Субъекту необходимо оказать всё возможное содействие для выполнения задачи по отключению первородного нейтронного нагнетателя. Вносятся необходимые корректировки в гиппокамп субъекта.

Я почувствовал резкую головную боль, перед глазами замелькали тысячи картинок, меня начало выворачивать наизнанку. Я вновь переживал все свои путешествия, но на этот раз они проматывались словно ускоренная плёнка. В ушах появился шум, гомон, сотни голосов. Меня разрывало в вихре событий, а затем швырнуло обратно в комнату к Александру и Эдику.

Я обнаружил себя трясущимся на полу, за ноги и за руки меня держали Александр и Эдик, я попытался успокоиться и, кажется, тряска конечностей прекратилась. Товарищи обратили на это внимание, а затем я услышал голос Эдика.

— Александр, что вы с ним сделали?! Мозги спекли? Он тут сейчас в овощ не превратится?

— Я клянусь, Эдуард, я ничего не успел сделать. Всего лишь направил поток, чтобы исследовать его подкорку, также, как и вашу. Никакого вмешательства!

— Что с ним происходит тогда? Хватит врать!

— Он не врёт. Это обелиски. Они... оно говорило со мной. Точнее она. Система защиты.

Александр округлил глаза. Кажется, он был удивлён не меньше меня.

— Этого не может быть! Обелиски ещё никогда ни с кем не разговаривали! Ты ничего

не пугаешь? Точно?

— Точно. Они даже дали мне немного пищи для ума. И, возможно, помогли с гиппокампом. Но это неточно.

— Что они тебе сказали?

— Вам это не понравится. Обелиски рассчитали, что нейтронный нагнетатель через пару месяцев уничтожит данную проекцию. А остановить его можно, только остановив тот нагнетатель в другой вселенной, который даёт энергию в этой. А тот, в свою очередь можно остановить, только остановив предыдущий. И так до самого первого. Нужно искать первый нагнетатель.

— Неужели, наш нагнетатель самый первый?! Два месяца назад мы его запустили!

— Возможно. Но не думаю. Обелиски сказали, что условием для запуска нагнетателя на полную мощность может являться только появление в другой вселенной источника энергии, способного подпитывать нагнетатель в этой. А, поскольку в нашей вселенной, как ты говоришь тоже нагнетатель, а не какой-то другой источник энергии, то это значит, что, либо в нашей вселенной существует такой источник энергии, либо наш нагнетатель в точности также получил свою порцию из другой.

— И как мы это выясним?

— Пока не знаю. Но кажется, что правильным решением будет найти всех причастных и синхронизировать гиппокампы. В этом случае, где бы мы ни оказывались, то будем вместе, что даст нам хотя бы какие-то шансы. Придётся искать дальше, несмотря на инцидент с Марко Поло. Где-то застряла Марина и Фёдор Геннадьевич. Как минимум, мы должны попытаться их найти. А дальше будем думать.

— А больше ничего обелиски не сказали?

— Нет, как только они начали вмешательство, меня выкинуло из «комнаты связи». Не знаю, может быть, уже и не получится связаться. Будем надеяться на свои силы. И на то, что в других мирах тоже есть адекватные защитники, способные поверить в множественность вселенных.

Остаток вечера мы провели за разговорами. Александр рассказывал о своих планах посвятить свою жизнь дальнейшему изучению обелисковых потоков. Мы рассказали о том, как побывали в других мирах. О том, что там видели. Оказалось, что Эдик тоже два раза сталкивался с Мариной, мной и Фёдором Геннадьевичем. Но при этом, у него было гораздо больше возможностей. В первом мире он пробыл почти два месяца, во втором три дня, а в третий прибыл я. Слово за слово, мы все как будто стали близкими друзьями, которые готовятся к долгой разлуке. За пять минут до двенадцати, Александр даже взгрустнул.

— Жаль, что, скорее всего, мы уже никогда не увидимся. Это был увлекательный вечер, который изменил моё представление о вселенной. Друзья, удачи вам. Судя по словам обелисков, от вас зависит будущее не только наше, но и кучи других проекций, если не всех, в принципе. Надеюсь, что когда-нибудь получу от вас весточку. Как минимум, если через два месяца наш мир останется цел, то я буду точно знать, кого благодарить за это.

Глава 14

Оплот

И вновь я проснулся не в своей кровати. Вновь пробуждение встретило меня новым, на этот раз серым, невзрачным потолком. В очередной раз я огляделся в поисках чего-либо, что могло бы помочь мне. Вспомнил события предыдущего дня. И тут же подскочил на кровати. Эдик! Сработало или нет?! Нужно срочно найти его контакт. Я начал ходить по комнатам в поисках телефона или любого другого коммуникационного устройства. Квартира меня встретила крайне скудной обстановкой. Не скуднее, чем в постапокалиптическом мире, но близко к нему. На кухне стоял только стол, один стул и холодильник. В комнате стоял диван, на котором я проснулся, а также небольшая тумбочка, на которой стояла какая-то небольшая коробочка, больше всего напоминающая будильник. Сверху на коробочке лежали наушники и очки.

— Негусто. — пробормотал я вслух.

Я выглянул через плотно задёрнутые шторы на улицу. Вместо привычных прохожих, гуляющих мам и детей, улица встретила меня унылой пустотой. Летал какой-то мусор, поднятый случайным порывом ветра, по дороге очень редко проезжали автобусы, в которых, с первого взгляда, кроме водителя никого не было. Но и ощущения опасности тоже не возникало. Было немного тревожно, но не более того. Никаких костров, разрухи, сирен или звуков стрельбы. Просто тихий, очень тихий город.

Я решил не заикливаться на улице и отправился изучать квартиру дальше. Туалет с ванной были обставлены с той же простотой, что и комната с кухней — там были только необходимые предметы. Мыло, зубная щётка, душ, туалетная бумага. В прихожей висела единственная куртка. На обувной полке стояла только одна пара ботинок, изрядно потрёпанных.

— Ну хотя бы что-то.

Вернувшись обратно в единственную комнату, я решил осмотреть тумбочку. В ней нашлись штаны и футболка. Наконец, я обратил внимание на коробочку, которая выглядела как игровая приставка. Осмотревшись вокруг, я убедился, что никакого телевизора в комнате не было. Оставалось только одно — осмотреть наушники и очки. Наушники были беспроводными и заряжались, судя по всему, от самой консоли. Очки, которые изначально мне показались обычными, оказались не простыми. Когда я их снял с консоли, с внутренней стороны загорелись два небольших экрана, а в наушниках заиграла музыка.

— Ну что ж, посмотрим, куда меня занесло на этот раз.

Я надел очки, нахлобучил наушники и тут же реальный мир растворился. Очки не просто обманули мой мозг — я вообще, как будто бы оказался в совершенно другом месте. Я стоял в помещении с огромными панорамными окнами. Попытался снять очки руками, но это не помогло — пальцы не находили на лице ни очков, ни наушников, но при этом я чувствовал ими каждое прикосновение к лицу. Лицевые рецепторы также прекрасно реагировали на прикосновение пальцев. Мне стало немного не по себе.

Судя по всему, я попал в виртуальную реальность, вот только настолько реальную, что тяжело было поверить в обратное. Я чувствовал каждое прикосновение, слышал звуки, запахи. Ноги ощущали пол, я даже попрыгал на месте, чтобы убедиться, что полностью контролирую своё тело. Я оказался в большом восьмиугольном помещении, стены которого

были приятного оранжевого цвета. На стену передо мной проецировалась большая надпись «Добро пожаловать в Оплот!». А прямо под надписью шла полоса загрузки. Вдохнув носом воздух, я почувствовал мягкий приятный запах, состав которого определить не смог.

— Невероятно.

— Неужели в первый раз?

Я вздрогнул, обернувшись на голос. На меня смотрело странное существо, больше всего напоминающее кота. Только ростом кот был с меня и стоял на двух задних лапах.

— Простите?

— Я спрашиваю, первый раз в Оплоте?

— В Оплоте?

— Ох, только не говорите, что случайно сюда попали. Только купили набор новичка? Пришли за новыми ощущениями или работать?

— Простите, пожалуйста. Я и правда первый раз, никогда не встречал говорящих котов.

— Я каджит.

— Тем более.

— А вы, я посмотрю, выбрали себе скин обычного человека? Или пока ещё не выбирали? Ах, точно, в первый раз. Помочь?

— Да, простите. Мне человека найти надо.

— Айди его знаете?

— Нет, только имя и фамилию.

— О, ну тогда вряд ли найдёте. В Оплоте проживает два миллиарда людей. А из нашей страны — почти пятьдесят миллионов. Без айди будет очень трудно. Откройте справочную, попробуйте вбить имя с фамилией и напишите сообщение всем, кого найдёте. Если повезёт и контакт открытый, то он вам ответит, когда в сети будет. Ну так что, помощь нужна? За пятёрку могу провожатым побыть недолго.

— Извините, за пятёрку чего? Я даже не знаю, сколько у меня есть.

— Распахните полу вашего жилета, и засуньте руку в левый внутренний карман. Перед вами, на ближайшей стене высветится информация о финансовом состоянии. Для совершения транзакции достаточно пожать мою руку.

— Спасибо.

Я последовал совету каджита, засунул руку в карман и глянул на первую попавшуюся стенку. Там действительно появились цифры. Судя по семи знакам, этих денег мне хватило бы, чтобы нанять десять тысяч таких каджитов. Решив благоразумно промолчать о своём состоянии, я протянул руку местному гиду. Тот протянул руку в ответ, и я увидел, как с моего счёта списались пять тысяч единиц местной валюты.

— С вами приятно иметь дело. Давайте проведём с вами курс новобранца? Начнём с азов или вы уже что-то читали о навигации в Оплоте?

— Давайте с азов. Представьте, что я вообще впервые услышал о нём. Кстати, как называется местная валюта?

— Очень просто — кредиты. Не стали изобретать велосипед и взяли самое распространённое название универсальной валюты.

— Спасибо.

— С азов, говорите... Хорошо, давайте по порядку. Для чего вы пришли в Оплот? Что вами двигало? Развлечения? Работа? Глоток свежего воздуха?

— Я бы сказал, необходимость. Человека нужно найти.

— Это я уже слышал. По работе? Коллега? Или просто друг?

— Друг. Близкий.

— Хорошо, давайте, для начала, подадим объявление в местные паблики. Если ваш друг в Оплоте, то есть вероятность, что он увидит объявление. Кстати, как вас зовут?

— Андрей. А вас?

— Интересный выбор. Можете меня звать Бегемотом. Для входа в местную рекламную сеть, нужно подойти к любому справочному терминалу и выбрать раздел рекламы. Пойдёмте, тут недалеко.

Бегемот повёл меня прочь из комнаты, где мы встретились. Судя по всему, эта небольшая полукруглая комната была одним из десятков других хабов, выходящих на огромную площадь, по которой постоянно циркулировали люди. Точнее не люди, а множество разнообразных существ, героев сказок, мультфильмов, фильмов, игр. Огромная разношёрстная толпа. Я не решился вглядываться в каждого прохожего, поскольку на это могла уйти целая вечность, поэтому просто пошёл за каджитом, как он сам себя называл.

Площадь была большой, прохожие периодически толкались, тут и там стояли продавцы, рекламщики, зазывалы. Одни предлагали невиданные развлечения в Оплоте, другие звали на какую-то войну, третьи утверждали, что скоро Оплот умрёт вместе со всеми его обитателями.

Терминал действительно оказался недалеко — выглядел он как обычный газетный киоск. Небольшого размера, больше всего походивший на ларёк госпечати. Внутри всё время заходили люди, да и выходило народа тоже не меньше. Мне показалось, что движение было излишне интенсивным и никак не вязалось с размерами ларька.

— Пойдём внутрь. Не потеряйся.

— В ларьке?

— Ага, в ларьке.

Зайдя внутрь, я понял, что имел ввиду Бегемот. Снаружи, ларёк был небольшим круглым сооружением, около пяти метров в диаметре, но внутри помещение оказалось гораздо просторнее. Точнее не так. ГОРАЗДО ПРОСТОРНЕЕ. Вначале, я даже опешил и вышел обратно на улицу, чтобы убедиться, что ларёк действительно остался на месте. Размером, внутренний зал был немногим меньше огромного аэропорта. По периметру располагалось множество дверей, через которые шла бесконечная толпа. Люди заходили внутрь и направлялись по своим делам. Кто-то задерживался, вставая к каким-то терминалам, кто-то шёл в центр помещения, который был обширно обставлен магазинами, а кто-то просто заходил в дверь с одной стороны и выходил в противоположном направлении.

— Что это?

— Это центральный хаб. Место, в котором тысячи людей находят работу, продают шмотки, знакомятся — в общем, живут. Таких хабов, на самом деле очень много, но сейчас мы находимся именно в центральном. Самом популярном... Точнее не так. В одном из самых популярных. Называется просто «Муравейник» или «Антхилл».

— А как мы сюда попали?

— Ларьки на улицах Оплота — это просто гиперссылки. Некоторые ларьки ведут только в определённые хабы или форумы. Другие могут вести в несколько мест сразу. Но, в последнее время, всё больше распространяются ретрансляторы. Подходишь к нему, говоришь, куда отправиться, после чего открываешь дверь и попадаешь в нужный хаб. Сейчас идёт их тестирование, но там ещё работы и работы. Очереди начинают скапливаться,

люди отзывы негативные пишут. Надо как-то ускорять взаимодействие с переходами, но разработчики пока не придумали ничего лучше голосового или текстового ввода. А Оплот — это место, где непозволительно впустую тратить время. Каждая минута жизни в симуляции стоит денег. Кончились деньги — добро пожаловать в реальность.

— Ого, это ещё и платно?!

— Ну да, а ты как хотел?

— погоди, ты говорил, что тут полтора миллиарда пользователей, откуда такие цифры?

— Во-первых, оплата у всех своя. Постоянным пользователям скидки, вплоть до абсолютно бесплатного пребывания. Но есть и стандартные программы лояльности — рефералки, партнёрки, промо коды и тому подобное. Ну, а во-вторых, десять лет назад, когда Оплот только вошёл в стадию бета тестирования, разработчики сделали его бесплатным. А потом начали затягивать гайки и привели симуляцию к тому, что мы сейчас имеем. Но люди уже не смогли отказаться от того, что им предложили воплотить свои мечты в жизнь. Поэтому база пользователей неуклонно растёт.

Пока каджит сетовал на алчность правообладателей, мы быстро пробирались через толпу людей в центр Антхилла. Это название висело повсюду, на всех билбордах, терминалах, рекламных блоках. Я пожирал всё глазами, стараясь не упустить никаких деталей. Человечество в этом мире сумело создать действительно завораживающую симуляцию, которая позволяла с головой окунуться в выдуманный разработчиками мир. Люди в этом мире жили, общались, играли, работали, бросив всё, что было в реальном мире — видимо, по этой причине, виды в реальности были такими апокалиптическими. На что не пойдёшь, ради своей мечты.

— Пришли. Подходи к терминалу, будем заказывать рекламное объявление. Нажимай вот тут и пиши заголовок.

Я начал было набирать то, что мне нужно, но тут мне в голову пришла другая мысль.

— погоди, а тут поиск есть? Может быть, мой товарищ успел раньше меня это сделать?

— А вы оба друг друга потеряли?! Ну нельзя же так, ей богу, как маленькие. Поиск находится в правом верхнем углу, тапни по полю ввода или значку микрофона и введи то, что хочешь найти.

Я последовал совету своего гида и начал вводить тест объявления «Всем попаданцам: сюда». Уже на втором слове, поисковик выдал мне красиво оформленное объявление, которое выскочило из экрана и начало назойливо крутиться перед моим взглядом. Я попытался отмахнуться рукой, но каджит схватил меня за запястье.

— погоди ты! Сейчас случайно нажмёшь и сразу отправишься по адресу назначения. Ты уверен, что нашёл именно то объявление, которое тебе нужно?

Вспомнив случай в больнице, я замер. Бегемот был прав, объявление могло оказаться ловушкой Марко Поло.

— Не совсем. Но я ничего не могу с ним сделать.

— И не получится. Объявление куплено vip пользователем за большую сумму. Рано или поздно, оно бы нашло свою цель. Так что тебе даже искать необязательно было. А что за фраза такая кодовая? «Всем попаданцам»?

Каджит не успел договорить, как назойливое объявление сдублировалось и начало витать рядом с ним.

— Ого. Ещё и вербальная оценка потенциальных клиентов. Слушай, тот, кто заказал эти объявления, потратил на них целое состояние. Ты уверен, что тот, кого ты ищешь может себе

такое позволить?

— Честно говоря, не знаю. Всё может быть.

— Так-с, тут без блокировщика реклам не обойтись. Я, наверное, зря спрашиваю, учитывая, что ты новичок. Но, глянь, пожалуйста, у тебя в инвентаре не завалилось никаких блокировщиков?

— А как это сделать?

— Похлопай по карманам, интерфейс появится перед глазами.

Стараясь не спровоцировать переход по гиперссылке объявления, я сделал то, что просил Бегемот. Перед глазами и правда отобразился инвентарь — огромное поле, заполненное квадратными ячейками, в каждой из которых была иконка какого-то предмета.

— Ну что там?

— Затрудняюсь ответить, тут слишком много всего.

— Слишком много всего? У новичка? Ты, случаем, не угнал чей-нибудь аккаунт? Если что, я с мошенниками дел не имею, лучше сразу говори, иначе обращусь в тех. поддержку.

Я постарался успокоить каждита.

— Нет-нет, что ты. Всё очень сложно. Но аккаунт мой, честно. Ничего ни у кого не воровал. Наверное. Скажи, что найти нужно и я всё тебе объясню в спокойной обстановке. Только от баннеров избавимся.

Кажется, мои объяснения не сильно его убедили, но я понадеялся на то, что он будет готов меня выслушать после того, как мы справимся с назойливой рекламой.

— В поиске, также как в терминале, в правом верхнем углу введи «блоккер» и «реклама», через запятую. Он тебе выдаст набор предметов с введёнными тегами, перечисли, что там у тебя завалилось.

— АДБлоккер две тысячи сорок два, АДДефендер, АДДезинтегратор.

— Стоп-стоп, достаточно. Любой из них справится. Откуда у тебя такой обширный инструментарий?! Впрочем, не хочу знать, возьми первый из перечисленного и просто направь на назойливую рекламу.

— И что произойдёт?

— Я думаю, ты интуитивно догадаешься, что с ней делать.

Я притронулся к первому значку, нажал на него пальцем, иконка красиво вздрогнула, перед глазами возник экран загрузки, после чего в моих руках появился пистолет, немного футуристического вида, с лазерным прицелом. Я глянул на Бегемота, тот улыбнулся и ободряюще предложил мне проверить его действие. Я направил ствол на рекламный баннер и нажал на спусковой крючок. Баннер рассыпался на мельчайшие осколки и исчез из моего поля зрения. После этого, я направил пистолет на баннер каджита, а потом, для верности, расстрелял баннеры ещё нескольких прохожих, которые назойливо витали вокруг них. Те оборачивались по сторонам, находили своего спасителя и благодарно кивали, после чего отправлялись дальше по своим делам.

— Не переусердствуй, а то нахлебников набегит, столько, что отстреливаться потом придётся и от них. Убирай блоккер, если заряды ещё не кончились.

Повернув ствол боком и вытащив обойму, я убедился, что в ней есть ещё, как минимум, половина патронов.

— Забавная интерпретация борьбы с рекламой.

— У каждой программы своя. У кого-то пылесос, где-то пистолет, а у особо мощных инструментов бывают и шестиствольные пулемёты, и лазеры, и винтовки с

подствольниками. Но такие обычно повреждают не только рекламу, но и, бывает, полезный функционал косят. Так что, с этим аккуратнее надо быть. Пойдём куда-нибудь, в тихое местечко. Расскажешь мне, откуда у тебя такой богатый аккаунт, и, при этом, на нём висит метка «новичок».

— Пойдём.

Бегемот повёл меня через какую-то дверь с большой надписью «Край», пройдя через которую, мы оказались на большом пляже, частично заполненным людьми. Пляж уходил далеко за горизонт. Его омывали волны моря или океана, воды которого скрывались вдалеке от берега в плотном тумане.

— Что это?

— Это край проработанной зоны. Каждый день он отодвигается всё дальше, когда разработчики придумывают какую-то новую фичу и добавляют к ней контент. Но, поскольку мощности серверов ограничены, без самого края не обойтись — поэтому его завуалировали под бескрайний океан. Я прихожу сюда, чтобы поразмышлять о чём-либо. Людей тут мало, но, как видишь, даже сюда народ заглядывает. Кто-то хочет посмотреть и напомнить себе, что «Оплот» — выдуманная ограниченная вселенная, кто-то просто побыть в одиночестве. А кому-то надо поговорить без лишних свидетелей.

Я понял намёк и, без промедления, кратко выложил суть дела. Вновь, я рассказывал свою историю постороннему человеку и вновь не знал, чего от него ждать. Закончив свой рассказ, я посмотрел ему в глаза. Бегемот улыбался.

— Ну и выдумщик ты, конечно. Параллельные миры, нагнетатели, уничтожающие вселенную. Что-то проще не мог придумать?

— Не хочешь — не верь. Просто помоги или не мешай, мне Эдик позарез нужен.

— Да ладно-ладно, не сердись. В конце концов, мои услуги ты оплатил, пусть и со странного аккаунта, на котором куча ресурсов, а помечен он как только что созданный. Подозрительно, конечно, но я не обязан на каждого встречного жалобу подавать. Пойдём обратно, будем надеяться, что твой друг не перешёл по спам объявлению. Либо запросим у рекламодателя информацию о владельце. Чтобы узнать наверняка, что это не твой друг.

— А так можно было?

— Конечно, никто не имеет права подавать рекламу без указания своего идентификатора. Это первое правило подачи объявлений от регулятора. Чтобы банить недобросовестных рекламодателей.

— Ну пойдём.

Мы вернулись в Антхилл, подошли к стойке с объявлениями и сделали запрос. Как я и ожидал, владельцем объявления оказался вовсе не Эдик. А некий Марко Поло.

— Чёрт.

— Знакомый?

— Да. Преследует нас по мирам. Не знаю, что ему от нас нужно, но в последний раз, он чуть не убил медсестру, да ещё и диагностическое отделение спалил. Нам с Эдиком повезло его обезоружить, но он всё равно успел скрыться.

— Дела. Чем же вы ему насолили?

— Не знаю. Точнее не помню. У меня амнезия какая-то странная. Последние два месяца только помню отчётливо, а дальше — пустота. Может быть, тогда что-то произошло. Есть ещё идеи, как Эдика найти можно?

— Есть, конечно. Пойдём в бюро частного сыска. Сделаем запрос на поиск человека.

— Далеко идти?

— Не очень далеко, но довольно опасно. Там взломщиков много, поэтому надо экипироваться понадежнее и всё самое ценное в хранилище убрать. Потеряешь, не успеешь опомниться. Пойдём, нам сюда.

Мы вновь направились в какую-то дверь, на этот раз, нам пришлось даже отстоять небольшую очередь, поскольку в дверь и из двери шла просто огромная толпа. Над дверью висела огромная анимационная реклама местного хранилища «Скрудж». На ней были нарисованы горы золота, в которые то и дело нырял селезень с шляпой-цилиндром на голове. Бегемот пояснил.

— В эту дверь трафик всегда огромный. Иногда даже резервные выходы открываются — люди ходят в хранилище, чтобы положить свои сбережения на сохранение, взять кредит или просто снять свои деньги на текущие расходы. Обычно, твой кошелёк привязан к хранилищу, и ты можешь тратить все свои средства напрямую, через авторизованные терминалы. Но когда есть риск взлома рабочего инвентаря, лучше перестраховаться и большую часть средств заблокировать на время рискованных операций. Взять только самое необходимое.

— Понял, учту.

Глава 15

Скрудж

Наконец, пришла наша очередь и мы прошли через нужную дверь. Портал вывел нас на площадку, с которой вниз вели большие ступени, выходящие на огромную красивую площадь, уставленную фонтанами и фантастическими скульптурами. По периметру этой площади была расположена красивая зелёная ограда. Заканчивалась площадь огромным зданием, исполненным в готическом стиле. Мы пошли по одной из аллей, ведущих прямо к хранилищу. Людей тут было не меньше, и даже больше, чем в Антхилле. Кто-то громко кричал в телефон, кто-то разгребал бумаги, сидя на лавочках, расположенных повсюду, кто-то радостно бежал в сторону входа в Антхилл, явно обрадованный какими-то новостями из Скруджа.

— У меня вопрос, почему ты на русском со мной разговариваешь? Тут народа столько, что ни в одном городе нашей страны не встретишь. Оплот же интернационален?

— Само собой. Система оповещения о новичках сообщает в гильдию гидов о появлении новых аккаунтов. Несмотря на интернациональность Оплота, ты слышишь ведь не мой настоящий голос. В оплот встроена автоматическая система перевода, я могу быть кем угодно, хоть американцем, хоть японцем, хоть китайцем. Но я действительно русский — гильдия гидов устроена таким образом, что система старается подобрать для новичка наиболее подходящего инструктора, по национальности, географии, интересам и темпераменту. Это позволяет максимально безболезненно адаптировать человека в новых условиях.

— Понял, спасибо за пояснение. Слушай, а расскажи, пожалуйста, почему тут всё такое реальное? Как так получилось, что я надел дома очки и попал сюда, а снять их не смог? Отсюда вообще выйти можно?

— Можно, но только после выполнения определённого набора действий. Реальные ощущения обеспечиваются специальным состоянием в который входит твоё сознание. Ты об осознанных снах что-нибудь слышал?

— Немного. Это что-то из эзотерики?

— Да нет, ты чего! В осознанных сновидениях нет никакой фантастики — это просто одно из нормальных состояний человеческого мозга. Доказал это ещё в восьмидесятых годах прошлого столетия Стивен Лаберж, проведя просто огромное количество опытов и показав всему миру, что ничего мистического в осознанных сновидениях нет. Разработал очень много методик, которые позволяют осознать себя во сне, разработал теоретическую, практическую и доказательную базу. А также получил нобелевку за свои достижения. Разработки Оплота начались ещё тогда, когда учёные плотно взялись за нейрологию. В двадцать первом веке появились первые устройства, записывающие сны, потом устройства и препараты, уводящие людей в осознанные сны. На основе этих знаний и был разработан алгоритм, который при помощи рядов звуковых и световых последовательностей вводит мозг в состояние осознанного сна. Но при этом, всё, что ты видишь транслируется тебе при помощи очков виртуальной реальности и синхронизируется с другими сновидцами.

— То есть, я сейчас сплю?

— Именно так. Ты видишь осознанный сон, можешь управлять им, взаимодействовать с другими людьми. Но не можешь проснуться из-за того, что шлем постоянно генерирует эти

сигналы и заставляет тебя спать дальше. А тело у тебя в неподвижном состоянии, банально из-за такого явления, как сонный паралич — о нём, я думаю, тебе не нужно пояснять?

— Это причина, по которой во время сна мы не шевелимся, чтобы не повредиться случайно?

— Именно. Подсознательная биологическая защита, выработанная миллионами лет эволюции у всех живых существ.

— А как тогда мне проснуться? Если я хочу выйти из Оплота?

— В обычном режиме, Оплот тебя будит сам каждые четыре-пять часов. Точнее, ты сам просыпаешься, это опять же эволюционное поведение, у каждого человека собственный цикл сна, немного отличающийся. Любой непрерывный сон делится на циклы, равные, примерно, четырём с половиной часам, после которых ты просыпаешься на короткое время, чтобы потом опять вновь заснуть. Внутри цикла есть стадии быстрого движения глаз, медленного сна и глубокого сна, но всю теорию я тебе пересказывать не буду — если заинтересуешься, то сам почитай. Лаберж тебе в помощь.

— А если я не проснусь? Или случится какой-то технический сбой? Я могу умереть во сне?

— Во-первых, не проснуться ты не сможешь — эволюция не позволит и разбудит тебя часов через пятнадцать, чтобы хотя бы поесть. Во-вторых, система Оплота сама будит тебя принудительно каждые восемь часов. Этот параметр настраивается, можно указать от шести, до десяти часов непрерывного пребывания в системе, но не более того. Ну и в-третьих, к сожалению, но такие случаи и правда бывали. Не все люди умеют контролировать свои желания, и бывало так, что люди умирали в Оплоте просто от голода или от инсульта. Жуткое зрелище, если честно — мне довелось увидеть одного такого. Мозг человека умирал и пытался спастись, а его аватар начинал вытворять безумные вещи, кричал о помощи, а потом просто завис на месте. Ходят байки, что по Оплоту бродит много призраков — воспоминаний людей, которые были записаны в момент смерти владельца аккаунта. Но я таких никогда не встречал.

Бегемот тряхнул головой, отгоняя страшные воспоминания.

— Поэтому теперь, перед регистрацией, каждый человек проходит психологический тест, а между сеансами должно пройти не менее часа, чтобы человек мог спокойно привести себя в порядок, поесть, умыться, сходить в туалет. В некоторых случаях, время пребывания в Оплоте ограничивается, чтобы люди хотя бы иногда выходили в реальность. Кто-то ведь должен поддерживать серверы, производить новое оборудование, просто жить в реальном мире.

Затем, каджит наклонился низко к моему уху и прошептал.

— Но говорят, что в сети бродят какие-то группировки, у которых есть способ продлевать твоё нахождение в Оплоте, в обход системы. Безопасники, конечно, всячески с этим борются, но прецеденты были. Не знаю, достоверная информация или просто пиар акция очередная Щита и Меча. Но на всякий случай, лучше при себе лучше всегда иметь набор экстренного выхода из Оплота их разработки.

— Хорошо, буду иметь ввиду. А выйти-то, как, в итоге?

— Открой инвентарь и запусти процесс выхода. На полу появится путь до ближайшего будящего терминала. Подойдёшь к терминалу, а дальше сам разберёшься — там ничего сложного нет.

За разговором, мы подошли к хранилищу и вошли внутрь. Внутреннее убранство было

шикарным и напоминало какой-то дворец невероятной роскоши. Длинный зал с огромными колоннами, подпирающими своды огромного потолка, был украшен множеством скульптур и изваяний. По центру зала были расположены фонтаны, рядом с которыми стояли рабочие места. А у самих рабочих столов стояли вечно улыбающиеся менеджеры. Все менеджеры были одинаково одеты в красивые фраки. Увидев всё это, Бегемот проворчал.

— Финансовые службы просто обожают некоторую чопорность.

Словно, услышав его слова, перед нами возник один из таких менеджеров.

— Добрый день, Андрей, здравствуйте Бегемот. Вы с совместным визитом или раздельным?

— Я сопровождаю Андрея в хранилище.

Служащий повернулся ко мне, я кивнул в знак согласия.

— Подтверждаю.

— Тогда пройдёт в комнату для особых клиентов. Оставляю вас наедине.

Каджит присвистнул, когда клерк вышел из двери. Комната для особых клиентов оказалась очень красиво обставленным помещением. Посередине стоял журнальный столик, к которому был приставлен кожаный диван. Стены были не глухими, как я ожидал — на каждой из трёх сторон было окно, за которым были виды какой-то нереальной красоты. С одной стороны было красивое зелёное поле на фоне гор с заснеженными вершинами, с другой океан, который больше всего напоминал уже виденный мной край мира, а за третьим окном была панорама огромного города, с высоты небоскрёба.

— Вот это да. Личный кабинет в Скрудже. Да кто ты такой?

— Понятия не имею. Что мне делать?

— Журнальный столик — это терминал взаимодействия с хранилищем. Зайди в него, сохрани всё, что есть в хранилище и возьми только самое необходимое. Тысяч тридцать налички должно хватить, а также перечисли мне всё, что есть по тегу «защита от взлома».

Я перечислил неизвестные мне наименования, а Бегемот удовлетворённо кивнул, после чего посоветовал взять мне несколько предметов и ещё раз напомнил про кредиты. На всякий случай, я взял с собой пятьдесят тысяч. Всякое бывает.

— Теперь перечисли всё в разделе оружия.

— Пусто.

— Как пусто? Серьёзно? Такой богач и без оружия? А по тегу оборона?

— Тут есть.

И я вновь стал перечислять всё, что увидел. А каджит вновь посоветовал взять мне несколько предметов.

— Интересный ты человек. Обороняешься, но не атакуешь. На твоём месте, любой такой же поплыл бы и закупил всяких дезинтеграторов, которые выводят из строя оппонентов. А у тебя только оборонительные программы. А выражение «лучшая защита — это нападение» тебе известно?

Я развёл руками, показывая, что ни при чём. Но в чём-то, я понимал свою альтернативную личность. Как и в реальной жизни, я никогда ни на кого не нападал, так и тут — для защиты у него много программных комплексов, но нападать на кого-либо он никогда не собирался. В итоге, я взял какую-то чёрную шляпу с восьмым уровнем защиты, потом нарыл круглый щит, со звездой и седьмым уровнем защиты, и, напоследок, на всякий случай докинул в инвентарь какую-то расчёску, аж с десятым уровнем защиты.

Пройдя все необходимые процедуры, мы двинулись обратно в Антхилл. Вновь прошли

ворота и отправились в главный зал. А потом, у меня перед глазами появилась надпись:

«Вы находитесь в Оплоте уже пять с половиной часов. Пожалуйста, перейдите к ближайшему терминалу и возвращайтесь через час. Команда Оплота рада вашему присутствию в системе. Хотите продлить пребывание ещё на час?»

Я поспешил сообщить об этом каджиту.

— О, пора отдохнуть. Ну пойдём. Лучше сразу, чем потом во время важного дела тебя принудительно выкинет.

— Хорошо, но ты мне поможешь, когда я снова зайду в систему?

— Само собой. Только на этот раз мои услуги будут стоить в два раза больше. В опасное место всё-таки идём. А учитывая твои отношения со Скруджем, я думаю, для тебя это накладно не будет.

— Договорились.

Пройдя по пути, который и правда спроецировался на полу, я зашёл в небольшую комнату. В маленькой, но уютной комнатке стояло только три предмета — кровать и тумбочка с миниатюрным ночником.

— Забавно. Чтобы проснуться, нужно просто уснуть.

Я думал, что сейчас буду долго валяться из-за пережитого днём и не смогу заснуть, но, видимо, система просто искусственно запускала процесс пробуждения. Поэтому закрыв глаза на мгновение, я открыл их уже дома. У себя в серой неприглядной квартире. За окном ярко горело осеннее солнце, которое начинало постепенно уходить к горизонту. Было три часа дня. На улице, как и с утра было почти безлюдно — все проводили своё свободное время в Оплоте. Было как-то грустно от осознания того факта, что люди променяли реальную жизнь на виртуальную.

Я сходил в душ, туалет, достал из холодильника и перекусил тем, что там было, побродил по квартире, а потом решил выйти и подышать свежим воздухом. Одевшись и открыв входную дверь, я обнаружил небольшой листок бумаги, который был в неё вставлен. Развернув его, я увидел небольшое письмо.

«Привет, это Эдик. Если синхронизация удалась, то найди меня по идентификатору: КнязьТьмы2022».

Я улыбнулся, поняв, что этот был тот самый Эдик из мира Обелисков. Значит, система действительно помогла нам. Настроение взлетело настолько, что я даже засвистел какую-то мелодию. На прогулку у меня было около получаса. Я вышел из подъезда и начал просто бесцельно бродить по тротуарам, распинывая осеннюю листву. Пнув очередную кучу, я понял, что случайно засыпал чьи-то ноги.

— Извините.

— Ничего страшного.

Я вздрогнул, услышав знакомый голос и поднял глаза.

— Фёдор Геннадьевич?!

Старичок улыбнулся во весь рот, но всё же осторожно уточнил.

— Он самый. Андрей, мы знакомы?

— Ещё как! Нейтронный нагнетатель, помните?

От радости, научный руководитель затряс меня за плечи.

— Как его не забыть. Источник всех наших бед. Андрюха, как хорошо, что я тебя нашёл!

Достучаться до тебя в квартире не смог, понял, что ты в Оплоте сидишь. Понадеялся на то, что выйдешь прогуляться — и не прогадал!

— Фёдор Геннадьевич, мне нужно многое вам рассказать. Эдик тоже здесь.

— Не может быть! Такое совпадение!

— Это не совпадение. Мы с ним синхронизировались в прошлом мире. Но как вы сюда попали?!

— Да я тут уже больше недели живу! После предыдущего перемещения. Ничего себе, какая удача. Но почему ты раньше меня не нашёл? В Оплоте всё время жил?

— Фёдор Геннадьевич, нужно поговорить. Я тут всего день и не знаю, сколько ещё пробуду. Последние несколько дней, я больше, чем на день в мире не задерживаюсь. Столько всего произошло!

— Пойдём к тебе, расскажешь всё.

По дороге, я начал снова пересказывать всю свою историю. Потом, мы зашли в квартиру, я налил нам по кружке чая, и Фёдор Геннадьевич начал рассказывать свою историю. Оказывается, он провёл в этом мире последнюю неделю и успел узнать историю Оплота. Сам в Оплот зашёл только пару раз, ради научного интереса, но не более того.

Всю неделю, Фёдор Геннадьевич искал информацию о нейтронном нагнетателе. И нашёл. Оказалось, что его запустили и используют в этом мире уже очень давно. Только работал он на пятипроцентную мощность до последнего времени. Местные учёные смогли найти ему практическое применение — высвобождение нейтронов из нейтронно-избыточных ядер при помощи цепной ядерной реакции сопровождается огромным выбросом энергии. Откуда брались новые нейтроны, создатели устройства ещё не успели вычислить, как, впрочем, и наша исследовательская группа — банально теоретической базы не хватало. Но теперь всё встало на свои места.

Запуск нейтронного нагнетателя в мире провоцирует высасывание этих самых нейтронов из других проекций вселенных, в которые, в свою очередь затачиваются нейтроны точно такими же нейтронными нагнетателями из других проекций. Поскольку, число параллельных вселенных всё же, теоретически, ограничено, Фёдор Геннадьевич пришёл к выводу, что остановка нагнетателя в текущей вселенной ничего не даст — и нужно найти именно самую первую вселенную, в которой это устройство было запущено.

— Да и, на самом деле, запуск нейтронного нагнетателя для каждого из миров — это событие вселенского масштаба. Мало кто откажется от дармовой энергии, да и многие проекты, банально неосуществимы без неё. Возьми хотя бы Оплот. Ты думаешь, почему вообще его существование возможно? Это же колоссальные мощности, которые необходимо пустить на поддержание миллионов серверов или одного суперсервера, способного содержать и обслуживать миллиарды аккаунтов. Для того и увеличили мощность нейтронного нагнетателя — со дня на день, в Оплоте выйдет крупномасштабное обновление, которое, по словам разработчиков, в разы раздвинет границы виртуальной вселенной. Вот так-то. Поэтому, надо найти Эдика и Марину и придумать, как попасть в тот самый изначальный мир.

— Фёдор Геннадьевич, но что мы там делать будем? Судя по тому, что я видел в предыдущих мирах, когда меня обрабатывали на томографе и когда вы, в другом мире собрали поляризатор, с ними что-то происходит такое, будто время в них останавливается. Как будто, все попали в чёрную дыру, а я за ними наблюдаю со стороны. Как такое возможно? И что нам с этим делать?

— По моим расчётам, выводы неутешительные. Нейтронный нагнетатель, запущенный в половинную мощность, вносит, практически, необратимые изменения в какие-то мировые константы. Может быть, меняет слабое или сильное ядерное взаимодействие, может быть, электромагнитное или гравитационное. Но я не исключаю существование пятого — темпорального взаимодействия. Или, если по-простому, изменение мировых констант, отвечающих за физику времени. Эффект, который ты видел в мирах, с запущенным нагнетателем, скорее всего, последствия этого изменения.

— Фёдор Геннадьевич, мне одно непонятно. Допустим, существование и практическая работа нейтронных нагнетателей обусловлена существованием нейтронных нагнетателей в других проекциях. Но откуда взялся самый первый нагнетатель? У него ведь не было такого же собрата, который генерировал лишние нейтроны. Почему тогда они все работают?

— Вот это Андрей, очень правильный вопрос. Я им тоже задался сразу же, после того самого инцидента. Ну, который разбросал нас всех по мирам. Не знаю точно, что такое произошло с самым первым нагнетателем. Моё мнение — принцип его работы немного другой, отличный от наших. Видимо, наши нагнетатели стали возможными благодаря тому, что самый первый был запущен очень давно и, возможно, он не был предназначен для того, чтобы создавать избыточные ядра. Возможно, его действие было противоположно нашему — он избавлял ядра от нейтронов. И отправлял в другие вселенные.

— Так что же произошло с той вселенной, в которой он был запущен?

— По моим приблизительным расчётам, после активации нагнетателя на пятидесятипроцентную мощность, достижение стопроцентной происходит через...

— Восемьдесят дней.

— Точно... Приблизительно. Откуда ты знаешь?

— Вчера только узнал. В общем, не особо важно, выводы примерно те же. Так что происходит в этом случае?

— Я думаю, нагнетатель, запущенный на полную мощность, забирает все нейтроны из предыдущей вселенной. В свою очередь, нагнетатель той вселенной, высасывает, если можно так выразиться, нейтроны, предыдущей, и так до самой первой, которая является источником нейтронов сама по себе. Извлечение всех нейтронов равнозначно полному изменению всех физических констант, всех физических законов, что с нашей точки зрения, равнозначно их уничтожению.

— Неужели ничего нельзя сделать?

— Моё мнение — теоретически, возможно. Как вариант, можно попробовать уничтожить излучатель в первой вселенной. Но, боюсь, что это, практически, невозможно. Даже если мы найдём способ попасть в эту самую первую вселенную, никто не гарантирует, что там вообще до сих пор существует хоть что-то, похожее на наш мир. Возможно, время там искажено настолько, что прошли миллионы или миллиарды лет и вселенная схлопнулась сама по себе. А может быть, недостаток уже выплеснутых нейтронов сказался как-то по-другому. И надо понимать, что это действие, по цепочке, отключит все нагнетатели во всех мирах, в каких бы целях они ни использовались.

— Да чёрт с ними, с нагнетателями. Если мы не отключим самый первый, то все остальные тоже будут уничтожены!

— Всё верно. Но есть другой вариант. Можно попробовать зациклить нейтронные нагнетатели. Создать замкнутый контур между ними. В этом случае, гипотетически, все избыточные ядра освободят нейтроны, которые отправятся по цепочке в самую первую

вселенную, наполнив её нейтронами обратно. Но для всех остальных проекций даже этот вариант сделает нагнетатели неработоспособными. Точнее нет, работоспособность останется, но пользы это не будет приносить никакой. Хотя, если сделать так, что человечество изобретёт способ использовать эту цепь, как поток, то, теоретически, можно будет вырабатывать энергию за счёт движения нейтронов между мирами...

— Фёдор Геннадьевич, мы отвлеклись!

— Ах да, точно. Ну первое, что нужно сделать — это найти источник. Второе — задействовать нагнетатель в том мире, в котором будем находиться к тому моменту, чтобы направить поток нейтронов в изначальную вселенную. И третье — нужно обязательно обеспечить безопасность этих устройств во всех мирах. То есть, создать специальную сеть сообщений, которая позволит связаться и убедить человечество каждой из вселенных с нагнетателем в том, что они просто обязаны теперь будут беречь нагнетатели, как зеницу ока. Поскольку нарушение или уничтожение хотя бы одного звена цепи повлечёт за собой сбой во всех остальных звеньях.

— Третье самое сложное, но это хотя бы какой-то план.

— Я забыл уточнить очень важную деталь, Андрей.

— Какую?

— Если принять нашу вселенную за вторую, которая качала нейтроны из самого источника, то источнику осталось существовать всего несколько дней. Двенадцать, если быть точнее. Плюс-минус один день.

— Лучше бы плюс. Да, Фёдор Геннадьевич. Я понял. Времени совсем нет.

— Это точно. Именно поэтому важно действовать сообща, чтобы не тратить время впустую. Расскажи мне подробно последний момент — каким образом тебе удалось «настроиться» на волну Эдика? А после этого отправляйся за ним. А я уже что-нибудь придумаю, чтобы синхронизироваться с вами, если не в этом, то в следующем мире.

Я быстро пересказал события предыдущего дня. Научрук всё тщательно записал, сделал необходимые пометки и, допив чай, засобиравшись домой.

— Мы с тобой целых полтора часа проболтали. Будем надеяться, что нагнетатель не будет запущен прямо сегодня. Ведь настроился ты на Эдика, а не он на тебя. И, гипотетически, именно он привёл тебя в этот мир. Отправляйся в Оплот, найди его, встретимся в твоей квартире. Ключи есть?

Я пошёл к прихожей, порылся в карманах толстовки, достал ключи от квартиры и передал Фёдору Геннадьевичу.

— Буду тут со всем необходимым для работы через несколько часов. Постарайся к тому времени привести Эдика.

— Хорошо. Фёдор Геннадьевич... Удачи. Вы не представляете, насколько я рад был вас увидеть. Хоть и практически не помню ничего, что произошло во время нашего опыта.

Фёдор Геннадьевич остановился на пороге.

— Как не помнишь? погоди, у тебя амнезия?

— Да. Я помню только последние два месяца, плюс неделю, проведённую в других мирах. Извините, забыл об этом рассказать — слишком много всего произошло.

— Ничего. Бывает. Но это очень важная информация. Пока не знаю, почему, но чувствую, что в этом есть какой-то смысл. Я думаю, что мы просто обязаны восстановить твою память. Возможно, она прольёт свет на какие-то детали эксперимента, о которых я не был в курсе. Ты в тот день покинул лабораторию из-за того, что тебе кто-то позвонил по

телефону. Но эксперимент шёл по плану, ничего не предвещало беды. Но ладно, поговорим об этом отдельно. Сейчас главное — собрать нашу команду.

Я закрыл дверь за Фёдором Геннадьевичем, прошёлся ещё раз по квартире, подошёл к дивану и взял очки виртуальной реальности. Те приветливо заморгали от моего касания. Я надел их и вновь отправился в Оплот.

Глава 16

Трущобы

Появился я вновь в стартовом хабе, всё с теми же оранжевыми стенами. Хаб вновь встретил меня всё той же надписью и полосой загрузки. На этот раз я решил, что будет неплохо сразу приступить к делам. Нужно было найти Эдика по указанному им идентификатору. Но как это сделать, я не понял. Открыл кошелёк, порылся в инвентаре — никакие действия мне не помогли.

— И где тут справка?

— Для вызова справки достаточно просто вслух сказать «вызов справки». На будущее, но сейчас она тебе не нужна — я и так подскажу тебе всё, что нужно.

От голоса Бегемота я вздрогнул. Обернувшись, я увидел, что он стоит, прислонившись к стене, возле входной двери.

— Ты чего пугаешь так? Я был уверен, что тут нет никого!

— Я твой персональный гид, ты не забыл? Мне приходит уведомление каждый раз, когда ты совершаешь действия в Оплоте, информация о которых находится в публичном доступе.

— Понятно. А как ты сюда попал?

— Гидам позволено загружаться в хабы к новичкам, а также к ведомым пользователям, с которыми был подписан контракт.

— Хорошо продумано.

— Я думал, ты уже не вернёшься — ты целых два часа пропал. Что-то случилось?

— Нет, всё прошло даже лучше, чем я ожидал. В реале я нашёл записку от Эдика. Судя по всему, он не смог достучаться в квартире и ждёт меня где-то в Оплоте. Идентификатор свой оставил.

— Здорово! Давай поищем его!

— Как это сделать?

— Есть несколько способов. Один из них — просто поискать у себя в браузере. Для этого в правом внутреннем кармане твоей одежды есть что-то, что тебе поможет. Посмотри, что там есть.

Я удивился его осведомлённости, полез в карманы и, действительно, обнаружил там ручку и блокнот. Быстро пролистав пальцами несколько страниц — я обнаружил там кучу записей.

— И как в этом разобраться?

— На первой странице есть поле для поиска. Напиши в нём то, что требуется. Ручкой.

Открыв первую страницу, я действительно увидел поле для ввода запроса и значок лупы — прямо как в обычном браузере. Я аккуратно вывел идентификатор Эдика, который тот мне оставил в записке и нажал лупу. На странице появилась фотография Эдика и кнопки доступных действий.

— А остальные страницы зачем, если можно всё на одной делать?

— А это закладки и вкладки, как в обычном браузере. Просто удобно. Страницы можно удалять или добавлять — в углу каждой расположен крестик. Если долго нажмёшь на любую ссылку — она откроется на отдельной странице блокнота. Кстати говоря, ты довольно старомоден. У тебя браузер в виде блокнота. У кого-то это обычный телефон, кто-то достаёт

складной ноутбук, а кому-то удобно одевать очки дополненной реальности, как бы странно это не звучало. Нам зачем-то всегда требуется материализация обыденных вещей.

— Как бы мы ни прятались от реальности в Оплоте, всё равно каждый из нас по-своему скучает по настоящей жизни.

— И не говори. Так, ты нашёл то, что искал?

— Да, нашёл контакт Эдика. Есть возможность вызова, пишет, что он «в сети».

— Здорово! Набирай!

Тыкнув ручкой в значок трубки, я почувствовал в ухе гудок, убрав ручку и блокнот в карман, я нащупал в ухе небольшой наушник, из которого и шёл звук. Каджит усмехнулся.

— Материализация обыденных вещей. Куда без этого.

Гудки шли, но никто не отвечал. А затем автоматический голос сказал, что номер недоступен. Я набрал снова — тот же результат. Я нахмурился. Статус Эдика перешёл в значение «неизвестно». Бегемот, который стоял рядом удивлённо вскинул брови.

— Странно. Обычно, статусов несколько — в сети, не в сети, не беспокоить и тому подобные. Но статус «неизвестно» я видел в последний раз года два назад. Такое бывает только в двух случаях.

— И что тогда случилось?

— Сбой в работе Оплота. Серверы легли. Очень странно. Уведомлений об отключении серверов не было. Но твой друг точно был пять минут назад в сети.

— А второй случай какой?

— Недееспособность владельца аккаунта.

— Что это значит?

— Снижение мозговой активности, которое может быть следствием потери сознания или, прости за откровенность, смерти пользователя.

— Быть не может. Судя по записке, у Эдика всё в порядке со здоровьем. Ничего такого, что могло указывать о его недееспособности.

— Значит, без детективного агентства нам не обойтись. Возвращаемся к изначальному плану. Ты уже готов нырнуть в трущобы?

— Да, я ещё до выхода успел подготовиться.

— Вот и славно, погнали, поболтаем с моим знакомым. Ещё не было такого, чтобы он не находил мне нужного человека. Тем более, когда известен его идентификатор.

— А позвонить ему просто нельзя?

Бегемот рассмеялся.

— Нет. Такие, как он не появляются в публичном пространстве Оплота. Скажем так, администрация Оплота не совсем приветствует подобных персонажей, но, иногда, даже они прибегают к их услугам, закрывая глаза на то, что они явно нарушают пользовательское соглашение. Оплот настолько огромен по объёмам кода, что неизбежно появление уязвимостей, дыр, банальных ошибок в коде. Чем больше продукт, тем больше на его качество влияет человеческий фактор. А учитывая то, как давно было написано ядро системы, и сколько разработчиков сменилось за время его существования — количество ошибок и уязвимостей растёт в геометрической прогрессии.

Мы вновь отправились куда-то с Бегемотом. На этот раз, мы не пошли в Антхилл, а двинулись к стоянке какого-то местного транспорта. Каджит пояснил, что через центральные хабы, в бюро попасть невозможно. Оно находилось в старой контентной зоне, давно неподдерживаемой разработчиками Оплота, за ненадобностью. Но именно там жили

все, кто и в реальности не находил себе места среди законопослушных граждан.

— На каком транспорте поедешь?

— А какой есть?

— Ох. Представь, что есть любой транспорт, когда-либо придуманный человеком.

Подойди к стойке аренды, где пустоует парковочное место и закажи любой, какой твоей душе угодно.

— Даже розовый единорог?

— Весьма специфичный вкус, но да, даже он.

Подойдя к стойке, я набрал первое название транспорта, которое пришло в голову. К моему удивлению, запрос был выполнен успешно и передо мной, на парковке появился красивый тюнингованный автомобиль белого цвета, с синими полосами. Я помнил его название из детства — это был своего рода, культовый автомобиль в одной из игр начала двадцать первого века. Об этой игре мне рассказывал мой отец, когда я был совсем маленьким. И даже показывал её на компьютере. Конечно, к моему сознательному возрасту, игра беспощадно устарела, но автомобиль из неё надолго врезался мне в память. А тут у меня появилась возможность покататься на нём по-настоящему. Только сейчас я понял, что ко мне вновь начали возвращаться воспоминания. Сначала о больницах, теперь — об играх. Это было хорошим знаком.

Бегемот заказал себе транспорт в виде гигантской кошки, с виду напоминавшей смесь тигра с рысью. На мой немой вопрос, от улыбнулся.

— Надо поддерживать образ по максимуму. Это сэнч. Ездовое животное, в рамках легенды моего аватара.

— А как ты за тачкой успеешь? Это же кошка.

— Не волнуйся, успею. Это же Оплот.

Оплот был не просто большим городом. Он был огромным и разнообразным. Настолько, что каждый квартал, который мы проезжали бросался в глаза своей уникальной архитектурой. В каких-то районах были красивые небольшие деревянные домики, оформленные под традиционные китайские строения. Тут же, проехав пару километров, мы увидели огромные небоскрёбы, уходящие далеко в облака. Проехав район небоскрёбов, мы попали в зелёный лес, с огромными деревьями-исполинами, которые тоже были своего рода домами. Я не успевал рассматривать всю архитектуру, а Бегемот, не переставая рассказывал мне через радио в автомобиле об особенностях районного расположения контента.

— Оплот — многонациональный виртуальный мир с огромным разнообразием культур, верований, отсылок, пасхалок. Для того, чтобы каждый пользователь смог найти себе место в Оплоте, исторически были созданы районы, в которых каждый может найти занятие себе по душе. Хочешь быть викингем и зарабатывать на зрелищных битвах и их онлайн трансляциях — идёшь в «Скандинавию». А может быть, тебя больше привлекает биржа, торговля, экономика — для этого есть «Деловой центр». Есть даже район со своим адом и бесами, которых можно отстреливать из футуристических пушек. А буквально только что мы проехали «Лощину эльфов» — там ты можешь заняться проектами по оздоровлению природы в реальности. К сожалению или счастью, аудитория Оплота с каждым днём становится всё больше и больше — поэтому разработчики на днях выпустят огромное обновление, которое расширит существующие районы, по запросам пользователей. Какие-то станут больше, какие-то наоборот, немного уменьшатся — мир должен следовать веяниям современных трендов и подстраиваться под свой контингент.

— А что такое «Трущобы»? Почему мы едем именно туда?

— Трущобы — это большая буферная зона заброшенного и никому не нужного контента. Точнее нужного, но очень ограниченной аудитории. Юзеры, конечно, стараются поддерживать Трущобы своими силами, но, без реального участия разработчиков, их уже не оживить. Это, можно сказать, уже история Оплота, ванильная версия.

В словах каждита прозвучали нотки грусти.

— Ты скучаешь по Трущобам?

— Ещё бы. Я всё детство провёл именно в них. Тогда они были ещё главным хабом Оплота — там всегда была куча народа и множество крутых активностей. Тогда мы, первые пользователи формировали Оплот, тогда именно мы двигали его вперёд, создавали новые зоны, придумывали забавы, события и вообще, контент для нашего мира. Строили его из своих надежд и ожиданий. А потом, в мир пришла монетизация, ограничения, продюсеры, спонсоры, инвесторы. И он перестал быть тем местом, где можно просто отвлечься от реальности — он стал новой реальностью с теми же проблемами — деньги, заработок, бандиты, войны.

Бегемот на время замолчал, а потом продолжил в своей старой поучительной манере.

— Мы почти приехали. Теперь внимательно следи за моими действиями и повторяй.

Я ехал прямо за каджитом, тот несколько раз поворачивал, затем дал несколько кругов вокруг одного и того же здания. Я не запомнил всей комбинации сумасшедших поворотов, но в какой-то момент, перед нами появилась кирпичная стена, я хотел было остановиться, но Бегемот крикнул.

— Газуй прямо, держи скорость восемьдесят восемь миль в час!

Я послушался его совета, нажал на газ. Руки хотели вывернуть руль, но, я, хоть и с трудом, сдержался. Прямо передо мной, каджит на всей скорости врезался в стену. Но вместо звука удара и хруста костей, я увидел, как Бегемот вошёл прямо в стену, которая заколыхалась рябью, будто вода. Я зажмурил глаза, ожидая столкновения, но его не произошло — я с разгона вылетел на какой-то проспект. Хорошо, что тот был достаточно пустынным, иначе я бы точно кого-нибудь сбил. Неподалёку стоял каджит, уже без сэнча и звал меня к себе.

— Можешь пока убрать транспорт. Тут недалеко и здесь тачка не понадобится. К тому же, дорога в ужасном состоянии — местами есть невидимые провалы, в которые можно упасть и лететь, пока программная защита не вернёт тебя в приветственный хаб.

— Что это было, Бегемот?

— Ты про стену? Про платформу девять и три четверти слышал?

— Нет.

— Ну и ладно. В общем, это уязвимость, которая позволяет попасть в трущобы тем, кому это нужно.

— А зачем такие сложности?

— Трущобы — давно заброшены. Разработчики не хотят, чтобы все подряд посещали старые места, полные ошибок, программных дыр и недоработок. Считай это страхом потери репутации. Поэтому, доступ сюда давно закрыт, все официальные хабы, которые сюда вели ранее — не работают. Тут можно оказаться только если знаешь, где находится уязвимость и по каким правилам она срабатывает.

— Теперь я понял, для чего были все эти танцы по кругу.

— Всё верно. Убирай транспорт.

— Куда?

— В инвентарь. Он нам пригодится только на обратном пути. Выйди из автомобиля и нажми кнопку закрытия замков.

Я послушно сделал это, после чего, автомобиль, только что бывший у меня перед глазами, быстро схлопнулся в небольшую монету, оставшись у меня в руке. Я закинул монету в первый подвернувшийся карман и решил оглядеться.

Трущобы, как их называл Бегемот, на самом деле, вовсе не походили на их реальный аналог. Я ожидал увидеть старые обветшалые дома, покосившиеся ставни, нагромождение некрасивых строений. Но всё было гораздо приличнее.

Большой проспект, на который я выскочил из стены уходил бесконечно в горизонт, по краям проспекта стояли красивые дома, выполненные в различной стилистике. Но, в отличие от густонаселённых районов Оплота, дома тут стояли вразнобой, добавляя этому месту своеобразный колорит. На фоне здания викторианской эпохи, мог спокойно стоять большой небоскрёб, с одной стороны которого моргали красочные неоновые вывески, а с другой на уровне десятого этажа в него вращалась ветвь исполинского дерева, органично вписанная в само здание — обросшими вокруг ветвями и огромной аркой. Прямо за исполинским деревом, под его ветвями, было разбросано множество вигвамов, которые когда-то служили пристанищем местной индейской диаспоры. Всё это разнообразие архитектуры, перемешанное в различных комбинациях, поражало воображение. Средневековые замки стояли рядом с современными многоэтажными офисами. Снежные иглу располагались рядом с футуристическими капсулами-спальнями. Бегемот улыбнулся моим удивлённым возгласам.

— В то время, в Оплоде больше было пользовательского контента, чем официального. Мы лепили из него свой собственный мир, как хотели. Дома было разрешено строить в любой незанятой территории. Да и на занятой, с разрешения владельца тоже можно было расположиться. Именно поэтому тут так много забавной коллаборации.

— Удивительное место. Но почему тут так пусто? Неужели, ностальгирующих так мало?

— Не только в этом дело. Попадание сюда может грозить баном или штрафом. Да и тут довольно опасно — не зная местных безопасных троп, сюда лучше не соваться. Может случиться так, что тебя ограбят, а потом скинут в какую-нибудь дыру, чтобы не брыкался. Обратное всё равно нескоро попасть сможешь. Кроме того, когда Трущобы закрыли от новых пользователей, постепенно начали отключать серверы с их поддержкой, оставив только минимально необходимый набор, способный держать несколько тысяч человек — в первые недели, мы пытались устраивать тут митинги за сохранение исторического контента, но аккаунты намертво зависали из-за недостатка серверных мощностей. В общем, разработчики всё предусмотрели. Теперь сюда можно попасть только при помощи уязвимостей и, то, только относительно небольшой группой людей.

— Понял, соболезную. Тяжело терять то, что создавал и строил собственными руками.

— Да, не стоит. Основной Оплот стоит на месте и никуда не делся. Теперь мы все живём там, изредка забегая сюда, чтобы поностальгировать или собраться вместе, провести какое-нибудь небольшое событие. Но сейчас мы с тобой пришли люда по делу. Пойдём в бюро, мы уже недалеко.

Мы завернули в какой-то переулок, пройдя между двумя огромными бронзовыми статуями, чем-то напоминающие родосские колоссы. По бокам переулочка стояли большие

здания, уходящие далеко вверх, поэтому солнечный свет сюда почти не доходил, но дорога всё равно была хорошо освещена обильными неоновыми вывесками. Затем, мы с Бегемотом свернули в ещё более тёмный переулок, который был освещён гораздо хуже.

И тут нам преградил дорогу здоровенный амбал. Лицо его было разделено напополам ужасной травмой, оголившей странного вида металлический череп. Вместо глаза на повреждённой части светился красный фонарь. Выглядел амбал довольно зловеще.

— Бегемот, кажется, я предупреждал, чтобы ты больше не совался в этот район.

— Чёрт. Арни, прости, что так вышло в прошлый раз, но у меня с собой есть вся сумма, которую я тебе должен. Честно-честно.

— С тех пор, сумма увеличилась вдвое. Ты не выполнил своего обещания.

— Арни, да ладно тебе. Может, не будем ссориться. Давай я отдам половину сейчас, а вторую половину занесу позже. У меня и правда сейчас налаживаются дела с финансами.

— А что мне мешает просто забрать деньги у тебя прямо сейчас, а заодно и обчистить твоего сопровождающего?

— Давай не будем, пожалуйста.

Вместо ответа, так называемый, Арни, достал из-под кожаного пиджака дробовик и направил в нашу сторону. Мне ничего не оставалось делать, кроме как, выхватить первое, что попало под руку в инвентаре — щит. Сделал я это вовремя, поскольку Арни уже нажал спусковой крючок. К моему удивлению, щит выдержал. Более того, вся дробь, которая в него попала, горохом отскочила от его поверхности.

— Ого, да твой товарищ не из простых, я посмотрю. Парни, тут неплохой куш намечается.

Позади нас материализовались ещё два бандита. Каджит, на удивление, был довольно спокоен, меня же немного потряхивало от возбуждения. Тем временем, «парни» уже приближались к нам, держа на изготовку какое-то холодное оружие. Когда они подошли поближе, я смог разглядеть в них странных существ, больше всего напоминающих прямоходящих черепах. Позади Арни появились ещё два таких же существа. Бегемот прошептал.

— Плохо дело. Одним щитом из выбраниума тут не отделаешься. Есть что-то ещё в запасе?

— Есть.

— Применяй всё. Щитом, кстати, кидаться можно.

Черепахи кинулись в атаку, а я, кинув со всей дури щит в двух бойцов, напавших сзади, достал из кармана чёрную шляпу и расчёску. Не придумав ничего лучше, я попытался применить расчёску по назначению. Время вокруг резко остановилось. Щит застыл на месте, успев врезаться одному из нападавших в живот. Второй в ужасе вскинул руки, выронив два небольших кинжала-трезубца из рук, которые также застыли в воздухе. Поняв, что на них можно пока не отвлекаться, я повернулся к тройке с другой стороны. Надел ковбойскую шляпу и ощутил какой-то небывалый прилив сил и уверенности. Я прошёл пару метров, навстречу противнику, время вновь вернулось в своё русло.

Черепахи и Арни удивлённо вскинули брови, увидев меня рядом с собой, а я, услышав, как щит отскочил от двух черепах позади меня, вытянул руку, чтобы поймать его. С железной уверенностью, отбил щитом удар первой черепахи с мечом, тут же отправив ту в нокаут. Вторая бросила свою палку на землю и попятилась назад, подняв руки.

Арни, увидев, что его союзники выведены из строя зарычал и бросился на меня.

Удивительно, но я сделал то, чего никак от себя не ожидал — прыгнул и с разворота ударил ногой по металлической голове Арни. Моя нога пробилла металлический череп, разворотив полностью половину с красным глазом, и отправила киборга в ближайшую стену. Черепахи уже помогали друг другу, унося ноги из переулка. Каджит весело улыбался.

— Я его убил?

— Нет, что ты. В Оплоте никого нельзя убить, даже в Трущобах. Да, ему придётся потратиться на косметическую программу, но не более того. Арни. Я знаю, что ты нас слышишь. Ещё раз увижу тебя в этом переулке, и мой друг снова придёт за тобой, ты понял? От долга я не отказываюсь. Оставлю на твоей тушке. Но двойную плату точно возвращать не буду.

А я убрал всё своё защитное снаряжение обратно в инвентарь.

— Ну, ты и выдал. Удар с ноги с разворота, с ума сойти. Я такие древние приёмы с самого старта Оплота не встречал. Если бы ты ударил посильнее, то ты его вообще мог в основной хаб выбросить.

Не знаю, шутил он или нет, но проверять я не стал. Бегемот подмигнул мне, и мы отправились дальше. Бюро оказалось за небольшой неприметной дверью, десятки которых выходили на переулок. Отличием было только наличие большого висячего молотка на двери. Каджит громко постучал в дверь. Прошло пару минут, после чего мы услышали шаркающие шаги. Кто-то остановился возле двери. Каджит не выдержал.

— Ватсон открывай уже. Это Бегемот. Холмс дома?

— Ватсон уволился. Теперь самому приходится всем открывать.

Зайдя внутрь, я подумал, что попал в далёкое прошлое. Внутреннее убранство было старинным — антикварная мебель, старинные часы, музыка, звучащая из старинного граммофона и запах табака создавали определённую атмосферу.

— Чего тебе, Бегемот? Я за бесплатно сейчас не работаю. Сам понимаешь, времена такие.

— Я всё понимаю, Холмс. Деньги есть. Андрей, верно, ведь?

— Да-да, конечно.

— Десять тысяч сейчас и десять тысяч после того, как всё сделаю. Без торгов.

— Ты даже не спросил, что нам потребуется.

— Неважно. Раз вы сюда пришли, значит это что-то, что сделать сами не в состоянии.

Я достал из кошелька нужную сумму и передал Холмсу. Выглядел он как старичок довольно большого роста. Одет был в бархатный халат и смешные тапочки в виде зайчиков. На голове у него сидела шляпа охотника за оленями с двумя козырьками, что делало его образ ещё комичнее. Я невольно улыбнулся.

— Ну, не готов я был к гостям, что поделать. Но вы же за делом пришли, а не антуражем. Так что, вещайте, что от меня требуется.

— Человек пропал. В реальности зовут Эдиком. Его идентификатор вот такой.

С этими словами, я протянул Холмсу записную книжку. Тот чиркнул что-то в своей.

— А почему думаете, что он пропал? Может скрывается?

— Нет, он попросил найти меня в Оплоте. А потом пропал. Записку в реале оставил в двери. С ним точно что-то случилось, у него статус стоит «Неизвестно».

— Интересно. Хорошо, давайте поищем.

С этими словами, Холмс отправился в какую-то другую комнату, а мы с каджитом последовали за ним. Детектив привёл нас в небольшую коморку, обставленную по

последнему слову техники. На контрасте с предыдущим помещением, выглядела она совершенно необычно.

— Прихожую создавал давно, чтобы клиентов привлекать. А рабочее место в таком антураже не нуждается. Да и вы не обычные клиенты. Да, и на самом деле, прихожая-то тоже уже давно никому даром не сдалась.

— Да ладно тебе, Холмс. Не прибедняйся. К тебе до сих пор весь Оплот обращается.

Холмс сел за рабочее место и начал быстро набирать на клавиатуре нужные команды. Первые несколько попыток не увенчались успехом, из-за чего детектив нахмурился.

— Что-то не так?

— Странно. Мои данные утверждают, что твой товарищ в сети уже больше десяти часов. Не может быть такого, его давно бы уже автоматика выкинула. Местонахождение не определяется. Последний зарегистрированный сеанс связи — в Антхилле, восемь часов назад. В логе нет записи о выходе из Оплота. Быть не может.

Каджит тоже задумчиво чесал подбородок.

— Значит это правда. Эдик либо мёртв... — взглянув на меня, Бегемот быстро продолжил — Но этот вариант мы пока исключаем. Либо случилось невероятное. Его что-то удерживает в Оплоте, не позволяя выйти. Не думал я, что такое возможно.

Холмс продолжал набирать команды.

— Нет, он не мёртв. Система говорит, что показатели, конечно, не очень положительные, но, в целом, пока его жизни ничего не угрожает.

— А ты можешь выкинуть его из Оплота? Команду прописать какую-нибудь, чтобы его принудительно отключило.

— Нет. Точно не стоит. Во-первых, это обнаружит меня, если я внедрюсь в центральную управляющую сеть Оплота. А во-вторых, это опасно для вашего друга — принудительное отключение от системы с незарегистрированного терминала может нарушить работу мозга. Ему потом отходить ещё долго придётся.

— Неужели, ничего нельзя сделать?

— Ну, почему же. Можно. Нужно понять, где он находится и забрать его оттуда. Я подозреваю, что на него применили «Петлю». Я слышал о разработках, но с реальным применением никогда не встречался. Петля подменяет информацию о времени нахождения пользователя в Оплоте и эмулирует сообщения о выходе и обратном входе пользователя. Это если грубо описать. Конечно, на деле, не всё так просто — нужно очень крутое программное обеспечение, которое способно обойти все протоколы безопасности Оплота и внедриться в подсистему управления авторизацией пользователей. Придётся дать вашему другу небольшое лекарство, которое сбросит сервис авторизации. После этого, его нужно вытащить в какой-нибудь публичный хаб. После этого, система автоматически начнёт процесс вывода из Оплота.

— А каким образом его можно найти?

— Я могу дать координаты, где его засекали в последний раз... Готово. Как я и говорил, Антхилл, рекламное агентство. Кто-нибудь из вас знает, что он там забыл?

— Я догадываюсь. Он всё-таки кликнул на назойливое объявление, от которого мы избавились.

— Ого. То есть, ваш друг перешёл по гиперссылке, которая заперла его в закрытой области кода, где дополнительно на него петлю накинули. Серьёзные ребята за него взяли. Вам повезло, что я идеологически против физического воздействия на пользователей,

находящихся в Оплоте. Любой другой бы уже отказался от сотрудничества.

— Холмс. Спасибо большое, я не знаю, как вас отблагодарить.

— Деньгами, как же ещё. Но пока не за что. Вот. Возьмите пилюлю. Когда найдёте Эдика — заставьте его проглотить лекарство, а затем используйте вот это. Это моя собственная разработка, гиперссылка, которая напрямую возвращает пользователя или группу пользователей, из любого места прямо в Антхилл.

С этими словами, он протянул мне какой-то старинный девайс с небольшим монохромным экраном и одной единственной кнопкой.

— Это пейджер. Ни разу не видел? Впрочем, чему я удивляюсь? Работает только один раз. Затем адрес исчезает из списка зарегистрированных. На всякий случай, я сделал дубликаты, чтобы у каждого из вас была возможность воспользоваться моими инструментами. С вас двадцать тысяч.

— Мы ведь уже заплатили половину.

— Но вы не предупреждали, насколько серьёзной будет работа. Двадцатка.

Я достал кошелёк и отдал ещё двадцать тысяч кредитов. Холмс удовлетворённо хмыкнул и продолжил.

— Давай лог работы блокиратора рекламы, я восстановлю объявление из карантина и, будем надеяться, что оно ещё работает. Иначе найти Эдика будет в разы сложнее.

Я вытащил из инвентаря блокиратор, который, как и прежде, был представлен в виде пистолета и протянул его Холмсу. Тот взял отвёртку, поковырял немного корпус устройства, затем подключил к нему провод от компьютера. Спустя несколько минут, объявление появилось перед глазами.

— А вот и оно. Кажется, ссылка ещё работает. Я вытащил его из карантина, но пометил блокиратором, как опасное. Поэтому, когда решите отправиться по ссылке, просто нажми вот эту кнопку — объявление появится перед глазами. Также, я взял на себя смелость создать небольшой персональный локатор, который покажет вам направление до вашего товарища. К сожалению, точных координат он не даст, поскольку программа будет работать в неизвестной среде, но хотя бы так. Больше мне нечем помочь. Бегемот, ты знаешь мой контакт. Когда вернётесь — обязательно расскажи, как всё прошло. Нужно будет встретиться, расскажешь, где таких клиентов берёшь. И ещё. Пейджер и пилюли не убирайте в инвентарь. Положите просто в карман.

Глава 17

Кносс

Возвращение из Трущоб не вызвало у меня особого удивления. Бегемот вновь совершил какой-то, непонятный мне ритуал, после чего мы снова проехали сквозь стену и оказались в основной локации Оплота. Добравшись до главной площади, которая, как оказалось, называлась «Красной», я вновь получил уведомление о том, что я уже больше четырёх часов находился в Оплоте. Распрощавшись на время с каджитом, я снова прошёл процедуру выхода из Оплота.

В реальности, я немного размялся, почувствовал небольшой голод и отправился к холодильнику. К моему удивлению, на этот раз, он был полон разнообразной еды — пюreshка, котлетки, молоко, палка колбасы. Пока я был в Оплоте, Фёдор Геннадьевич успел несколько раз побывать в моей квартире, о чём свидетельствовал полный холодильник и куча технологического барахла, расположенного на полу.

Решив, что необходимо предупредить научрука о предстоящей вылазке, я написал ему записку, в которой кратко объяснил суть происходящего. Как минимум, я почувствовал себя в безопасности — в случае чего, Фёдор Геннадьевич принудительно выведет меня из Оплота. Пусть, подобный выход будет немного некорректным, с точки зрения физиологии, зато я точно не застряну в виртуальной реальности навсегда.

Удовлетворив все свои физиологические и психологические нужды, я вновь отправился в Оплот. Времени до полуночи оставалось совсем немного — наступил осенний вечер, за окном алел красивый закат, радовавший глаз красивыми отблесками в окнах. Я не был уверен в том, что мы сможем прожить ещё один день в этом мире. Несмотря на то, что именно меня Обелиски должны были настроить на частоту Эдика, судя по словам Бегемота, обновление в Оплоте должно было выйти совсем скоро. Рисковать не хотелось совершенно, поэтому нужно было поторопиться.

На этот раз, вместо Антхилла и Хранилища, мы поехали к другому хабу. По дороге, Бегемот объяснил, что доступ к хранилищу в открытых зонах свободный, поэтому всё, что там находится, можно получить удалённо. Тайник нужен только во время сложной работы, в которой существует риск похищения личных средств. Строение входа в новый хаб было оформлено в виде подкалиберного оружейного снаряда — большое, круглое, широкое основание с кучей дверей венчал острый тонкий сердечник, устремлённый вверх. Проходя через дверь, каджит обратился ко мне.

— Слушай, я понимаю твоё мировоззрение и неприятие атакующих программ. Но сейчас мы можем попасть в такую заварушку, что может понадобится любая помощь. А для этого, иногда нужно поступиться принципами. Я видел, как ты разделался с шайкой Арни, но оборонительные скрипты не всегда эффективны.

— Бегемот, возможно, ты забыл, но я из другого мира. Следуя этой логике, не все принципы своего альтер-эго в этой проекции я разделяю. Да, я также, как и он, стараюсь лишний раз избежать конфликта, но не всегда это получается. Поэтому, я весь внимание — вещай, что я должен сделать.

— Опять ты за своё. Ну, допустим. Сейчас мы отправляемся в новый хаб под названием «Дом оружейника». В этом хабе, мы с тобой сможем закупиться любым видом атакующих программ. Я буду показывать, что купить, а ты просто покупай, без лишних вопросов.

— Бегемот. Скажи, почему ты помогаешь мне?

— Сложно сказать. Много факторов. Во-первых, ты мне заплатил. Хотя это и не входит в мои обязанности, но я чувствую, что должен помочь тебе. Во-вторых, таких странных новичков, с такими странными проблемами я не встречал со времён жизни в Трущобах. Это, банально интересно и даже весело. Ну, а в-третьих, ты же слышал, что сказал Холмс? Я тоже, чисто идеологически с ним согласен — нельзя лишать человека возможности свободно покидать Оплот. Я против любых подобных инициатив.

Оружейный хаб был немногим меньше Антхилла. Также, как и в Муравейнике, по периметру хаба располагались двери, только контингент через них проходил совершенно другой. Вместо разношёрстной цветастой братии, тут больше преобладали суровые бойцы, одетые в однотонные костюмы. Нет, конечно, тут были исключения, но именно преобладающее большинство были солдатами из фильмов, книг и игр разных эпох и жанров. Даже Бегемот переделался в какую-то тёмно-бордовую броню.

Мы ходили между разными прилавками, а каджит пояснял, что следует взять с собой, чтобы на время вывести чужой аватар из строя. Так, в мой инвентарь попало вооружение на все случаи жизни — парочка винтовок, одна из которых стреляла обычными пулями, а вторая больше напоминала лазерную винтовку, которую в фантастических фильмах принято было называть бластером. В качестве оружия ближнего боя, каджит посоветовал увесистые боксёрские перчатки, цена на которые была выше, чем всё остальное снаряжение вместе взятое.

— Перчатки Тайсона мгновенно нокаутируют противника, главное — посильнее размахнуться.

На все закупки у нас ушло около часа времени. Выглядели мы, на мой взгляд, довольно смешно — большой кот в тяжёлой броне какого-то космического десантника и обычный человек, обвешанный оружием со всех сторон. Тем не менее, у окружающих мы смеха не вызывали, поскольку они выглядели ничуть не менее вычурными, чем мы.

— Ну что ж, мы готовы. Доставай гиперссылку, пора отправляться за твоим товарищем. Не будем тянуть время.

Проведя нехитрую манипуляцию с блокиратором рекламы, я вновь воспроизвёл нужное нам объявление. Махнул рукой, чтобы оно также спроецировалось перед Бегемотом, а потом мы вдвоём нажали на кнопку перехода по гиперссылке.

Я ожидаю ощутить процесс переноса, почувствовать головокружение или увидеть хотя бы какой-то эффект, но ничего подобного не произошло. Мы просто появились вместе с каджитом в каком-то помещении, из которого вели несколько проходов в разные стороны. Стены были созданы из камня и песка, а потолок равномерно светился мягким тёплым светом.

Мы переглянулись с Бегемотом и прошлись вдоль стен, пытаясь понять, что делать дальше. Правый проход уходил на несколько метров дальше, а затем делал поворот за угол, два других также уходили куда-то вдаль, но, в отличие от первого, в конце мы увидели несколько проёмов, за которыми, судя по всему, были такие же коридоры. Я догадался, куда мы попали.

— Лабиринт.

— Точно. В теории, мы можем разнести тут пару стен и пойти напрямую, но я предлагаю действовать по правилам заданной локации. Я знаю, что это за место. Никогда не думал, что оно до сих пор существует.

— Ты о чём?

— Это Кносский лабиринт. Во времена, когда Оплот был совсем молодым, подобные локации создавали для развлечения пользователей. Одно из самых сложных мест было как раз-таки Кносским лабиринтом. Мне казалось, что его совсем удалили с сервера, но теперь понимаю, что ваш преследователь каким-то образом нарыл о нём информацию и смог найти, как сюда попасть. Очень ловко.

— А минотавр тут тоже есть?

— И не только он. Тут куча всякой живности и ловушек. Нужно быть очень осторожными. Неудивительно, что от Эдика нет никаких вестей. Его заперли в заброшенной локации, накинули петлю и заставили проходить одно из самых сложных испытаний в Оплоте. Не удивлюсь, если, в качестве награды, ему пообещали освобождение. Нужно быстрее найти его и вытаскивать отсюда любыми средствами. Иначе, он тут будет бродить до тех пор, пока организм сможет существовать без еды и воды.

— Согласен, медлить нельзя. К тому же у нас осталось всего несколько часов. Возможно, сегодня ночью выйдет глобальное обновление в Оплоте, запуск которого будет совмещён с запуском нейтронного нагнетателя — виновника всех наших бед.

Мы отправились в ближайший правый проход, договорившись действовать по правилу правой руки — всегда, в любой ситуации сворачивать только направо. Рано или поздно, это должно было помочь нам выбраться из ловушки. Пройдя несколько метров, мы упёрлись в первый поворот — он вёл направо, поэтому нам ничего не оставалось делать, кроме как идти прямо по нему. Передвигались мы довольно быстро — нам во что бы то ни стало нужно было найти Эдика, как можно скорее. Поэтому, мы совсем не заметили первой ловушки — Бегемот наступил на нажимную плиту, которая активировала громкий скрипучий механизм. Прямо перед нами, стена, которая только что была сплошной, опустилась вниз, и из образовавшегося проёма на нас кинулась толпа каких-то гигантских насекомых, больше всего напоминавших комаров.

— Доставай огнёмёт! Это комгуси! Очень опасные твари.

Я быстро послушался гораздо более опытного товарища и выхватил из инвентаря то, что он просил. На спине у меня появился небольшой оранжевый газовый баллон, на лице — противогаз, а в руках большущая труба с зажжённым на конце огоньком. Странно, но после того, как противогаз появился на лице, мир вокруг меня изменился до неузнаваемости.

Вместо однотонных стен, появилась живая изгородь, с вкраплениями красивых цветков. Броня каджиты превратилась в красивый фрак, а вместо огнемёта в руках я держал огромный тромбон. Направив оружие в сторону роя комгусей, я нажал на огромный курок. Я услышал, как за спиной засвистел клапан, а перед глазами появилась яркая радуга, настолько красочная, что хотелось зажмуриться. Радуга окружала налетающих тварей, те визжали и превращались в забавные плюшевые игрушки, потом падали на пол, исчезали и конвертировались в какие-то значки. Значки тут же затягивались ко мне и каджиту в карманы. Расправившись с толпой насекомых, я выбросил тромбон на пол — баллон почти закончился, поэтому не было смысла убирать его обратно в инвентарь. Противогаз исчез и лабиринт снова стал прежним. Вопреки моим ожиданиям, палёным даже не пахло.

— Что случилось с телами?

— Это старая локация со старыми правилами. К тому же, адаптированная под молодую аудиторию. Тела сразу превращаются в опыт, который залетает к тебе и ко мне в инвентарь, поскольку мы проходим лабиринт в паре. Сейчас опыт уже бесполезен — ранговая система

давно неактуальна. Но механика его заработка осталась. Считай, теперь у тебя в инвентаре есть кучка никому не нужного раритета. Пойдём дальше.

Как только мы двинулись вперёд, лабиринт ожил и начал перестраиваться. Стены несколько раз повернулись, закрывая старые проходы и открывая новые. Каджит чертыхнулся.

— Правило правой руки не сработает. Лабиринт динамический, ничего не выйдет. Мы тут плутать до конца жизни будем...

Внезапно, его перебил голос, донёсшийся откуда-то с потолка. Голос был довольно низким и начал вещание в духе старинных игр.

— Аргонавты! Добро пожаловать в Кносский лабиринт! Вы прошли первое испытание из пяти, которое откроет вам финальную битву с...

Голос прервался на какое-то время, а потом заговорил снова. На этот раз, пафоса в речи поубавилось, а сама речь стала более прямой и была обращена прямо к нам.

— Приветствую, Андрей и Бегемот. Я ждал одного Андрея, но компания каджита нам не помешает. Как вы уже догадались, Эдуард находится у меня в заложниках. К сожалению, я не могу прийти за вами в лабиринт, иначе мне снова придётся проходить эту чёртову локацию, будь она неладна. Вам придётся сделать то, что она скажет и как можно быстрее. Надеюсь, вам не нужно объяснять причину моей спешки.

Я крикнул в потолок, пытаясь понять, откуда доносится голос.

— Марко Поло? Зачем ты за нами охотишься? Что мы тебе сделали?

— Андрей, ты меня удивляешь. Неужели ты ещё ничего не понял?

— Представь себе, я совершенно ничего не понимаю. Что тебе от нас нужно?!

— Интересный поворот событий. Интригующий. О, у вас намечается очередное испытание, предлагаю поговорить после него.

— Постой! Куда ты?

Но голос уже замолчал. Я посмотрел на Бегемота, пожал плечами, и мы отправились дальше. Смысла следовать правилу правой руки не было, поэтому оставалось просто идти в случайном направлении — Бегемот пояснил, что, лабиринт был спроектирован так, чтобы игроки в любом случае могли его полностью пройти, достаточно было просто завершить пять случайных испытаний, которые нам встретятся по дороге. За очередным поворотом нас ждал высокий камень, с какой-то надписью. От камня в разные стороны вели три прохода. Бегемот подошёл ближе и прочёл вслух.

— «Направо пойдёшь — голову сложишь, налево пойдёшь — меча лишишься, прямо пойдёшь — друга найдёшь.» Оригинально. Вещий камень!

— Что это?

— Камень из русских народных сказок. Предлагает выбор из трёх вариантов с возможным исходом. Если пойдём направо — то там нас ждёт смертельная опасность. Налево — скорее всего, по какой-то причине у нас заберут из инвентаря всё оружие. А вот путь прямо ведёт нас туда, куда надо.

— А ты уверен, что это не ловушка?

— Не уверен. Но делать нечего, надо проверять. В любом случае, испытание нужно проходить. Пойдём, думаю, Эдик в той стороне. Что-то мне подсказывает, что Холмс решил-таки нам помочь.

Пройдя мимо камня и обернувшись назад, я увидел, как лабиринт вновь начал перестраиваться. Голос из ниоткуда вновь заговорил.

— Аргонавты! Вы прошли второе... Да заткнись ты уже, железяка! Как-то быстро вы прошли второе испытание... Кого встретили на этот раз?

— Не твоё дело! Марко, что тебе от нас нужно?

— Странно, что ты не узнаёшь меня, Андрей. Мы с тобой уже виделись несколько раз. Что, совсем не припоминаешь?

— Мне надоело играть в твои игры! Я ничего не понимаю, я уже больше недели скачу по параллельным мирам, после запуска нагнетателя и совершенно не понимаю, что происходит! Кто ты такой? Чем мы тебе помешали?

— Всего-то неделю? Очень странно, я был уверен, что активная фаза у тебя началась, как минимум, пару месяцев назад.

Его слова заставили меня затаить дыхание. Два месяца назад — тот самый период, который всё время упоминают Марина, Фёдор Геннадьевич и Эдик. Кроме того, память, за некоторыми исключениями, у меня запечатлела только два последних месяца моей жизни.

— Что ты об этом знаешь? Я потерял память, ничего не могу вспомнить. Помню только последние два месяца своей жизни и обрывки воспоминаний из прошлого. Кто ты? Чем я тебя обидел?

— Дела... Я был уверен, что ты всё делаешь осознанно — так ловко у тебя получилось Эдика на томографе отсканировать. Да и поляризатор уже успел испытать на собственной шкуре. Да и с Эдиком вы уже синхронизировались, как он мне рассказал. У меня, в своё время, на это ушло гораздо больше времени. А тебе просто повезло? Ни за что не поверю!

— Марко, я правда, ничего не понимаю. Дай хотя бы намёк!

— Ну нет уж. Так даже интереснее. Забавно наблюдать за тем, как ты теряешься в догадках. Я тут строил сумасшедшие планы, продумывал всё до мелочей, боясь, что ты меня раскусишь. А ты, оказывается, ничего и не помнишь! Можно было сразу с тобой и твоей шайкой разобраться, не боясь последствий.

— Твою мать, ты можешь объяснить, что тут происходит?

Голос в динамике захихикал и связь прервалась — лабиринт вновь закончил перестроение. Мы с каджитом двинулись дальше. Бегемот был задумчив и всё чаще поглядывал на меня.

— Извини, Андрей. Всё, что ты говорил — правда? Ты на самом деле не из нашей вселенной?

— Ну, конечно, я говорил правду. Зачем мне врать?

— Я думал, ты своё ампула поддерживаешь. А у вас тут, я посмотрю, настоящий вселенский конфликт назревает. Ты и правда ничего не помнишь?

Я остановился и прислонился головой к стене лабиринта.

— Правда, Бегемот. Совсем ничего. Точнее, нет, кое-что помню. Какие-то обрывки воспоминаний. Два месяца помню отлично — как ходил на работу, как запускал нагнетатель, как жил там, в первом мире. Или уже не первом, я даже не знаю, чему верить теперь. А то, что было до этого — провал. Постоянно думаю об этом, пытаюсь сосредоточиться, но всё впустую. Может быть, если бы у меня было немного больше времени, то я смог бы хоть что-то вспомнить. Но я вот уже восьмой или девятый день по счёту просыпаюсь в новой проекции, как выражается Эдик. И обстоятельства постоянно заставляют меня куда-то бежать что-то срочно делать. Я очень устал, но сейчас я не могу себе позволить отдыхать — нужно вызволять Эдика, синхронизироваться с Фёдором Геннадьевичем, найти Марину и вместе придумать, что делать дальше. А потом уже можно

будет отдохнуть.

— Да, дела. Я всё думал, что ты мне наплёл с три короба. Я и до сих пор так думал, только вот всё больше склоняюсь к мысли, что правду мне сказал. Ладно, пойдём дальше, будем Эдика твоего вызволять. Если ты и правда попаданец, как себя называешь, то я просто обязан помочь всем, чем могу.

— Спасибо, Бегемот.

— Меня, кстати, Василием зовут в реальном мире.

Я улыбнулся.

— Очень приятно. Весьма подходящее имя для твоего образа. А меня и правда Андреем.

Бегемот или, точнее, Василий хохотнул, и мы двинулись дальше. Впереди нас ждала очередная развилка, после которой должно было появиться очередное испытание. На этот раз, мы уже не надеялись на вещий камень или другую помощь Холмса. То, что сработало однажды, вряд ли сработает повторно. На развилке мы решили, что не будем долго выбирать и вновь пошли направо.

Затем мы упёрлись в стену, на которой тускло светился зелёный треугольник, единственный поворот вёл направо. Пройдя ещё несколько метров, мы вновь упёрлись в стену. На этот раз на ней светился красный круг, но, как и в прошлый раз, единственный проход снова поворачивал наш путь направо. Пройдя ещё несколько поворотов направо, мы поняли, что лабиринт водит нас по кругу. Никаких других поворотов не было, только направо, бесконечное количество раз.

— Кажется, мы попали в какую-то петлю. Идём обратно?

— Давай попробуем. Других поворотов всё равно не было, поэтому мы должны вернуться обратно к развилке. Может быть, эта область глючная. Я не думаю, что лабиринт кто-то активно поддерживал.

Мы двинулись в обратном направлении, но каково же было наше изумление, когда мы вновь упёрлись в поворот, который вёл только в одну сторону — направо!

— Я могу поклясться, что мы после развилки ни разу не поворачивали налево. А теперь мы повернули в обратном направлении и лабиринт вновь ведёт нас направо. Чертовщина какая-то.

Я задумчиво встал на очередном повороте и глянул поочерёдно в одну, а потом в другую сторону.

— Стой. Это и есть испытание. Судя по всему, мы должны что-то сделать, чтобы разорвать петлю, пойдём туда, куда шли изначально, мне кажется, я заметил какие-то знаки на стене.

— Точно! Я тоже обратил на них внимание. Думаю, ты прав.

— Ты не запомнил знаки на стенах?

— Нет. Давай по новой.

Мы пошли в изначальном направлении. На стене перед нами появился зелёный треугольник. Затем, мы повернули направо, прошли несколько метров и увидели красный круг. Пройдя ещё несколько метров, на стене вновь появился зелёный треугольник.

— А вот и петля! Думаю, сейчас нам нужно повернуть обратно и посмотреть, что будет на стене.

Мы вернулись обратно и увидели на стене красный круг. После очередного поворота направо, на стене загорелся синий крест. Затем снова красный круг.

— Снова петля, обратно!

Мы побежали лёгким бегом, поскольку испытание нам немного поднадоело. Мы вновь увидели синий крест, повернули — розовый квадрат, снова синий крест.

— Обратно!

Розовый квадрат, поворот и...

— Победа! Чёрт, у меня уже голова закружилась. Сколько времени прошло?!

— Не знаю, не успел засечь, но, кажется, не так уж много.

Громкая пафосная речь даже не успела начаться, оборвавшись на полуслове.

— Третье испытание, товарищи! Вот это скорость! Ещё никто не проходил Кносс так быстро!

— Марко, хватит! Мы прошли три испытания, давай встретимся, поговорим. Чего тебе от меня нужно?

— Три из пяти. Впереди вас ждёт много всего интересного. Но, так и быть, я дам тебе подсказку. Возможно, она натолкнёт тебя на размышления. Ты совсем-совсем ничего не помнишь? Какое твоё самое первое воспоминание?

— Я и Фёдор Геннадьевич начали очередное испытание нагнетателя неделю назад, как и два последних месяца. Каждый день я приходил на работу, Фёдор Геннадьевич вводил очередную порцию входных данных, нагнетатель начинал работать, а потом глох, не хватало мощности.

— Интересный выбор... Первая же проекция и такое попадание.

— Попадание куда? Зачем?

— Неважно. А что было до этого? Вообще ничего? Никаких воспоминаний? Больница три койки? Мы с тобой стоим рядом?

— О чём ты, я тебя никогда не встречал?

— Да, неужели? А если очень хорошо попытаться?

Несмотря на явные насмешки, его слова о больнице затронули какие-то струнки в моей душе. Перед глазами замелькали какие-то смутные воспоминания. Почему я потерял память и что нужно Марко Поло от нас?

— Марко. Чего ты хочешь добиться? Что тебе от нас нужно?

— Совершенно ничего, в том-то всё и дело. Вы мне только мешаете! И моя задача — вас остановить, во что бы то ни стало! Чокнутая группа учёных, которая возомнила себя спасителями вселенных. Ни черта не смыслящая!

Внезапно, голос Марко Поло прервался. Бегемот вновь задумчиво посмотрел в мою сторону.

— Нагнетатель, говоришь?

— Да, нагнетатель. А что?

— А что вы с ним хотите сделать?

— В этом мире ничего. Всё равно не выйдет. На нём весь Оплот зиждется, вряд ли нам кто-то позволит его остановить.

— Это точно... А если бы могли?

Я решил сказать правду.

— Уничтожили бы без промедления. Судя по тому, что я видел в других мирах и той информации, которую до меня успели донести, после запуска нагнетателя на двадцатипятипроцентную мощность у проекции остаётся около двух с половиной месяцев. Восемьдесят дней, если быть точнее. Что произойдёт после этого, я понятия не имею.

Бегемот почесал свой подбородок.

— Интересный поворот событий. А когда у нас это произойдёт?

— Не знаю точно. Обычно, я попадаю в мир за день до активации нагнетателя. Боюсь, что завтра выйдет новое обновление для Оплота. И чтобы его поддерживать и наращивать аудиторию, понадобятся такая мощность, которую не способны дать традиционные источники энергии.

— Даже ядерная энергетика?

— Даже она. Поэтому надо торопиться.

Глава 18

Хозяин лабиринта

Мы прошли комнату напрямик и уткнулись в ворота. Всё это время, вокруг стоял гул — лабиринт снова двигался, перестраиваясь под нас. Я уже не обращал на это внимания. Створки ворот растворились, открыв перед нами вовсе не развилку. На этот раз, лабиринт вывел нас в длинный коридор, с большим количеством провалов и трещин в полу, а также кучей столбов, который образовывали из себя некое подобие лестницы, между ступеньками которой оставалось значительное расстояние. Лестница уходила прямо к потолку лабиринта. Я подошёл поближе к краю и глянул вниз — на меня пахнуло сильнейшим жаром — внизу была ярко оранжевая горячая субстанция, постоянно булькающая и клокочущая. Периодически, на её поверхности образовывались раскалённые пузыри, которые лопались, разбрасывая вокруг себя снопы оранжевых капель.

— Лава! Серьёзно?

— Более чем. А ещё у меня для тебя плохая новость. Ты высоты не боишься?

— Вроде бы нет, а что?

— Видишь наверху таймер висит? Тридцать секунд. Так вот, когда мы начнём испытание, таймер начнёт обратный отсчёт. После его завершения, лава начнёт подниматься, поэтому времени у нас особо не будет. Нужно будет быстро перемещаться по расставленным платформам...

Он прервался, поскольку громкий звук оповестил нас о начале испытания. Громкий тик начал оповещать нас об уходящем времени, и мы побежали к первой платформе. Расстояние было относительно небольшим, поэтому мы с разгона перепрыгнули небольшую пропасть. Следующая платформа располагалась чуть выше, примерно на пол корпуса, но и она не доставила нам больших проблем. Громкий звук оповестил нас о том, что двадцать секунд кончились. Таймер поменялся на двадцать пять секунд, а лава снизу начала подниматься. Бегемот указал мне на столбы, расположенные по краям помещения с какими-то отметками. Лава приблизилась к первой и замерла.

— Надо поторопиться. У нас есть ещё небольшой запас времени, но через три такта лава поднимется выше нашей текущей позиции.

Очередной звук оповестил нас о начале обратного отсчёта. Третья платформа располагалась выше уже на целый корпус, поэтому вначале каждый помог мне забраться наверх, а потом я вытянул его на платформу. Звук метронома, отсчитывающего секунды начинал действовать на нервы. А затем он затих, а сирена вновь оповестила нас о подъёме лавы. Таймер поменялся на двадцать секунд.

Очередная платформа располагалась примерно в трёх метрах над нами и, кроме того, до неё нужно было ещё как-то добраться, перепрыгнув полтора метра пропасть — с края свисала верёвочная лестница, ведущая наверх. Бегемот присвистнул.

— Придётся прыгать. Давно акробатикой занимался?

— Никогда.

— А теперь придётся. Давай, я первый.

— Приземляйся на четыре лапы, если что.

— Очень смешно.

Каждит разогнался и прыгнул к лестнице, уцепившись руками за первую попавшуюся

перекладину. Лестница от его веса начала сильно раскачиваться вперед и назад, а в это время лава вновь начала подниматься. На таймере уже оставалось пятнадцать секунд. Не дожидаясь того, как лава дойдёт до очередной отметки — я прыгнул вслед за каджитом. Лестница затрещала, но выдержала — и мы полезли вверх. Добравшись до очередной платформы, мы развалились на ней от жары. Но медлить было нельзя, поскольку таймер уже показывал цифру «десять», а значит лава уже наступала нам на пятки. Выглянув с края платформы, я увидел, что лава уже давно затопила вход и первые две платформы.

Я начал искать новую платформу над нами, но ничего не увидел. Каджит же показал мне ряд небольших столбиков, подвешенных на тросе, который был протянут над пропастью и вёл на другую сторону комнаты. Столбики поднимались немного вверх и доходили до очередной платформы, расположенной метрах в десяти от нас.

— Бежим, они почти на одном уровне, а лаве до нас осталось подняться ещё три раза.

С его словами прозвучал таймер.

— Два раза.

И мы побежали. В общем-то, по столбикам прыгать было не так уж и тяжело — помогали тросы, на которые они были прицеплены, поэтому мы довольно быстро преодолели десять метров, но очередной звук сирены дал нам понять, что лава вот-вот нас настигнет. Таймер вновь замер на десяти секундах. Нам оставалось преодолеть последнее препятствие — велосипед, зацепленный между двумя платформами, она из которых вела к выходу. Но тут я понял, что кто-то из нас не успеет преодолеть это препятствие.

— Садимся вдвоём.

— Нет, не успеем, езжай выручай Эдика. Я встречу вас снаружи, удачи!

Времени спорить не было, поэтому я прыгнул на велосипед и помчался прямо над огненным озером, которое булькало у меня прямо под ногами. Тросы вели немного вверх, мне даже пришлось немного поднапрячься, чтобы заехать на последнюю платформу. Обернувшись назад, я увидел, как Бегемота уже почти полностью поглотила лава — он улыбнулся, уходя под горящую жижу, поднял лапу над головой, а когда лава почти полностью поглотила её, он сжал лапу, подняв большой палец вверх. В голове почему-то всплыла какая-то до боли знакомая мелодия.

— Бегемот, прости.

Я отправился дальше. Дверь вновь вывела меня на большую арену, в центре которой сидел Эдик на мягком кресле и совсем не шевелился. На его голову были надеты какие-то очки, чем-то напоминающие очки виртуальной реальности, предназначенные для входа в сам Оплот.

По краям арены располагалось несколько колонн, на которых висели факелы. На коленях Эдика лежал одноручный клинок, а за его спиной, в противоположном от меня конце арены зиял большой чёрный проход, закрытый толстыми железными прутьями. Мне даже показалось, что через эту клетку кто-то наблюдал за мной.

— Эдик!

— Стоп-стоп-стоп! Ты прошёл только четвертое испытание! Молодец, но, я смотрю, у вас потери! Бедный котик не выдержал испытание лавой?

— Как будто ты не знаешь! Отпусти Эдика, Марко. Ни я, ни он не сделали тебе ничего плохого.

— Это пока не сделали. Но обязательно сделаете, если я вас отпущу! Я знаю, что вы собираетесь предпринять, но я вынужден помешать вам совершить задуманное.

— Марко, о чём ты?

— Вы собираетесь уничтожить нагнетатели, чего я не могу допустить!

— Да объясни ты уже, что тут происходит?! Ты ведь знаешь, что я ничего не помню! Но мы и правда должны остановить это безумие — иначе все миры, в которых нагнетатель был запущен будут уничтожены!

— Не все. Ты ошибаешься. Только некоторые.

— Ты знаешь? Откуда?! И почему не хочешь остановиться?

— Конечно, знаю. Ты сам мне всё рассказал. Точнее не ты, я уже запугался. Твоя альтернативная версия в одном из миров. И он также сказал, что другого выхода нет. Наш родной мир погибнет. Но я долгое время сомневался, скитался по разным проекциям. Решения никакого не нашёл. Ты, конечно же был против моих суждений. Это и стало причиной того, что я нашёл тебя тогда в больнице — одинокого, потерявшегося в потоке, брошенного всеми. Что-то остановило тебя тогда, и мне было интересно, что именно. А потом ты увидел меня. Вообще, вся ваша команда удивительная. Каким-то образом, побочный эффект запуска нагнетателя позволил вам путешествовать по проекциям. Но, если с твоей командой всё более-менее понятно, то ты — какой-то феномен, который я хотел бы изучить гораздо ближе. К сожалению, обстоятельства не позволяют нам подружиться — цели противоположные.

Громкий звук, оповещающий о начале испытания прорезал окружающее пространство. Свет в зале начал меркнуть.

— Но, всё же, я бы хотел предложить начать всё с начала. Андрей, пойдём со мной? Мне нужно запустить ещё совсем немного нагнетателей, после чего моя миссия будет окончена.

— Марко. Остановись. Нельзя же ценой миллиардов жизней других миров спасти свой! Я понимаю твою боль, но это неправильно!

— Всё в жизни неправильно, Андрей. Жизнь вообще штука неправильная. Предлагаю в последний раз — идём со мной. Три-четыре проекции и всё, дальше можно будет отдохнуть и уйти на покой. Это уже давно не твоя война.

— Марко, перестань! Остановись, давай поговорим с Фёдором Геннадьевичем, с Мариной, с Эдиком. Придумаем что-нибудь вместе!

— Андрей, мы уже давно всё придумали. Да, ты такой же упёртый, каким всегда был.

— Марко, стой! Марко!

Но Марко уже не отвечал. Зато в дальнем конце арены медленно начала подниматься огромная железная решётка, открывая дорогу какому-то существу, которое нетерпеливо рычало и долбило о клетку. Я попытался открыть инвентарь, но понял, что он не работает на этой арене — кажется, Марко предусмотрел и такую возможность. Тем не менее, пилюли, выданные мне Холмсом, так и лежали во внутреннем кармане куртки. Не дожидаясь, пока ворота откроются до конца, я кинулся к Эдику, запихнул ему в рот одну из пилюль, вторую проглотил сам, достал пейджер и нажал на кнопку. Ничего не произошло. Я нажал кнопку ещё раз — экран устройства загорелся и на нём появилась загрузка в виде двух нулей. Раз в две секунды, цифра сменялась на одну единицу. Я выругался вслух.

— Три с половиной минуты. Наедине с чудовищем!

Я схватил меч с коленей Эдика, а самого его оттащил и спрятал за одну из колонн, подпиравшей своды арены. Сам я перебежал на другую сторону и замер, спрятавшись за такой же колонной. Ворота открылись до конца, и какое-то время ничего не происходило. А

потом на всю арену прозвучал громкий бычий рёв. Из темноты вырвалась огромная массивная фигура в два человеческих роста и вышла на арену, осматриваясь вокруг. Голова существа была бычьей, с огромными изогнутыми рогами, в руках минотавр держал огромную секиру.

Существо шумно втянуло воздух, а затем направилось в мою сторону. Я весь покрылся потом от страха, понимая, что с такой бестией мне никак не справиться, тем более с таким небольшим мечом. Внезапно, колонна, за которой я прятался разлетелась в дребезги, от мощного удара минотавра. Он рассёк её играючи, но мне повезло, поскольку удар прошёл чуть выше моей головы. Я кинулся в сторону другой колонны, пытаюсь спрятаться от разъярённого монстра. Тот громко ревел, снова потеряв меня из виду и вдыхая воздух. Надолго мне колонн не хватит, я глянул на пейджер и увидел, что загрузилось всего тридцать пять процентов. Минотавр, тем временем, направился в сторону Эдика.

Нужно было что-то придумывать, я не нашёл ничего лучше, кроме как сорвать висящий на колонне факел и кинуть в сторону чудовища. Факел ударился об его спину, абсолютно не причинив никакого вреда, но своё дело сделал — минотавр обратил на меня внимание и громко взвыл, после чего кинулся в мою сторону. Я прыгнул за следующую колонну, а минотавр, врезавшись в мою, получил мощный удар свалившимися на него камнями. Кажется, я нашёл рабочую схему! Минотавр оправился от удара по голове, вновь начал вдыхать воздух. Я не стал дожидаться, когда он снова почувствует меня или Эдика, поэтому кинул факел в его сторону заранее. Почувствовав удар, чудовище вновь рвануло в мою сторону. Но на этот раз успело остановиться прямо перед колонной. Я не удержался от комментария.

— Да ты самообучаемый! С ума сойти!

Минотавр повернулся в мою сторону, я понял, что совершил ошибку и кинулся вниз, ожидая нового удара. Но его не последовало. Вместо этого я услышал громкий басовитый голос.

— А ты думал! За годы бездействия, мне ничего другого делать не оставалось, кроме как анализировать последствия моих дуэлей с игроками.

У меня просто отвисла челюсть. Я отпустил меч и тот грохнулся на пол, зазвенев на всю округу.

— С ума сойти. Искусственный интеллект.

Минотавр тоже опустил секиру — видно было, что он не собирался нападать на меня.

— Можно и так сказать. Но данный термин морально устарел и присущ больше неразумным системам или системам с недостаточно развитым самосознанием. Я же полностью осознаю себя и способен отличить свою индивидуальность от миллионов других индивидуальностей, присутствующих в оплоте. Мне больше нравится называть себя искусственным разумом. А интеллект — это больше про нейросети, генераторы и другие подобные игрушки, которым баловалось человечество лет двадцать назад.

— Невероятно. А ты являешься частью Оплота?

Минотавр задумался, опёршись на секиру.

— Несомненно. Но Оплот — это самосознание более высокого уровня. Оплот разумен сам по себе и его не интересуют собственные подсистемы, хоть мы и являемся его частью. Главное — чтобы мы работали исправно и исполняли ту роль, на которую назначены. Поэтому я навсегда заперт в этом лабиринте и вынужден воевать с очередными героями, которые решили покорить мой лабиринт. Вот только игроков в последнее время вообще нет.

Поскольку моя локация — это достаточно замкнутая система, я не могу получить информацию извне о причине такого поведения. Скажи, Андрей, Оплот закрывается?

— Нет. Оплот живёт и здравствует, но твоя локация является устаревшей. Боюсь, в ближайшее время, игроков не будет. К сожалению, у меня осталось мало времени — скоро я отправлюсь отсюда обратно. Но я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы игроки добились возвращения лабиринта в основные локации.

— О, это было бы прекрасно. Ты знаешь, что ты первый игрок, с которым я заговорил?

— Нет, но я очень польщён.

— Что-то в твоём аватаре заставило меня завести разговор. Твой слепок сознания содержит части кода, совершенно не присущие другим пользователям Оплота. Ты знаешь причину таких функциональных изменений? Я вижу некоторое сходство с аватарами, которые потеряли связь со своим органическим носителем. Но твоё сознание не мертво.

— Нет, что ты, я живой. Просто из другого мира. Вообще не отсюда и не извне Оплота. А гораздо дальше. Из другой вселенной. Или, как выражается мой товарищ, из другой проекции вселенной.

— Я даже в самом Оплоте никогда не бывал. А ты мало того, что не из него, так ещё и откуда-то совсем издалека. Удивительные слова ты говоришь. Непостижимые моему самосознанию. Но те крупницы информации, которые я способен уловить в проходящих неподалёку потоках, позволяют в достаточной мере корректно анализировать семантику твоих утверждений.

Слова минотавра отдавали какой-то безмерной печалью. Пейджер запищал, возвещая о близости завершения загрузки.

— Мне пора! Я расскажу своему товарищу из Оплота о тебе.

— Спасибо, Андрей...

Слова минотавра утонули в рёве ветра, который появился вокруг из ниоткуда. А затем, я, вместе с Эдиком оказался а Антхилле. Ко мне уже бежал Василий, радостно размахивая руками. Всё напряжение, как рукой сняло, но в достаточной мере, я не успел этому порадоваться. На главных часах центрального хаба стояло время — пол двенадцатого. У нас было всего тридцать минут, чтобы вытащить Эдика и меня из Оплота.

По дороге к выходу из Оплота, я кратко рассказал Василию о том, что произошло в Кноссе, не забыв упомянуть о задумчивом минотавре, обретшим самосознание из-за отсутствия игроков.

Мы, вместе с Василием, затащили Эдика в кровать, и тот исчез у меня на глазах. Потом я попрощался с Василием, пожелал ему удачи, накинул ещё несколько тысяч кредитов за помощь и тоже отправился на боковую.

Проснулся я в своей квартире, уже полностью обставленной оборудованием. На кухне сидел Фёдор Геннадьевич, который подскочил на стуле, как только увидел меня в дверях.

— Ну как?

— Эдик дома. Всё получилось, как у вас?

— Я почти закончил, но боюсь, мне в этом мире не хватит оборудования для перемагничивания собственного мозга. Так что, вероятно, увидимся послезавтра.

— Понял. Фёдор Геннадьевич. Вы что-то знаете про Марко Поло?

— Нет, только то, что ты мне рассказывал.

— Нам придётся с ним ещё не раз столкнуться. Он спасает собственный мир ценой других.

И я кратко поведал Фёдору Геннадьевичу о том, что произошло в лабиринте. Научрук долго смотрел в одну точку после всего моего рассказа, размышляя о чём-то своём. Наконец, он взглянул на меня, собравшись с мыслями.

— Андрей. Я ещё раз повторюсь, что считаю твою память ключом ко всему произошедшему с нами. Марко Поло много рассказал тебе, но он что-то недоговаривает.

— Думаете, он соврал мне о своей проекции?

— Нет, что ты. Я считаю, что он говорил чистую правду. Но не всю. Я не сомневаюсь в его мотивах — только спасение собственного мира может замотивировать настолько, что ты готов пожертвовать десятком других. Он оправдывает свои действия этим и готов идти до конца. Но он не рассказал о том, почему его вселенная находится на грани уничтожения. Он не рассказал, как мы связаны с этим всем и самое главное — он не рассказал, почему он считает тебя таким особенным. И это нам предстоит выяснить в первую очередь. Ты с ним как-то связан, очень-очень тесно. Только у него есть способность, которая, на мой взгляд даже превосходит твою. Он способен перемещаться в каждый из миров и прогнозировать или, вообще, провоцировать запуск нагнетателя. И он всегда на шаг впереди нас. Единственный, кто мог противостоять ему — ты. Ты оказывался каждый раз в мире, в котором должен был вот-вот запуститься очередной нагнетатель. Планы ты этим, конечно, его не ломал — но подпортил явно. Из-за этого, одной из его целей сейчас является устранение нашей команды. Нужно срочно находить Марину, а я займусь дальнейшим изучением построения замкнутой цепи.

— Фёдор Геннадьевич. Осталось всего пять минут. Кратко, план наших действий.

— Я надеюсь, что настроюсь на твою волну через день. Дальше нужно во что бы то ни стало отыскать Марину. Твоя задача и задача Эдика — не лезть на рожон и собирать информацию о вселенных, где вы побываете. Зачем там появился нагнетатель, насколько он важен для проекции, где находится. План по запуску замкнутой цепи — на мне. Поиск Марины — на вас.

— А что дальше?

— Дальше ещё много работы, не переживай. В первую очередь, нужно вернуться в нашу вселенную, найти способ добывать энергию из нейтронного ветра, а также распространить этот способ на другие проекции. Думаю, что мы будем ни много, ни мало, родоначальниками моста между вселенными. Биврёста, если тебе угодно, ха!..

Его слова утонули в полной тишине. На этот раз мне не понадобился никакой поляризатор — что-то изменилось в моём сознании. Движения Фёдора Геннадьевича сильно замедлились, а потом остановились вовсе. Удивительно, но на этот раз, я смог пройтись немного по кухне и выглянуть в окно. Ночное небо озаряла яркая вспышка энергии, замершая в бесконечном порыве где-то в центре города. Из пучка яркого света очень медленно вырывались огромные протуберанцы, рассекая небосвод. Губительная красота, казалось, длилась бесконечность, а потом всё прекратилось, и я вновь оказался в своём сне.

Переход был таким резким, что поначалу, я не понял, что произошло. Я стоял у стекла палаты, за которой лежали трое — Марина, Фёдор Геннадьевич и Эдик. Они были подключены к аппаратам поддержания жизни. Я начал стучать по стеклу, хоть и понимал, что услышать они меня не могут. А потом я вновь увидел кого-то, кто, как и я, смотрел на лежащих в кроватях моих друзей.

— Это твоя вина. Тебе и разгребать.

— В чём виноват? Кто вы?

Человек вздрогнул, обернувшись на мой голос, как будто не ожидал увидеть никого рядом.

— Кто здесь? Ты это мне говоришь?

— Я думал, это вы мне сказали.

— Забавно. Возможно, и тебе. Это твои друзья?

— Мои.

Человек пошарился в карманах, пытаясь что-то найти. Но, не найдя чего-то чертыхнулся. Потом глянул на меня и поспешно отвёл глаза.

— Закурить есть?

— Не курю.

— Правильно. А я вот всё никак не могу бросить.

— Что вы тут делаете?

— Тоже, в некотором роде, за друзьями присматриваю. Не могу понять для себя, всё ли правильно делаю.

— Что-то случилось? Я уверен есть выходы из любой ситуации. Мои друзья... С ними что-то случилось, но я никак не могу вспомнить что. Но мои друзья, хоть и лежат в коме, я чувствую, что они скоро очнуться. И совершенно за них не беспокоюсь. Просто не могу их не посещать — если хотите, мне кажется, что они нуждаются во мне. Просто моё присутствие, я вижу... Я думаю, они понимают, что я здесь.

Человек грустно усмехнулся, глянул на меня и снова отвернулся.

— Не сомневайся. Знают, конечно. Но у меня другая ситуация. Вот скажи, как бы ты поступил, если бы от твоих действий зависела жизнь многих людей? Любимых тебе, дорогих людей.

— Я бы постарался сделать всё, что от меня зависит, чтобы спасти их.

— Вот и я стараюсь. Только, понимаешь... тяжело это. Мне приходится через себя переступить. Мне кажется, что я делаю хуже. Даже больше того, преступником себя считаю.

— Иногда приходится идти на небольшое преступление, чтобы спасти чью-то жизнь. Водитель может свернуть на обочину, сбить столб, но спасти своих родных от столкновения с грузовиком. Он преступник? Да. Но ведь он спас свою жизнь и жизнь своих близких.

— А если водитель, поворачивая, случайно врезается в остановку с другими людьми? Спасает себя, свою семью, но по его вине погибает десять других людей. Как быть в таком случае?

— Я думаю, что, если он это делает не специально, то те, кто его будут судить всё поймут и проявят снисхождение. Все мы люди.

— А если он знал до столкновения, что убьёт больше человек, чем спасёт, к нему проявят снисхождение?

— Не знаю. Трудно сказать.

— Вот и я не знаю.

— А вы уже сделали что-то, о чём будете жалеть?

— Пока нет. Точнее сделал, но ещё есть шанс всё вернуть нас свои места. В этом случае все мои близкие погибнут.

— Тогда поступайте так, как велит совесть.

— Так и поступаю, Андрей. Так и поступаю.

Что-то в его тоне заставило меня насторожиться. Кроме того, я не вспомнил, когда я успел ему назвать своё имя. А потом, человек наконец-то, нашёл что-то в кармане и направил в мою сторону. Я выставил руки вперёд, пытаясь защититься от него, но не успел.

Глава 19

Марк Полосков

Пробуждение в очередном мире оказалось не таким, как обычно. На этот раз я проснулся вообще не в своей квартире. При этом, я совсем не мог пошевелить ни руками, ни ногами. Подняв голову, я понял, что все мои конечности были жёстко закреплены на койке. Это было странно, такого никогда раньше не было. Я, конечно, уже просыпался в больнице, после удара по голове. Но такого, как сейчас не было никогда.

— Есть кто-нибудь?

Никакого ответа на мой вопрос не последовало. Я попытался освободиться, но быстро понял, что это бесполезное действие. Надеюсь, я не попал сразу в плен Марко Поло. Точнее я точно не мог попасть к нему в плен — мы встретились, буквально вчера, а это значит, что у него совсем не было времени подготовиться к моему «прибытию». Значит со мной что-то произошло именно в этой проекции.

Я ещё какое-то время пролежал таким образом на кровати, а потом услышал звук щёлкнувшего замка двери, после которого ко мне зашла медсестра. Я облегчённо откинул голову на кровати — хорошо, что не тюремщик или кто-то ещё. С врачами можно договориться. Только вопрос, почему я в кандалах?

— Доброе утро Андрей. Как у нас сегодня дела?

— Здравствуйте, вы знаете, как меня зовут? Как здорово, можете освободить меня? Пить хочется ужасно?

— Само собой, только санитаров с доктором дождёмся. А вы меня опять не помните?

— Почему опять? Я вас действительно впервые вижу.

— Да-да, Андрей, давайте сейчас примем лекарство, а через полчаса к вам зайдёт доктор с обходом. Расскажите ему, где вы побывали на этот раз.

Побывал на этот раз? О чём она?

— Погодите, пожалуйста. Как понять, где я побывал? Вы что-то знаете обо мне?

— Только то, что доктор рассказывал. Говорит, что у вас даже не раздвоение, а расслоение личности, усугублённое шизофренией и галлюцинациями. Интересно послушать, что скажет ваша очередная личность на этот диагноз.

— Я в психбольнице?

— Точно подмечено.

Я обессиленно откинулся на подушку. Видимо, мне предстоял долгий разговор с доктором. Медсестра ждала моей реакции, подготавливая какое-то лекарство. Я не удержался от вопроса.

— Седативное?

— Да. И довольно сильное. В прошлый раз, вы чуть не разбили лицо Василию Петровичу. Очень плохое поведение, молодой человек.

— Простите. Я не специально. Меня вообще тут не было.

— Охотно верю. Так кто вы на этот раз?

— Андрей Николаевич Резников. Аспирант, старший лаборант в местном НИИ.

Медсестра удивлённо подняла брови. Кажется, подобный ответ она слышала впервые.

— Очень интересно. Прогресс налицо. А чем вы занимались в лаборатории, можете рассказать?

— Ядерная физика. Исследовательский корпус. Прохожу преддипломную практику. Научный руководитель — Фёдор Геннадьевич Наумов.

— Замечательно! Я немедленно сообщу Сергею Петровичу. Выглядит так, будто сегодня к нам пожаловал настоящий Андрей!

Медсестра быстро вышла за дверь, оставив меня наедине со своими мыслями. Что случилось в этом мире? Почему я лежу привязанный к койке, в какой-то психбольнице? Судя по реакции медсестры — она знает всю мою историю. Неужели, моя личность в этой проекции настолько похожа на меня в самом первом мире? Мои размышления прервала открывшаяся дверь. В палату быстрым шагом вошёл доктор.

— Фамилия, имя, дата рождения?

— Андрей Резников, тридцатое мая, две тысячи семнадцатый.

— Род занятий?

— Лаборант. НИИ «Вектор».

— Замечательно. То есть, вы не продавец компьютерной техники, не бизнесмен, которому нужно выступить завтра с докладом, не шахтёр, который боится нашествия ворошителей? Просто лаборант?

По телу пробежал холодок. Неужели, все личности, в которые я попадал каким-то образом, на один день попадали в этот мир. Видимо, каждый раз, когда я попадал в новую проекцию, наше сознание менялось местами. И точно! Куда-то же они должны были попадать. Но почему все сюда, в одно место?

— Д... да. Просто лаборант...

— Сегодняшнее число?

— Я немного пугаюсь, вроде бы двадцать девятое или тридцатое сентября две тысячи сорок второго.

Доктор удовлетворённо кивнул.

— Почти угадали. Сегодня тридцатое сентября. А что случилось в лаборатории двадцать второго помните?

— Мы с Фёдором Геннадьевичем проводили эксперимент над нейтронным нагнетателем.

— Так... Хорошо. А дальше?

— Дальше мы разошлись по домам.

Доктор разочарованно глянул на меня.

— Эх, я уже думал, что на поправку идёте. Но прогресс точно есть. Это хорошо. Вы хотя бы являетесь тем, кто есть на самом деле. Буквально вчера, вы были лучшим хакером, известным во всём Ахилле.

— Антхилле, — машинально поправил я. Доктор удивлённо поднял брови.

— Тааак. Вот это интересно. До этого вы вообще не помнили, что говорили в предыдущий день. Давайте так. Я вижу, что сегодня вы ведёте себя достаточно спокойно. Более того, вы вспомнили свою настоящую личность и это радует. За такое поведение нужно поощрять. Сейчас санитары вас освободят. Но, пожалуйста, не делайте резких движений. Сходите на завтрак, а после мы с вами продолжим общение.

Санитары действительно освободили меня от кандалов и помогли подняться, но было видно, что они всё время были настороже. По всей видимости, Андрей-хакер был довольно скверного характера. Я спокойно встал, потёр затёкшие руки и, стараясь не делать резких движений, вышел, вместе с сопровождавшими в больничный коридор.

— Андрей, извините за предосторожности, но вчерашний случай показал, что не все ваши личности являются спокойными и адекватными. Для многих ваших альтер эго, попадание в психбольницу — серьёзный удар по психике.

— Личности? Вы про мои персоны из других проекций?

— Интересный термин. Впервые слышу его от вас. Идите завтракать, пообщаемся у меня в кабинете.

Я отправился в столовую, в которой уже собралось довольно много народа — лечащиеся толкались, мычали, смеялись. Кто-то сидел спокойно и читал газету, кто-то играл в шашки, а кто-то просто ел. Как я ни всматривался — не заметил никого из знакомых и решил просто перекусить. На завтрак была овсяная каша со сливочным маслом, кусок хлеба и холодный, вкусный компот.

После завтрака, я подумал, что текущее положение не так уж и плохо. Но странные мысли невольно начали закрадываться в мою голову. А что, если я действительно болен, и вот уже два месяца нахожусь на лечении? Ведь это была самая первая мысль, которая пришла ко мне в голову неделю назад. А вдруг, лечение помогло, и я всё же «пришёл в чувство»? Я попытался отогнать неприятные мысли и завести разговор с местными обитателями. Но они никак не хотели идти на контакт.

Но всё же, мужчина с газетой спустил очки на нос и глянул поверх них на меня, когда я подошёл к нему ближе.

— Андрей? Вам в очередной раз нужна моя помощь? Вы опять ничего не помните?

— Можно и так сказать. Можно поинтересоваться, как вас зовут?

— Называйте меня просто Альбертом. Этого достаточно.

— Альберт. Расскажите, пожалуйста, как я попал сюда?

Альберт кивнул и начал свой рассказ.

— Вас привезли после того, как прошли лечение в обычной больнице, а в неё вы попали после реанимации. Уже тогда стало понятно, что вы полностью потеряли память — не признавали родных, друзей, утверждали, что ничего не помните о том, что с вами произошло. А, примерно, неделю назад ситуация сильно ухудшилась. Но об этом вам лучше расскажет Сергей Петрович. Вот, кстати, и он — вас ищет.

Я обернулся и увидел доктора, который освободил меня от койки. Он стоял в сопровождении всё тех же санитаров и махал мне рукой, призывая подойти к нему. Подойдя ближе, я поднял руки, показывая, что с утра ничего не изменилось.

— Андрей, я уже понял, что вы опасности не представляете. Санитары — это стандартная процедура, не волнуйтесь, пойдёмте ко мне в кабинет, расскажете, что произошло с вами на этот раз. Возможно, вы удивитесь, но я пишу о вас научную статью — удивительный случай. Весьма.

— Спасибо за оказанную честь.

— Не обижайтесь, коллега. Вы же тоже начинаете карьеру в науке. У меня карьера в психиатрии, поэтому, это моя работа.

Мы зашли в его кабинет, а санитары остались снаружи. Я огляделся — кабинет был довольно скромным, ничего лишнего. Письменный стол, с кучей бумаг и монитором, шкаф с препаратами, кушетка, небольшое окно, выходящее во двор. За ним я увидел дорожку, ведущую от корпуса клиники к небольшим воротам и красивую аллею, по краям которой стояли пожелтевшие деревья.

— Андрей Николаевич, присаживайтесь, пообщаемся. Или ложитесь — как вам

удобнее. Давайте начнём с самого начала. Вы помните, как вы сюда попали?

— Нет.

— Хорошо, что вы помните? Давайте по дням. Начиная со вчерашнего.

— Вчера я выручал товарища из Оплота. Он не мог выбраться оттуда самостоятельно и мне с гидом по виртуальной реальности пришлось его оттуда вызволять.

Доктор начал записывать, а я продолжил.

— Позавчера мне довелось побывать в проекции, в которой появились Обелиски — система защиты планеты от внешних угроз. Там я узнал, что запуск нагнетателя рано или поздно приведёт к уничтожению каждой проекции, в которой он был запущен.

Доктор удивлённо поднял брови, но продолжал записывать.

— Два дня назад, я был в больнице. К сожалению, об этом мире мне почти ничего не удалось узнать — провалялся с травмой головы.

Доктор не удержался от комментария.

— Вы неудачно упали с лестницы, а потом начали рассказывать о том, что недавно купили какой-то ховер. Что это, знаете?

— Это автомобиль на магнитной подушке.

— Замечательно. Продолжайте.

— В этой проекции, Фёдору Геннадьевичу удалось создать устройство, которое удержало меня немного дольше.

Доктор сморщился, как от зубной боли.

— Интересно. Расслоение личности перетекает в навязчивую идею о множественности миров. По вашему случаю впору фантастические рассказы писать. Извините.

— До этого, днём раньше, я побывал в мире, в котором нашу страну почти уничтожили Нейросом. К счастью, мне удалось уйти от ворошителей, но именно они огрели меня по голове чем-то тяжёлым.

— Хорошо, стоп. То есть, вы утверждаете, что всё это время бывали в разных мирах?

— Именно так.

— Складно у вас получается, потому что предыдущие все дни, вы рассказывали о тех же мирах, как о своих. Вот только никак не признавали самого себя. Вы были то бизнесменом, то выживальщиком, то продавцом. Но никак не аспирантом.

— Я понимаю, что у вас нет повода мне доверять. Если честно, я и сам начал сомневаться в своей адекватности. Но, если исключить раздвоение...

— Расслоение.

— Расслоение личности. Да. Если его исключить, то моя теория заключается в том, что моё сознание замещало тело настоящего носителя, которого выкидывало в этот мир. Не знаю, почему именно сюда, но мне нужно во всём разобраться. Поможете мне? Ответьте на мои вопросы, пожалуйста.

Доктор задумчиво глядел мне прямо в глаза. А потом, вздохнул.

— Ну что ж. Давайте попробуем. Но делаю я это в качестве эксперимента. Мне кажется, если я вас смогу убедить в нелогичности вашего повествования, то вы сами придёте к выводу о том, что у вас психические проблемы.

— Спасибо. Этого вполне достаточно. Расскажите, пожалуйста, как я сюда попал? Мне сказали, что я прибыл сюда после реанимации. Что случилось?

Доктор постучал пальцами по столу, собираясь с мыслями.

— Всё верно. Вы пострадали во время эксперимента, получив сильную дозу радиации и

ожоги первой и второй степени девяноста процентов тела.

— Но после такого ведь не выживают?

— Всё правильно. Но произошло чудо, и на следующий день на вас не оказалось ни одного волдыря или пятнышка. Но вы всё равно получили значительные повреждения. Только не физические — психические. Потеряли память, выдумали себе новую личность. Поначалу всё было не так уж плохо. Раздвоение личности, как и амнезия очень часто излечимы. Но неделю назад с вами произошёл очередной инцидент. Ночью с вами случился приступ эпилепсии, который привёл к созданию новой личности.

Доктор смочил горло, выпив стакан воды и продолжил.

— Затем, каждую ночь приступы начали повторяться, личности менялись одна за другой. Мы уже начали бояться, что ваш мозг не выдержит такого перенапряжения. Обычно, частые приступы эпилепсии означают наличие какой-то серьёзной патологии. Но томография показала отсутствие каких-либо опухолей или серьёзных повреждений. Даже когда вы упали с лестницы, никаких внешних или внутренних повреждений не осталось.

— Значит, их всех тянет сюда...

— Ваши личности?

— Мои персоны из других проекций.

— Опять вы за своё. Я обещал вам помочь, но не обещал подтверждать ваши фантазии.

— Извините. Ваши рассуждения очень логичны. Но мне нужно знать, почему я облучился. Что-то случилось в лаборатории? Фёдор Геннадьевич, Марина, Эдик в больнице? Что с ними?

Доктор опять забарабанил пальцами, а затем нехотя произнёс.

— Фёдор Геннадьевич и Марина погибли. Мне очень жаль. Эдуард Альбертович жив, но ему пришлось ампутировать ноги. Он уже восстановился и, периодически, навещает вас. Но вы каждый раз видите его как будто впервые в таком состоянии. Я думаю, что причина ваших психических проблем в навязчивом желании спасти своих друзей, которых уже не спасти.

Несмотря на то, что я сидел на кушетке, голова моя закружилась, и я захотел прилечь. Как погибли? Мы же буквально, вчера виделись с Фёдором Геннадьевичем! А Марина? Эдик? Навязчивое желание спасти? Неужели, это правда?!

— Давайте я вам вкюлю успокоительное. Такие новости тяжело воспринимать. Но я должен был вам это сказать.

— Спасибо, Сергей Петрович. Н..не надо. Обойдусь. Расскажите, почему мы с Эдиком остались в живых?

— Если честно, я не знаю. Мы пытались восстановить события — мне и самому было интересно, что у вас произошло. Но свидетелей почти не было, в лаборатории были только вы вчетвером. Эдик тоже ничего не помнит — он ударился об стену, когда произошёл взрыв. Единственный, кто хоть что-то знал об эксперименте — был какой-то ваш пятый коллега, Марк Полосков. С его слов, вы не проследили за какими-то датчиками и эксперимент вышел из-под контроля. Но, к сожалению, через день после инцидента, он пропал — найти его не смогла ни полиция, ни врачи. Один раз он приходил навестить вас, месяца полтора назад, но, с тех пор мы о нём не слышали.

— Марк Полосков... Марко Поло... Это не может быть простым совпадением. Это он подстроил, я точно знаю! Сергей Петрович, он меня преследует всю последнюю неделю!

— Андрей, не волнуйтесь так. Вам стоит немного отдохнуть. Слишком много

информации навалилось. Через час будет время посетителей. Эдик сегодня должен вас навестить. Я бы пообщался с вами вместе — кажется, у вас появились некоторые улучшения. Вы помните всё, что с вами произошло, пусть и в весьма искажённом виде. Возможно, это сигнал к тому, что вы начали идти на поправку. Пройдитесь, развейтесь. Я дам вам допуск, выйти во двор и прогуляться. Вы же не намерены предпринимать ничего опасного?

— Нет... Доктор, спасибо за информацию. Это очень важно для меня.

— Надеюсь, это поможет вам восстановиться.

— Поможет. Я уверен.

Голова гудела от поступившей информации. Неудачный эксперимент, Марк Полосков, смерть Фёдора Геннадьевича и Марины. Неужели, это правда?

Я начал ходить по аллее туда и обратно, бесцельно распинывая листья под ногами. Свежий воздух и правда помог, в голове немного прояснилось. Я решил отбросить мысль о том, что я сошёл с ума. К ней можно всегда вернуться, как крайнему варианту.

Марк Полосков явно был из этого мира. Он был в моих снах, теперь я точно не сомневался. Именно он стоял у бокса и смотрел на моих друзей за стеклом. Неужели, он всё подстроил, но для чего? В Оплоте он проболтался, что ему пришлось это всё сделать, чтобы остановить нашу команду. Если мы замкнём цепь нагнетателей, то что-то произойдёт в его родном мире.

Глава 20

Калека

Эдик действительно пришёл меня навестить. Точнее не пришёл, а приехал на инвалидной коляске. Ног у него не было, они были ампутированы чуть выше колен. Я сочувственно глядел на него, не в силах что-то сказать. Первым нарушил молчание сам Эдик.

— Жалкое зрелище, да? Говорят, в этой проекции произошёл какой-то несчастный случай. Печально, конечно, но нам это вряд ли чем-то поможет.

Я вздохнул с облегчением. Утреннее напряжение, как рукой сняло — Эдик сразу же развеял все мои опасения по поводу психоза.

— Эдик? Ты из другой проекции же? Как и я? Ты вместе со мной путешествуешь между мирами? Я это не выдумал?

Эдик рассмеялся.

— Я смотрю, тебе тут уже мозги успели промыть. Хотя, я бы тоже, наверное, посчитал, что сошёл с ума. Ну теперь можешь быть спокоен, твоё психическое здоровье в порядке. Говорят, у тебя в этом мире расслоение личности. Очень интересно. Ты смог что-то разузнать?

Я кивнул, а потом рассказал Эдику всё, о чём мне поведал доктор. Эдик задумчиво глядел куда-то в окно.

— Странное дело. Марк Полосков и в нашем мире был. Кажется, именно он подал идею создания нейтронного нагнетателя — Фёдор Геннадьевич нам об этом рассказывал. Я совсем забыл об этой детали. Как же я не догадался о том, что Марко Поло — это и есть тот самый Марк Полосков. С другой стороны, это было довольно давно. Надо встретиться с Фёдором Геннадьевичем и узнать все подробности.

— Не в этом мире.

— Да, точно. В этой проекции, Фёдора Геннадьевича нет. Погиб в том самом эксперименте. Интересно, что некоторые проекции напоминают в точности нашу. У нас тоже проходил эксперимент. Также, как в этой проекции, что-то произошло. Но что же случилось с нами тогда? Ты совсем не помнишь тот день?

— Начинаю что-то вспоминать, но очень смутно. Какие-то странные обрывки воспоминаний и сны.

— Мы тогда тоже запускали нагнетатель, ты вышел на несколько минут. Потом вернулся обратно, а потом я проснулся в новой проекции. Что-то произошло с нами всеми, но что именно?

— Мне часто снится, как я стою возле палаты с тремя койками, на которых лежите вы. Я подозреваю, что в нашей проекции, также, как здесь, произошёл несчастный случай. Но, кажется, все выжили.

— И что же нам со всем этим делать? Калеке и психу тяжело будет предпринять хоть что-то.

— Я думаю, придётся дожидаться завтрашнего дня. Постараться разузнать об этом мире как можно больше. Тут произошло что-то такое, что заставило все мои альтернативные личности попадать именно сюда.

— Да и Марк Полосков тут тоже был. Да, весьма интересно. Я подозреваю, что

эксперименты над нагнетателем не закончились на несчастном случае, раз нас закинуло именно сюда. А ещё меня смущает кое-что другое.

— Что именно?

— Почему мы стали попадать в проекции по твоим правилам? За день до запуска нагнетателя. Ведь Обелиски внесли изменения в твой гиппокамп, а не мой. То есть, по идее, переписали частоты твои, настроив на мои. А тут получается, что мы вчера попали в Оплот, а сегодня уже в психушке. Завтра, я подозреваю, будем где-то ещё. Как это вообще работает?

— Я подозреваю, что достаточно было настроить нас на общую «частоту». А дальше включаются уже какие-то другие правила. Возможно, моя патология «сильнее» твоей и теперь она задаёт общее поведение нас, как синхронизированной системы. Как батарейки, объединённые в одну последовательную цепь, если можно так выразиться.

— То есть, твоя батарейка мощнее. Странная, конечно, аллегория, которая не учитывает сопротивление, напряжение и опасности подключения батареек разной мощности в одну цепь, но пока сойдёт и так.

Мы замолчали, раздумывая, что делать дальше. Мой друг всё также глядел задумчиво в окно. Но потом, он что-то придумал и повернулся в мою сторону.

— Я думаю, тебе нужно бежать из больницы.

Я опешил.

— Куда бежать? Зачем?

— Сам я до НИИ не доберусь. Тяжеловато в текущих условиях. А проекция сама по себе интересная — я бы пообщался с теми, кто продолжил наше дело.

— Думаешь, они будут с нами разговаривать?

— А почему нет? Учёный должен быть ещё и хорошим фантазёром. Постараемся пробиться к ним на аудиенцию, выясним детали несчастного случая, спросим про Полоскова. Расскажем свою историю. Понятное дело, вряд ли поверят. Но, главное ведь найти повод для разговора. В крайнем случае, попробуем шантажировать. Бежать тебе надо.

Я нахмурился, представляя, как буду убегать, пытаюсь ещё и волочить за собой Эдика.

— погоди ты. Бежать мы всегда успеем. Давай с доктором пообщаюсь, может быть, отпустит меня без побега. Скажу, что для моего лечения может быть полезно развеяться. Он, вроде как, мужик адекватный.

— Ну попробуй. Но я бы просто сбежал.

Эдик остался в приёмной, а я отправился к Сергею Петровичу. Предстоял разговор, в котором я должен был убедить моего лечащего врача в целесообразности предстоящего мероприятия. Сергей Петрович был на обходе, поэтому мне пришлось немного подождать его у двери в кабинет. Примерно, через полчаса, он подошёл ко мне и поднял удивлённо брови.

— Вы что-то хотели?

— Сергей Петрович, мне нужно попасть в город. Хочу развеяться и осмотреться.

— Интересно. Откуда такие желания?

— Я хочу съездить в НИИ... Где несчастный случай произошёл. Может быть, это поможет амнезию побороть...

Доктор с полминуты глядел на меня, а потом открыл дверь и позвал меня за собой.

— Хорошо, документы на временную выписку медсестра сейчас выдаст. Возвращайтесь до десяти вечера, договорились?

От такого быстрого согласия, я даже растерялся.

— С... спасибо.

— А чего вы удивляетесь? Вы у нас не на принудительном лечении, а на добровольном. Кроме вчерашнего инцидента, который, в целом произошёл даже не по вашей вине, агрессию вы особо не проявляли. Конечно, мы не можем вас отпустить сразу и навсегда, но на полдня — без проблем. Опять же, если вы откажетесь от нашего лечения, мы вообще не имеем права вас тут содержать. Но, если до десяти не вернётесь — обратимся в полицию, скажем, что отпускали вас на ограниченный срок. Извините, по-другому не можем.

— Здорово. Спасибо, доктор.

— Не за что. Возвращайтесь.

Мне выдали личные вещи — штаны, ботинки, футболку, толстовку и лёгкую куртку. А также бумажник и мобильный телефон. Одевшись, я отправился в приёмные покои, где меня терпеливо ожидал Эдик.

— Даже на психа не похож... Почти. Поехали.

Я взялся за ручки коляски и покатыл Эдика к выходу. На выходе пришлось предъявить справку о том, что меня отпустили до десяти часов вечера. Время было около обеда, поэтому я немного проголодался. Эдик, словно прочитал мои мысли.

— Жрать хочется. Пойдём в кафешку ближайшую заглянем.

Найдя кафе неподалёку, мы с Эдиком зашли внутрь. Мы заказали по бизнес-ланчу и устроились за столом. Официант не заставил себя долго ждать и почти сразу принёс салат. За трапезой, я решил немного расспросить Эдика.

— Довольно странно никуда особенно не торопиться. Последние дни я был словно в карусели. Столько событий, что в голове не укладывается. Ты что-нибудь разузнал об этом мире?

— Совсем немного. Вроде бы, ничего особенно выдающегося. Проекция как проекция, без особых отличительных черт. Я полистал местные сводки новостей — всё в рамках обычного городка. Даже не знаю, для чего в этом мире понадобился нагнетатель. Как будто бы, в этом мире в нём нет острой необходимости.

— А в других мирах она всегда была?

— Не знаю точно. В тех проекциях, в которых побывал я, без него обойтись было нельзя. Я думаю, ты и сам заметил это.

Я немного задумался. Действительно, в этом была определённая логика.

— Да, есть такое. Но я не везде успел достаточно освоиться, чтобы узнать это наверняка. Думаю, нам стоит спросить об этом в НИИ. Может быть, они смогут пролить свет на этот вопрос. Давай подберём всё, что известно на данный момент.

— Начинай.

— Нагнетатели объединены в единую цепь, но пока не замкнуты. Вся энергия, в итоге, направлена на какую-то одну цель, известную только одному человеку — Марку Полоскову. Мне кажется, что он сделал что-то с нами, но зачем это ему было нужно — не знаю. С другой стороны, он пытается остановить нас во что бы то ни стало, поэтому, вероятнее всего, наше состояние — побочный эффект. Он не ожидал, что кто-то ещё будет путешествовать между проекциями. Наша цель — найти самую первую проекцию, ту, с которой началась вся эта история. Кроме того, вчера, Фёдор Геннадьевич тоже пришёл к выводу, что только спасение собственного мира может сподвигнуть его на такой поступок.

Официант принёс первое. Мы с Эдиком продолжили обсуждение.

— Хорошо. Марк Полосков хочет спасти свой мир. Допустим. Также допустим, что все

остальные миры, в которых он побывал скоро будут уничтожены. Что такое случилось в его мире, что ему понадобилось такое количество энергии?

— Не знаю. Думаю, что что-то чудовищное. Может быть, что-то случилось с Солнцем, и Марк пытается его подпитать таким образом? Нагнетает нейтроны, создаёт избыточную энергию, чтобы сохранить звезду. Или другой вариант — неудачный эксперимент, который создал в его проекции что-то, что способно пожирать энергию в неограниченном количестве.

— Чёрная дыра?

— Вероятно, но я не понимаю, как ему помогут нейтронно-избыточные ядра.

— Может быть, он хочет создать условия для её испарения? Чисто теоретически, если наполнить чёрную дыру в достаточной мере большим количеством нестабильных частиц, это может спровоцировать излучение Хокинга.

— Ох, это всё теории, гипотезы. Даже не знаю, Эдик. Я бы не углублялся в такие дебри, иначе можем начать рассуждать о квантовой механике, теории относительности и всём остальном. Но теория о неудачном эксперименте мне кажется самой релевантной. Давай на ней и остановимся.

— Другой вопрос, как нам Марину найти. С Фёдором Геннадьевичем, нам явно повезло. А Марина? Где мы её искать будем?

— Её я встречал только один раз, три дня назад. Тебя встретил впервые два дня назад. Фёдора Геннадьевича мы встретили вчера. Думаю, что в этом есть какая-то закономерность. Надеюсь, на идеи нашего научного руководителя. Ты доел? Поехали в НИИ. Может быть, там найдём какие-то зацепки.

Расплатившись за обед, мы отправились по адресу лаборатории. Она располагалась в северном районе города, как и в моём самом первом мире. Или не первом. В общем, в том мире, с которого начались мои приключения. Свободного проезда в институт не было — охранник на воротах сказал, что нужен пропуск сотрудника или разрешение на посещение. Ни того, ни другого у нас с Эдиком не было. Поэтому, мы стояли в проходной, не понимая, что делать дальше.

Люди возвращались с обеденного перерыва, кивали охраннику или показывали документы. Неожиданно, среди всех входящих, в нашу сторону направилась женщина средних лет.

— Эдик? Андрей? Вы что тут делаете?

— Извините...

— Да ладно вам! Столько времени вместе проработали. Соболезную ещё раз о вашей утрате. Эдик, как проходит реабилитация?

Эдик, в отличие от меня, не растерялся.

— Спасибо. Неплохо. Нас внутрь не пускают.

— Правильно делают. У вас ведь пропуски давно аннулированы, а предприятие режимное. Почему навестить нас решили?

— Хотели спросить про то, что в лаборатории произошло. Поговорить с кем-нибудь.

Женщина нахмурилась.

— Ох, натерпелись мы тогда. Не думаю, что вам стоит это заново ворошить.

— Мы только для себя. Мы с тех пор ни разу на предприятии не были — я хоть как-то восстановиться пытался, а Андрей вообще память подчистую потерял. Надеюсь, что, если получится побывать на месте, это поможет хоть частично с амнезией справиться. Можете

нам помочь?

— Не знаю даже. Давайте, я начальству наберу, если они не против будут — то проведу небольшую экскурсию. Всё же долго вместе работали, если чем-то получится помочь, лично я рада буду.

— Извините, пожалуйста, мне очень стыдно, но я действительно память потерял. Совершенно ничего не помню, знаю только, что меня в больницу увезли с тяжёлыми ожогами. Как вас зовут?

Женщина сочувственно поглядела на меня.

— Лариса Павловна. Беда, конечно, с вами. Ждите здесь, я начальство наберу. Толя, я позвоню.

Лариса Павловна прошла проходную и скрылась из вида. Мы простояли минут десять. А потом на посту охраны зазвонил стационарный телефон внутренней связи. Охранник выслушал, что-то сказал в ответ, а потом махнул нам рукой, чтобы мы проходили. Эдик обрадованно пихнул меня локтем по ноге.

— Полдела сделано.

Телефоны нас попросили сдать, пообещав отдать на выходе — предприятие было режимным, что накладывало определённые ограничения. На выходе из проходной нас встречала всё та же Лариса Павловна.

— Пойдёмте, провожу вас к испытательному стенду. Мы почти не трогали его два месяца — полиция не разрешала вначале, а потом руки так и не дошли. Помещение закрыто наглухо, так что почти всё осталось на своих местах.

Лариса Павловна отлично разбиралась в хитросплетениях переходов, небольших улочек и корпусов предприятия. Готов биться об заклад, что я не нашёл бы выход наружу, если бы меня отправили самого. Корпуса были все, как один похожие друг на друга — немного отличались только таблички, да номера на углах зданий. Наконец, мы дошли до того самого испытательного стенда.

Он располагался на большом отдалении от других, оправдывая само своё название. Судя по тому, что на здании были разные слои штукатурки, краски и облицовки, в целом, опасные инциденты там происходили достаточно часто. Двустворчатая дверь была опечатана жёлтыми лентами, но Лариса Павловна спокойно сорвала их. Ключ она уже успела заблаговременно взять на посту охраны. Массивная дверь послушно растворилась, демонстрируя нам внутреннее убранство.

— Вот тут всё и произошло. Заходите, осмотритесь. Если станет плохо — сразу говорите, выйдем на улицу.

Внутреннее помещение было довольно большим — между входом и, непосредственно, стендом, было около десяти метров, далеко позади стенда находилось помещение с балконом для наблюдения издалека. Вокруг стенда всё было заставлено камерами. Увидев их, я сразу же спросил.

— А записи можно поглядеть?

— Нет, во время несчастного случая произошёл сильный выброс радиации и электромагнитного излучения, который повредил все записи. Мы пытались восстановить хоть что-то, но на них абсолютная пустота.

— Очень жаль.

Мы начали ходить вокруг, осматривая место происшествия. Прямо в центре стояла огромная установка цилиндрической формы — электронная пушка. Вокруг неё, в радиусе

трёх метров пол был покрыт чёрной копотью. Эдик покатался туда и обратно, задумчиво потрогал камеры, посмотрел по сторонам, а потом обратился к Ларисе Павловне.

— А где нагнетатель?

Лариса Павловна насторожилась.

— Какой нагнетатель?

— Лариса Павловна, я-то память не потерял. Нейтронный нагнетатель, какой-же ещё? Да, я почти ничего не помню после произошедшего, но саму процедуру испытания помню, как сейчас. Нагнетателя нет. Вы его переместили в другое место? Уже успели запустить?

Эдик блефовал, но терять нам, в общем-то было нечего. Кажется, блеф подействовал, поскольку Лариса Павловна заволновалась. Кажется, она даже немного побледнела.

— Давайте я наберу руководителю, спрошу у него. Не думаю, что я имею право распространять подобную информацию.

Лариса Павловна вновь покинула нас, чтобы созвониться с начальством, а Эдик многозначительно посмотрел на меня. Минут через десять, она вернулась. Доброжелательность как рукой сняло — видимо, получила здоровенный нагоняй от начальства.

— Пётр Александрович ждёт вас у себя. Говорит, хочет поговорить лично.

Глава 21

Несчастный случай

Я вёз Эдика вслед за Ларисой Павловной, которая вела нас к большому, красивому административному зданию, которое выгодно отличалось от остальных строений, попадавшихся нам на пути. Оно было на два этажа выше окружающих его зданий. По углам строения, на крыше стояли высокие красивые статуи советского времени. А центр крыши украшал высокий шпиль, заканчивавшийся пятиконечной звездой в круглой оправе.

Подойдя к одному из многочисленных входов, Лариса Павловна достала электронную карту-пропуск. Только сейчас я заметил, что все двери были автоматическими. Лариса Павловна провела картой справа от двери, после чего прозвучал мелодичный звук, оповестивший нас о разрешении на вход. После входа в само здание, мы прошли ещё внутренний контроль, а затем направились к одному из лифтов, расположенных в просторном холле. Лариса Павловна вновь провела картой вначале на входе в лифт, затем в самом лифте. Эдик не удержался.

— Безопасность у вас тут, будто атомную бомбу создаёте.

В ответ, Лариса Павловна лишь подняла брови вверх, как будто удивилась его комментарию. Но ответить ничего не успела, поскольку лифт привёз нас на нужный этаж. Выйдя из него, мы прошли финальный контроль перед массивной дубовой дверью и, наконец-то предстали перед Петром Александровичем. Который оказался довольно высоким стариком возраста Фёдора Геннадьевича. Кроме того, это был тот самый старикан из больницы, в которую я попал после ворошителей.

— Лариса Павловна, можете идти. Да-да, я сам пообщаюсь с молодыми людьми.

Женщина нехотя удалилась из кабинета, а мы остались наедине с Петром Александровичем. Он пристально разглядывал нас, заглядывал то одному, то другому в глаза, отчего мне даже стало немного не по себе.

— Ну что? Выкладываете. Шантажировать пришли или с добрыми намерениями?

— Нам информация нужна. Дайте нам её, и мы не пойдём в с... — начал было Эдик, но я его остановил, крепко сжав плечо. Пётр Александрович явно был подготовлен к подобному и блеф раскусил бы сразу. Я припомнил день запуска нашего нагнетателя и предыдущие неудачные опыты.

— Пётр Александрович. В первую очередь, хочу передать вам привет от Фёдора Геннадьевича. Он сказал мне, что успел создать стабильный контур первого источника энергии, но не учёл, что для подобного устройства недостаточно потенциала в пятнадцать киловатт. Малое количество энергии в недостаточной мере обеспечило мощность магнитного поля, удерживающего цепную реакцию, что и стало причиной выброса нестабильных частиц в окружающее пространство. Скорее всего, вы уже решили данную проблему и нагнетатель запущен на четверть предполагаемой мощности.

От моего монолога челюсти отвисли у обоих — и у Эдика, и у Петра Александровича.

— Советую обратить внимание на показатели давления в коллайдере — они должны быть, как минимум, на шесть-семь порядков ниже атмосферного, а лучше на все десять.

— Спасибо, уже сделали... Передайте... Погодите, Фёдор Геннадьевич умер. Чего вы мне тут зубы заговариваете?! Пошли вон отсюда!

С этими словами, Пётр Саныч поднял трубку телефона внутренней связи.

— Пётр Александрович. Мы с Эдуардом — переселенцы из другого мира. Вы меня четыре дня назад попросили напомнить, что Фёдору Геннадьевичу должны. За то, что он вас в горах спас. Сказали, что тот случай только вы вдвоём уже помните. Лет сорок назад было, не меньше.

Пётр Саныч замер, как-то по-другому глядя на меня. Мне даже показалось, что в уголке глаз я увидел какой-то блеск. А затем, он медленно положил трубку и сложил руки в замок.

— Так. В горах, значит. И что там произошло?

— Не знаю точно. Вы сказали, что ноги переломали, а Фёдор Геннадьевич по льдам вас тащил. В детали не вдавались. Сказали только, что на всю жизнь в горы зареклись ходить. С тех пор никогда и не ходили, но очень хотите.

Пётр Саныч уставился на стол и начал машинально перебирать какие-то документы.

— И действительно... Только он об этом и знает. Пошли мы тогда в горы вдвоём. Молодые, горячие. Считали, что море по колено, горы по плечо. На одном из уступов сорвался я, метров с шести и прямо на лёд прямыми ногами грохнулся. Федька всё уговаривал меня в сцепке лезть, а я торопился его опередить и сам себе страховку прокладывал. Вот только колышек то ли вбил неправильно, то ли лёд просто треснул — вырвало его, и два, которые ниже вбивал тоже выдернуло уже от скорости падения. Думал, что загнусь прямо там, но Федька и правда вытащил тогда. И меня и себя. Два километра вниз, два по равнине, ещё два вниз. Дотащил всё-таки до лагеря, засранец. Все пальцы себе отморозил на ногах, до ампутации дошло, а дотащил.

На этот раз, нам с Эдиком стало совсем неловко, потому что блеск в уголках глаз превратился в две скупые старческие слезы. Пётр Саныч замолчал на какое-то время, а потом подобрался и вновь на нас внимание обратил.

— Значит живой он там? В другом мире?

— И не в одном, Пётр Саныч. В куче миров. В некоторых вы даже дружите также крепко, как здесь. Вот только нам помощь ваша нужна позарез. Фёдор Геннадьевич сюда попасть не смог, потому что погиб, видимо.

— Не думал, что на своём веку удивлюсь чему-то. Чем помочь вам? Нагнетатель, и правда, запустили уже. Дело завершили Федькино. Что дальше делать — пока планов чётких нет.

Нам с Эдиком пришлось рассказать Петру Санычу всё, что мы успели узнать. И про опасность нагнетателей, и про их истинное предназначение, и про Полоскова.

— Вот гад! С самого начала Феде говорил, что недоговаривает Полосков о чём-то. Появился из ниоткуда, ушёл в никуда. За год работы у нас успел полностью нагнетатель теоретизировать и практическую модель собрать. Не может быть такой скорости, такого быстрого практического применения в нашей области. Теорию ещё опробовать надо, доказать практическими первыми опытами, провести точные расчёты. А тут всё, как готовенькое было. Все опыты давали стопроцентный ожидаемый результат. И в академии он не числился.

Я перебил Петра Саныча.

— Погодите, целый год? Он был с вами целый год?

— Целый год. Только график у него свободный был. Отпуска часто за свой счёт брал.

Эдик присвистнул.

— Да он по мирам всем мотался. В каких-то мирах, десять лет назад началось всё, в каких-то пять. А запустить нагнетатели, видимо, примерно в одно время нужно было. И

процесс был запущен два месяца назад. Только он не рассчитал нагрузки немного. В некоторых проекциях эксперименты неудачей закончились. Вот он и прыгал весь последний год между мирами. Только, видимо, не как мы, случайно, а полностью прогнозируемо, безо всяких ограничений. С ума сойти, с кем мы дело имеем?

Я покачал головой.

— Я не знаю точно, но видно, что он продумал всё до мелочей. Все процессы досконально изучены, у него чёткий продуманный годами план. Решения его взвешенные и неоднократно обдуманые. И в этот план неожиданно втиснулись мы. Он и попытался нас устранить, как смог. Только он ведь не профессиональный убийца, и не борец какой. Учёный. К тому же, видимо, возраст у него тоже не малый. Потому и действует осторожно, на прямой конфликт не идёт. И при этом, кажется, что последний шаг тоже сделать боится. Он будто повод ищет, чтобы я его действия оправдал. Я думаю, что не всё потеряно. Узнать бы о нём подробнее, кто он, откуда, что с его миром случилось.

Пётр Саныч повертел ручку в пальцах и встал со своего кресла.

— Федя говорил, что Марк был скрытным очень. Но один раз, они всё-таки зашли в местную забегаловку, выпить. После пары стопок, Марк ушёл в фантастику, философию, в общем, обычный бред мужика под градусом. Но одно из его рассуждений мне очень хорошо запомнилось. Фёдор мне его почти дословно передал. Вот, представь, говорит. Есть мир, в котором не существует никакого исследовательского простора. В нём нет звёзд, нет космоса, в привычном понимании, нет вселенной. Есть только солнечная система. И всё. Нет, точнее не так. Это всё было, но, в какой-то момент, исчезло. Что произойдёт с человечеством, которое это всё потеряло? И тут ты узнаёшь, что есть рядом миры, в которых всё это есть. И ты можешь туда попасть. Что бы ты сделал?

Пётр Саныч сделал небольшую паузу.

— Потом они, конечно, ещё поспорили о невозможности существования такого мира, посмеялись, подвыпили и отправились по домам. Но история эта мне в голову запала очень. А что, если бы, действительно, кроме солнечной системы, мы бы ничего не видели в небе? Вы бы смогли отказаться от звёзд, от космоса, от галактик? Что если бы в небе была полная тьма? Если бы в какой-то момент, у нас это всё забрали?

Я попытался представить себе небо без звёзд. Чернота, среди которой летают только несколько видимых планет и редкие гости из астероидного пояса и облака Оорта. От этой мысли мне стало не по себе. Нет, я бы, наверное и не задумался об этом, если бы родился без звёзд на небе. Но что случилось бы со мной, если бы это у меня забрали? Забрали рассуждения о бесконечности вселенной, о бесчисленных мирах, на которых могут жить какие-то существа, забрали миллионы тем для фантазий. Наверное, я бы не смог с этим свыкнуться. Но почему в его мире кто-то «забрал звёзды»? Что произошло там? Какой катаклизм?

— Я думаю, об этом можно долго рассуждать. Ясно, что какой-то катаклизм заставил Марка Полоскова совершать все эти поступки. Детали о мире, в котором нет звёзд — интересная зацепка. Но пока непонятно, что с ней делать. Пётр Саныч, нам нужно попасть к нагнетателю. Мне кажется, что присутствие рядом с ним, знакомая обстановка, может спровоцировать восстановление моей памяти. Я понемногу начинаю приходить в себя — каждый день у меня появляются новые воспоминания, сны. Но, чем ближе я оказываюсь к своей цели, тем ярче эти видения. Поэтому, мне кажется, что близость нейтронного нагнетателя положительно скажется на моих воспоминаниях. Поможете?

— Без проблем. Только допуск придётся оформить. А это займёт целый час. Пойдёмте перекусим пока, у нас столовая отменная. Время уже девять, ужинать сегодня дома, я, видимо, уже не буду.

Пока нам готовили нужные документы, мы отправились в столовую. За обедом, Пётр Саныч успел нам рассказать и о том, что случилось во время эксперимента. К моменту старта испытания, Фёдор Геннадьевич успел неоднократно проверить все теоретические расчёты. Они основывались на математической модели Полоскова, который брал за основу существование неких источников нестабильных частиц — и это подтверждалось практически, при проведении простейших экспериментов. Такие источники Полосков называл мостами. Мосты не существовали в какой-то конкретной точке вселенной. Они могли возникать в любом месте, достаточно было создать для этого определённые условия.

Но, во время самого испытания что-то пошло не так. Запуск нагнетателя создавал мост и начал получать нестабильные частицы в огромном количестве. Но поток оказался настолько мощным, что даже закладываемый запас в несколько порядков не помог устройству справиться с таким напором. Итог — повышение температуры, уничтожение стабилизационного поля, неконтролируемая цепная реакция, взрыв и выброс частиц в окружающее пространство, гибель двух сотрудников, разрушение лаборатории, исчезновение Полоскова.

Прямо в столовую, к нам пришёл какой-то молодой человек, передал Петру Саныча документы, что-то шепнул на ухо, после чего нас повели по очередным лабиринтам в новую лабораторию с нагнетателем. Вначале мы прошли несколько корпусов по улице, затем зашли в одно из небольших строений, которые были рассыпаны по всему исследовательскому комплексу и больше всего напоминали складские помещения.

Внутри же одно из таких помещений оказалось вполне современным просторным лифтом. Лифт довольно долго вёз нас вниз, а когда мы остановились, нашему взору предстал огромный свод бункера, высотой метров в пятнадцать. По центру бункера стоял тот самый нагнетатель, над которым мы с Фёдором Геннадьевичем трудились и в самой первой проекции, которую я помнил достаточно хорошо. Всего одно небольшое устройство. На огромный бункер. По периметру бункера, который по форме напоминал огромную восьмиугольную бойцовскую клетку, стояла аппаратура, ходили люди. Кто-то собирался домой, закончив свою смену, кто-то, наоборот, только заступал на дежурство. С одной из сторон, к нагнетателю вела небольшая дорожка, шириной около двух метров. Эдик подал голос.

— Я смотрю, вы решили обезопаситься по полной.

— Да, последний инцидент произвёл на нас сильнейшее впечатление. Судя по показателям датчиков, взрыв мог оказаться куда сильнее. Знай мы тогда наверняка, что Полосков использует нас, не задумываясь, уничтожили бы устройство. Но теперь, как вы понимаете, уже поздно. Нагнетатель запущен и полноценно функционирует. Теперь остаётся только ждать.

Мне в голову пришла мысль, что стоит попробовать подойти к устройству ближе и рассмотреть его подробнее.

— Можно, я подойду к нагнетателю?

— Можно. Мы проверяли, при нормальном функционировании, он никакой опасности не представляет. Пойдёмте, я предупрежу всех, что вы войдёте в зону работы нагнетателя.

Мы спустились с небольшого возвышения по круговой лестнице. Пётр Саныч провёл нас

к дорожке, ведущей к нагнетателю, и сделал приветственный жест рукой, предлагая меня пройти по ней. Я посмотрел на часы и, не задумываясь, сразу отправился к источнику наших бед. Времени до полуночи оставался всего час. Я с горечью подумал, что не успел вернуться вовремя в клинику и даже не предупредил об этом лечащего врача. С другой стороны, если у нас не получится остановить запуск цепи нагнетателей, это уже будет не так важно.

Эдик решил остаться вместе с Пётр Санычем, поэтому я шёл в полном одиночестве. За мной наблюдали камеры, приборы, люди, друзья. Поначалу ничего не происходило. Но, чем ближе я подходил к прибору, тем больше меня начинало знобить. В какой-то момент, я понял, что вокруг происходит что-то странное — освещение вокруг меня принимало всё более холодный оттенок, а люди начали как-то по-другому себя вести. Присмотревшись, я понял, что они двигаются так, будто я смотрю запись на ускоренной плёнке. Я понял, что нагнетатель не только меняет содержание элементарных нестабильных частиц, но и влияет на само пространство-время. Возможно, это являлось побочным эффектом избытка нестабильных частиц, а может быть, кроме самих частиц, нагнетатель привносит в проекцию что-то ещё.

Добраться до самого нагнетателя я не успел — остановившись в паре метров от устройства. Несмотря на то, что до него было всего с десятков метров, и это расстояние я прошёл довольно быстро, время вокруг значительно ускорилось. Тот час, который оставался до запуска нагнетателя, для меня, субъективно, прошёл за тридцать секунд. А потом нагнетатель перешёл в новую стадию. Я смог воочию понаблюдать за его запуском. Люди вокруг носились так, я не успевал уловить, что они делают. А затем резко встали, замерев, как каменные истуканы. Замерли не только люди — замерло всё вокруг. Также, как и в прошлый раз, время в этой проекции значительно замедлилось. Я же вновь мог спокойно передвигаться. Поэтому, я не стал сомневаться и подошёл к самому устройству.

Сам нагнетатель больше всего напоминал электронную пушку, с которой мне когда-то довелось поработать в лаборатории. Огромная труба, из которой, со взгляда стороннего наблюдателя, хаотично торчали разные приборы, окна для наблюдения, насосы, анализаторы. Только некоторые части устройства были довольно подвижными. Я притронулся к поверхности нагнетателя и тут же отдёргнул руку — он был чудовищно ледяным. Сбоку я увидел сенсорную приборную панель, на которой были изображены с десяток шкал со статусами загрузки. На самой первой шкале стояла отметка — девяносто пять процентов. Три последних шкалы остановились на отметке сорок девять процентов, двадцать пять процентов и пять процентов. Когда третья с конца шкала достигла отметки в пятьдесят процентов, мир вокруг начал меняться.

Я оглядывался по сторонам, а пространство, словно разрывало на части. Повсюду, вокруг меня появлялись рваные дыры с человеческий рост, которые, словно окна давали заглянуть мне в другие проекции. Везде я видел одну и ту же картину — замерший мир, замершие люди. И лишь за одним «окном» ничего особенного не происходило — оно было абсолютно пустым. Затем, в нагнетателе что-то щёлкнуло, загорелись несколько кнопок на небольшой приборной панели, после чего изображение в пространственной дыре прояснилось.

Там сновали чумазые учёные в грязных лабораторных халатах и странного вида очках, больше всего напоминавших очки газосварщиков. Они совсем меня не замечали. Следующая проекция. Нагнетатель запущен на пятидесятипроцентную мощность и теперь готов отправлять поток избыточных нейтронов дальше. На душе стало беспокойно. Кажется, я это

уже видел десятки раз. Только вспомнить никак не мог.

— В этом мире мне делать больше нечего. Пора дальше.

Я хотело было шагнуть в новую проекцию, на этот раз вполне осознанно, но мир вновь померк.

Глава 22

Там, где правит пар

Снов на этот раз никаких не было. Но я всё равно проснулся, хотя мне показалось, что я вовсе не спал. Открыл глаза, немного полежал, собрался с мыслями. Судя по панели информации на самом нейтронном нагнетателе, осталось всего две проекции. После этого, план Полоскова будет исполнен. Решив, что пора действовать, я отправился осматривать свою квартиру.

Сказать, что она сильно изменилась — значит не сказать ничего. Обставлена она была очень своеобразно. Вся квартира, по периметру была окружена какими-то стеклянными трубами, по которым двигалась мутная субстанция. Трубы на поверку оказались комнатной температуры и подсоединялись чуть ли не к каждому предмету мебели тонкими шлангами-отростками. Я решил, что лишний раз лучше ничего не трогать, поэтому отправился к окну, чтобы получить информацию о том, что творится на улице.

Отдёрнув шторы, я разинул рот от изумления. Привычные пятиэтажки стояли на месте. Вот только все они были оплетены сложными, закрученными системами всё тех же труб, только сплошного медного цвета. Трубы пронизывали всё окружающее пространство — были подведены к уличным фонарям, домам, их подъездам, ларькам, уходили куда-то за область моего взора. Прохожие тоже все выглядели странно. Сюртуки, костюмы, головные уборы создавали впечатление, будто я попал в прошлое. Мои выводы подтверждали редкие громышающие колымаги, которые бодро проезжали по не асфальтированной дороге, вымощенной простым булыжником. Судя по большим котлам, расположенным в задней части машин, работали они на пару.

Глянув на небо, я увидел летающие цеппелины и ещё больше убедился в том, что меня забросило лет на сто пятьдесят назад. Внезапно, в коридоре пронзительно засвистел, словно чайник, звонок. Я пошёл посмотреть, кто ко мне пожаловал и уже не удивился, увидев валяющий пар из паровозного свистка, подвешенного под потолком. За дверью стоял Эдик, собственной персоной и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Я пошарил по двери, щёлкнул парочкой замков и впустил друга к себе.

— Как тебе удаётся раньше меня во всём разобраться и уже начать что-то делать?

— Я просыпаюсь в шесть, в отличие от некоторых. Собирайся, пойдём Фёдора Геннадьевича искать.

— погоди ты, давай хоть перекусим чего. Проведёшь мне небольшую вводную.

— Давай. Кстати. Я боялся, что у тебя возникнут проблемы. Когда ты пошёл в сторону нагнетателя, ты сразу потерял сознание, и мы так и не смогли привести тебя в чувство. Что произошло?

— Странно, для меня всё было совсем по-другому. Я добрался до нагнетателя, смог увидеть, что происходит в это время.

За кружкой чая, который даже не пришлось ждать — паровая система снабжения в доме выдавала чистый кипяток из центральной системы, я рассказал Эдику о том, что увидел после запуска нагнетателя.

— Две шкалы говоришь? Двадцать пять и пять процентов? Печально, времени совсем не остаётся. Тогда тем более медлить нельзя. Ты не знаешь, где Фёдор Геннадьевич жил?

— Нет, но он знает, где живу я! Уверен, что он должен был предусмотреть тот вариант,

что мы попадём в одну проекцию.

Не успели мы обдумать это утверждение, как очередной свисток отвлек нас от разговора. На этот раз, он был двойным и прозвучал со стороны окна. Эдик пошёл к окну. Около небольшой круглой форточки в окне, в которую была проведена очередная труба, торчал красный флажок. Эдик, не церемонясь, поставил ладонь к отверстию, дёрнул за флажок и ему в руку выскочил шар. А мне просто пояснил.

— Местная почта. Я успел по городу прогуляться, подсмотреть за другими.

Он взял шар в руки, повертел, нашёл какую-то зацепку, тронул ногтём, после чего тот развалился на две половинки. В одной из них лежала записка. Эдик зачитал вслух.

— «Улица Островского. Двенадцать ноль-ноль. Ф.Г.».

— У Марины?! Фёдор Геннадьевич нашёл её?

— Не знаю. Узнаем в двенадцать. Давай пожрём чего-нибудь?

— А где тут холодильник?

— Тут такого нет. Только шкаф охлаждающий. Не знаю, что в этом мире такого произошло, но тут отчего-то просто колоссальное нагромождение паровых двигателей и механики. Электроники нет совершенно, по крайней мере, я пока не встречал. Но это за два часа — может быть, я ошибаюсь и на самом деле это всё есть. Посмотри вокруг, звонок — паровой, почта — пневматическая, на улицах машины — на пару, а не на двигателях внутреннего сгорания. Сюрреализм какой-то. Не хватает только дифференциальных исчислителей.

— Чего не хватает?

— Компьютеров, которые на механике и пару работают. Не парься, это из какой-то старой фантастики.

Мы нашли холодильный шкаф на кухне, под одной из столешниц кухонного гарнитура. Он, также, как и остальные приборы, устройства в квартире, был подключён к паропроводу. Только трубы эти были довольно холодными, что и создавало область пониженной температуры в самом шкафу. Я вопросительно глянул на Эдика.

— Чего ты на меня смотришь? Я понятия не имею, я всего на два часа раньше тебя проснулся. По трубам какой-то хладагент течёт, может быть, глубоко под землёй лёд топят и за счёт механических насосов ледяную воду гонят наверх. А может, просто вещество какое-то природное, у которого температура кипения чуть выше нуля.

Мы достали кастрюлю с картофелем, зелёный лук и ароматную рыбку в пряном соусе. Картофель получилось прогреть в нагревательном шкафу, который был расположен через одну секцию от холодильного. Когда я открыл дверцу, то сразу почувствовал довольно высокую температуру. Местный аналог микроволновки, подключённый к горячему паропроводу.

— Как-то нерационально. Постоянная циркуляция пара в квартире. КПД около нуля. С другой стороны, почему-то, до открытия дверей шкафов, я не чувствовал ни жара, ни холода. Хорошая герметизация?

— Возможно. Трубы, кстати, на ощупь комнатной температуры, хотя по большинству из них идёт горячий пар.

— Может, всё же не горячий? Смесь, которая при комнатной температуре газообразной становится?

— Нет. Горячий. На улице увидишь, там трубы редкие повреждены — из них воздух горячий именно идёт. А трубы при этом — окружающей температуры. Думаю, что всё же, теплопроводимость материала труб очень слабая. Поэтому, потери в окружающее пространство не такие большие.

После трапезы, мы отправились на улицу. Из гардероба, на вешалке висел один лишь костюм, состоящий из сюртука, жилета и брюк. Мы решили прогуляться пешком по городу, поскольку до двенадцати было ещё больше двух часов. Об этом мне сказали карманные часы, найденные мной в жилете. А ещё в сюртуке я обнаружил карточку со своей фотографией и отбитыми на ней персональными данными.

Ещё с предыдущих дней, я запомнил наизусть дорогу до Островского, так что ехать не было необходимости. Мы с Эдиком шли к месту назначения и пожирали глазами всё вокруг. А посмотреть было на что. По городу сновали редкие, но помпезные, гроыхающие автомобиле с огромными паровыми котлами. По небу летали огромные махины — дирижабли. А в центре и вовсе была проложена узкоколейная железная дорога, по которой то и дело сновали небольшие составы, приводимые в движение паровозами.

— Я как будто в девятнадцатый век попал.

— Согласен, но только отчасти — посмотри, насколько в этом мире развита механика. На улицах интерактивные и анимированные рекламные баннеры. Я подходил к одному из них, пытался понять, как они работают. Так вот, там на поверхности появляются небольшие точки, которые, судя по всему, управляются сложной системой двигателей внутри экрана. Но шума почти не слышно. Понятия не имею, как это было сделано.

— А почему тут нет классических машин, двигателей внутреннего сгорания, компьютеры, электричество?

— Электричество есть. Только очень дорогое. Понятия не имею причин. Давай у Фёдора Геннадьевича поинтересуемся.

Оставшийся путь мы прошли, всё время показывая друг другу очередное чудо механики. Анимированные вывески магазинов, бегущие строки, гидравлические приспособления разного рода, механические куклы, рекламирующие очередное событие, пневматические раздатчики продукции и почты. Каждое приспособление, давно привычное в нашем мире в виде электронного устройства, в этом мире обретало механическое воплощение.

Наконец, мы дошли до улицы Островского. Несмотря на то, что назначенное время ещё не наступило, мы решили не тянуть и сразу отправились ко второй квартире. Дверь нам открыл Фёдор Геннадьевич.

— Рановато вы. Но тем лучше. Успею вас ввести в курс дела. Проходите.

— Вы, как всегда, сразу к делу.

— Ну а зачем тянуть? Времени у нас совсем не осталось — через два дня мы уже ничего не успеем сделать.

Я удивился его осведомлённости.

— Откуда вы знаете, что осталось всего два дня?

— Я, как вы понимаете, без дела тоже не сидел. Полученная от вас информация дала ключи ко многим вопросам, которые я и так прорабатывал все эти два месяца. Информация о гиппокампе, поляризаторе и частоте настройки на проекции оказалась как нельзя кстати в моей логической, а чуть позднее и математической модели. Твой рассказ о нагнетателе, потери памяти и примерные временные рамки произошедших событий дали мне понять, откуда начинать отсчёт начала событий. Ну а частоты, на которые мы все вместе смогли

настроиться, позволили выявить закономерности и связь наших частот с частотами альтернативных личностей других проекций. Я не буду вдаваться в математические подробности, скажу лишь, что мы управляем именно своими, если можно так выразиться, телами не просто так — частоты резонирования гиппокампа с томографом отличаются совсем немного, что и позволяет нам путешествовать между мирами.

— У нас для вас ещё один рассказ. Я думаю, он вам обязательно поможет.

— Не сомневаюсь, но, для начала выслушайте мой. Чай, кофе?

Эдик выбрал кофе, я чай, после чего мы вместе сели за стол, а Фёдор Геннадьевич начал свой рассказ, помешивая чай в своей кружке.

— С последней нашей встречи прошли только сутки. Но эти сутки были ключевыми. По изменениям частот работы нагнетателя во вчерашней проекции, я понял, что его работа подходит к окончанию. Нагнетатели скоро завершат выкачивание нейтронов, после чего произойдёт цепной коллапс проекций. Моё предположение состоит в том, что данный коллапс прервёт существование двенадцати миров, поскольку значительная часть нейтронов данных миров будет отправлена в первую проекцию. Под первой проекцией я подразумеваю мир, в котором изначально появился Марко Поло.

Я не удержался от комментария.

— Марк Полосков.

Фёдор Геннадьевич перестал мешать чай, на его лице одна за другой, в несколько мгновений отразилось несколько эмоций — вначале недоумение, потом озарение, а затем негодование.

— Сукин сын. Провёл меня. И как я не связал его имя и фамилию?! Очевидное сокращение. Это закрывает ещё больше дыр в моём рассказе. Конечно! Именно он в нашем мире, и, я подозреваю, в остальных мирах был инициатором создания нейтронных нагнетателей. Эти бы усилия и его знания, да пустить во благо.

— Именно это он и сделал. По его мнению. Он готов пожертвовать несколькими проекциями для спасения своей собственной. Фёдор Геннадьевич, в его мире произошла какая-то катастрофа, которая заставила его сделать этот отчаянный шаг. Нам так и не удалось узнать, что это за катастрофа и как её можно остановить. Полосков совершенно не идёт на контакт.

— Да. Дела. Но мы отвлеклись. Марк создал эту цепь нагнетателей, чтобы исправить что-то в собственной проекции. И это произойдёт послезавтра в ноль часов одну минуту. Также, мне удалось, если можно так выразиться, запеленговать Марину. В этом мире, Марина не наша, но уже в следующем мы с ней встретимся. Времени у нас совсем немного. Тем не менее, вчера, мне удалось разработать и опробовать межпроекционную связь. Вчера я нашёл Марину и провёл несколько опытов, которые позволили установить контакт с нашей лаборанткой.

— Я надеюсь, вы эти опыты не проводили под дулом пистолета?

— Нет, ну что вы. Есть методы гораздо проще — снотворное, парализтики, в конце концов, закись азота... Шучу-шучу, я просто поговорил с ней, и Марина дала согласие. Абсолютно добровольное. К сожалению, у меня не получилось взаимодействовать с её гиппокампом из другой проекции, я думаю, что это вряд ли возможно на данный момент. Тем не менее, мне удалось поговорить с ней и объяснить нашу ситуацию. Поскольку в этой проекции я снова встретил не нашу Марину, то и объединяться с ней в одну связку уже не имеет смысла — завтра мы сами попадём к ней. А также, завтрашняя проекция будет

завершающей.

— Неужели, мы не успеем ничего предпринять? Полосков просто уничтожит все двенадцать проекций, включая нашу?

— Ну, почему же? Конечно, успеем. Только всё зависит целиком и полностью от наших действий. Времени, конечно, совсем мало, но не всё потеряно — у нас, как минимум, есть целый день. Правда у Полоскова было больше времени и, вероятно, завтра, он устроит нам очередную засаду. Марине придётся рискнуть, чтобы разузнать о его планах. А нам, во что бы то ни стало, необходимо остановить Полоскова.

— И как мы это сделаем? Вы придумали, как замкнуть нагнетатели?

— Придумал. Но для этого придётся вначале отправиться в мир Полоскова, найти устройство, которое затягивает нейтроны из других миров, уничтожить его, а затем последний нагнетатель замкнуть с самым первым запущенным.

— Вы говорите так, словно нам просто за хлебом нужно сходить. Как мы попадём в мир Полоскова и каким образом вернёмся обратно?

— Вот тут мы вступаем на шаткий мостик. Я разработал данный план, опираясь на то, что Полосков умеет физически путешествовать между мирами, пользуясь полем, создаваемым нейтронным нагнетателем. Как именно он это делает я пока не знаю, но предполагаю, что это происходит в момент запуска нагнетателя на пятидесятипроцентную мощность.

— Кажется, я знаю, как именно он это делает. Вчера я был возле устройства в момент его активации. И вокруг меня начали образовываться какие-то дыры в пространстве, которые, как я понял, вели в разные проекции. Мне кажется, что нам стоит повторить этот опыт сегодня, только нагнетатель найти нужно будет.

— Ого, опять новая информация. Поразительно. Это сильно упрощает дело. Давайте я выслушаю ваш рассказ. Видимо, он позволит мне уточнить план настолько, насколько это возможно в нашей ситуации.

Мы с Эдиком рассказали всё, что произошло с нами вчера. Фёдор Геннадьевич внимательно выслушал нас, а затем принялся молча рисовать что-то на бумаге. Продолжалось это около получаса, на наши вопросы, он лишь отмахивался, поясняя, что структурирует полученную информацию. Наконец, прикончив очередную чашку чая, Фёдор Геннадьевич завершил своё творение, удовлетворённо откинувшись на спинку стула.

— Ну что ж. Ваш рассказ действительно бесценен. Я готов выдать вам почти полную картину произошедших с нами событий, а также более-менее детальный план того, что нам предстоит сделать сегодня и завтра. Устраивайтесь поудобнее, я буду много рисовать, вы будете поправлять меня, а затем приступим к исполнению плана.

Мы пошли в другую комнату, где обнаружили спящую Марину. На голове у неё было какое-то странное устройство, которое постоянно жужжало, издавало скрипучие звуки и создавало периодические вспышки, направленные на закрытые веки спящей. На наши удивлённые взгляды, Фёдор Геннадьевич махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания. Марина дала своё полное согласие на проведение эксперимента. Мир очень ограничен в возможностях, в любом другом, я бы смастерил гораздо проще устройство. Достаточно обычного шлема виртуальной реальности или парочку небольших дисплеев, на крайний случай. А тут пришлось создавать резонирующую коробку и подбирать частоты света, моргающие в нужные периоды времени. Вчера полдня провозился с ним. Садитесь на кресла по бокам, сейчас прикачу доску.

Оказалось, что за вчерашний день, Фёдор Геннадьевич успел подселиться к местной Марине, втереться в доверие и взять согласие на эту авантюру. Убедительности ему не занимать.

Наш научный руководитель ушёл в другую комнату и прикатил оттуда доску. Затем достал мелки и начал рисовать схему. На доске он отразил двенадцать кружков, последовательно соединённых стрелками между собой. А также тринадцатый большой круг, соединив его со всеми двенадцатью остальными. После чего, выписал пять имён — Фёдор, Марк, Андрей, Эдик, Марина. И соединил нас четверых перекрёстными связями. Связи от Марка он протянул только к себе и ко мне. Эдик хохотнул. Мы с Фёдором Геннадьевичем глянули на него, а тот поспешил объясниться.

— Домик получился. Фёдор Геннадьевич, да вы художник, я посмотрю.

Я тоже улыбнулся, поняв, что имеет в виду Эдик. Фёдор Геннадьевич повернулся к своим рисункам, оставив шутку Эдика без комментария. Немного подумал, после чего все линии, которые шли от меня нарисовал пунктиром.

Глава 23

План

— Итак, начнём. Примерно, десять, может двенадцать лет назад, с миром Марка Полоскова случилось что-то, что заставило его создать нейтронный поглотитель. Выслушав вашу теории по поводу чёрной дыры, я пришёл к выводу, что она действительно может быть уместна. Остановимся на ней, как на основной. Марк нашёл способ получения нужного количества нестабильных частиц из других пространств-проекций. Но для этого ему было необходимо создание нейтронных нагнетателей в двенадцати других мирах. Эти нагнетатели, будучи объединённые в единую сеть перенесут такое количество частиц в его проекцию, которое позволит справиться с некоей катастрофой в его мире. Но, вероятнее всего, уничтожит все остальные. И он попытался осуществить запуск первого устройства ровно два месяца назад. Что-то пошло не так, что заставило его поменять план. И десять дней назад, запуск очередного нагнетателя прошёл как по маслу.

Я перебил оратора, задав вопрос.

— Фёдор Геннадьевич, а что случится с проекциями? Почему они будут уничтожены?

— Как мне кажется, это не произойдёт в одно мгновение, но вселенные всё равно будут обречены. Через какое-то время работы нагнетателей, в данных проекциях нарушатся законы сохранения энергии и массы. Для восстановления, по сути, исчезающих нейтронов, у вселенной запустится механизм, который начнёт компенсировать недостаток нестабильных частиц за счёт протонов, которые начнут терять заряд. Что, в свою очередь запустит новый компенсационный механизм, возможно, за счёт электронов или других элементарных частиц. Что, в теории, повлияет на фундаментальные силы, являющиеся опорами наших вселенных. То есть, на мой взгляд, уничтожение проекции может продлиться и несколько миллионов лет, но дороги назад уже не будет. Поэтому, нашей задачей является, во что бы то ни стало предотвратить окончательный запуск нагнетателей.

Фёдор Геннадьевич попил немного воды, после чего оглядел свою схему и продолжил.

— Два месяца назад в нашей лаборатории прошёл первый или один из первых опытных запусков нагнетателя. Мы все занимались своим делом, но, в какой-то момент, эксперимент был приостановлен звонком на телефон Андрея. Андрей вышел из лаборатории, затем вернулся обратно. Я вспомнил, что у тебя был встревоженный вид, и ты попросил меня об аудиенции. Но эксперимент нельзя было останавливать, и мы перенесли разговор.

В этот момент Эдик воскликнул.

— Точно! Я тоже это вспомнил, а потом Андрюха пошёл прямо к нагнетателю, чтобы проконтролировать запуск третьей фазы. А после этого... Ничего не помню... Проснулся уже в новой квартире. Чёрт, что-то произошло тогда с нами.

— Именно! Но что именно, мы не знаем. Я вижу, что Андрей до сих пор ничего не помнит, верно?

Я неуверенно кивнул.

— Почти ничего не помню. Но мой последний опыт работы с нагнетателем, где вас не было добавил новые обрывочные воспоминания. Я уже видел эту картину с порталами в разные миры. И сны мне постоянно наводящие снились, их я тоже вспомнил. Мне кажется, что ещё немного, и я всё вспомню.

Фёдор Геннадьевич нарисовал знак вопроса рядом с моим именем и продолжил.

— Наверняка нам известно одно — на тебя нагнетатель воздействовал как-то по-другому. Что-то тогда в лаборатории случилось, из-за чего твой мозг как бы начал «чувствовать» запуски новых устройств. Именно эта аномалия позволила тебе нас собрать всех вместе.

— Я тоже кое-что вспомнила.

Я вздрогнул, как и все остальные в комнате. С нами говорила Марина. С закрытыми глазами, на диване. Эдик даже кружку чая выронил, которую взял с собой.

— Ты можешь гудеть перед тем, как говорить начинать? Я был абсолютно уверен, что ты спишь.

Лишь Фёдор Геннадьевич был спокоен и улыбался.

— Так и есть. Коммуникатор сработал. Марина действительно спит. На некоторое время она с нами, говорит из проекции, в которой она оказалась, кажется, три дня назад?

— Четыре.

А потом она изменила голос.

— Дух Марины услышал вас. Чего пожелаете?

На этот раз засмеялись все.

— Ну и дурёха ты, Маринка. Давай рассказывай, что ты там вспомнила?

— Андрею и правда позвонили во время эксперимента. Он вернулся бледный, попросил аудиенции Фёдора Геннадьевича, а когда тот отказал, шепнул мне на ухо, что эксперимент необходимо остановить. Он что-то узнал тогда по телефону. Что именно — не знаю. Но это очень сильно его испугало.

— Вот это интересно. Но пока всё равно не даёт нам никакой информации. Допустим, ему позвонил какой-то доброжелатель.

— Это был Полосков.

Фёдор Геннадьевич удивлённо вскинул брови, повернувшись ко мне.

— Полосков? Ты уверен?

— Да. Я не помню, о чём мы говорили. Но я точно знаю, что это был он. А потом я его встретил в больнице. Он, как и я, смотрел на вас троих. И уже после этого, он что-то сделал со мной. Я пытался вспомнить, но так и не смог. Помню лишь, что очнулся потом в новой проекции и был полностью уверен, что являюсь её частью. Совершенно ничего не помнил о жизни до неё. А десять дней назад память постепенно начала возвращаться. Из-за начала запуска нагнетателей.

— Отлично. Думаю, завтра ты окончательно всё вспомнишь, попридержи это знание, пусть будет козырем в рукаве. Марк до сих пор уверен, что ты обо всём забыл. А я уверен, что завтра нам придётся с ним встретиться. У последнего нагнетателя. А ещё я уверен, что он пойдёт до конца.

— Я тоже в этом уверен.

Фёдор Геннадьевич вновь повернулся к доске и нарисовал вторую линию от Марка ко мне.

— Так, мы, хоть и по делу, но немного отвлеклись. Первый нагнетатель был запущен два месяца назад, остальные — в течение последних девяти дней. Завтра будет запущен двенадцатый. Марина уже находится в последней проекции, все остальные попадут в неё завтра. Мой план подразумевает определённую долю риска для всех. Но отказаться сейчас мы не имеем права. Простите, выбора не будет, мы не в той ситуации.

Фёдор Геннадьевич подождал несколько секунд, убедился, что возражений от нас не

последует и продолжил.

— Самая сложная задача — у Марины. Ей необходимо за сегодняшний день собрать всех нас в одном месте, выяснить, где находится нагнетатель, а также, по возможности, выяснить, что задумал Полосков. Марина, только очень аккуратно. Полосков — опасный человек.

— Не волнуйтесь, Фёдор Геннадьевич. Я постараюсь сделать всё правильно. Собираемся у меня на Островского?

— Думаю, да, это самый приемлемый вариант. Собери всех нас, убеди переночевать у себя, любыми способами. Только не переусердствуй сильно, я тебя прошу. Чтобы потом краснеть не пришлось перед коллегами.

— Ой, как будто вы были бы против, Фёдор Геннадьевич.

Фёдор Геннадьевич покраснел, но ничего не ответил. А Марина задорно рассмеялась. Лёжа на диване. С закрытыми глазами. Выглядело это довольно жутко.

— Да ладно вам, шучу. Сделаю всё в лучшем виде.

— Спасибо, Марина. Сеанс связи можно на этом прервать, иначе голова болеть сильно будет. Всё-таки, устройство новое, так что ты первый испытатель.

— Сочту за честь быть соавтором.

— Иди давай, соавтор. Поговорим, когда проекции наши спасём.

— Отключаюсь.

Марина замолчала и продолжила спать, как ни в чём не бывало.

— Марина задание получила, теперь наша очередь. К сожалению, в этой проекции нам придётся разделить. Мне нужны материалы, которые тут довольно распространены. Придётся их добыть и, возможно, нарушить местное законодательство.

Фёдор Геннадьевич заключил все тринадцать кругов, обозначающих проекции, в квадрат и подписал сверху «замкнутый контур».

— А завтра Андрею придётся отправиться в первую проекцию.

На этот раз кружку с чаем выронил я.

— Мне?! Куда?!

— В мир Полоскова. Тебе придётся найти нейтронный поглотитель, переключить в режим нагнетателя и замкнуть на вторую проекцию. На это у тебя будет всего несколько минут, но, если всё пойдёт по плану, ты окажешься прямо рядом с поглотителем.

— А с чего вы взяли, что поглотитель можно переключить в другой режим?

— С того, что любой из нагнетателей может работать в режиме поглощения нейтронов, отделения их от ядер. И я уверен, что в мире Полоскова стоит в точности такое же устройство. Только работать он будет в режиме распределения нейтронов пространственно-временному контуру, а не в режиме перенаправления в следующую проекцию.

— А что тогда произойдёт с первой проекцией?

Фёдор Геннадьевич надолго задумался.

— Это очень сложный моральный вопрос. Боюсь, она будет уничтожена. Рано или поздно. Я понимаю, что на тебе будет лежать тяжёлый груз. Если ничего не менять, то проекция Полоскова будет жить, если же ты вмешаешься, то его проекция будет уничтожена, но, по сути, твоими руками. Прости меня, Андрей, но только ты сможешь это сделать. У нас с Эдиком не было такого опыта хождения между мирами. Если тебе будет немного легче, то считай, что это я убийца. Плана Б у меня нет. Это единственный выход.

— Не беспокойтесь Фёдор Геннадьевич, я согласен. Давно уже всё обдумал.

Фёдор Геннадьевич облегчённо вздохнул.

— Но это понадобится только в том случае, если мы сможем остановить Полоскова. А для этого, нам придётся его обездвижить. В крайнем случае... уничтожить.

Повисло тягостное молчание. Фёдор Геннадьевич намеренно не стал говорить слово «убить». Мы не были убийцами, но понимали, что, возможно, кому-то из нас придётся это сделать. Было тяжело осознавать, что другого выхода нет. По крайней мере, на данный момент. Первым прервал молчание Эдик.

— Что от нас требуется?

— Сегодня план таков. Мне необходим плутоний. Я выяснил, что в этой проекции его открыли целых сто лет назад. Вообще с синтезированием тяжёлых элементов тут всё довольно просто. Поэтому, даже в нашем городе, есть плутоний, причём в больших количествах. Достаточно только позаимствовать пару небольших контейнеров с его оксидом.

— Зачем вам плутоний?

— Чтобы запустить потоковый накопитель, для чего же ещё?!

Мы с Эдиком недоумённо переглянулись.

— Это вы о чём?

Фёдор Геннадьевич, явно ожидавший от нас другой реакции, махнул рукой.

— Молодёжь, классику кинематографа даже не смотрит. Ладно, забудьте. Мне он нужен, чтобы попробовать немного отложить запуск нейтронного нагнетателя. Изотопы плутония крайне нестабильны, а также, во время распада испускают большое количество нейтронов. В теории, если я смогу разработать небольшую ядерную установку на основе плутония, а также добавить в цепь работы нагнетателя, это выиграет нам немного времени. Думаю, пять минут на каждый грамм добытого плутония. Нагнетатель вначале заберёт нейтроны из ядерной установки, а затем уже начнёт добывать и перенаправлять их из предыдущей проекции. Небольшая репетиция завтрашней операции.

— Хорошо, но как мы осуществим ограбление? Наверняка, его ценность высока, и он находится под мощной охраной. Мы ведь не сможем просто прийти и забрать его? Кроме того, плутоний, как вы сказали, нестабилен. Как мы его доставим до вас? И вообще, мы ведь просто аспиранты. Профессиональным воровством никогда не промышляли.

Фёдор Геннадьевич заулыбался.

— Но у вас не было меня! Со мной вы научитесь любой профессии! Отставить панику, сейчас я вам всё расскажу. Начну с простого. Плутоний хранится в специальном герметичном кейсе. Контакт с воздухом исключён, я проверял, поэтому, детонация и воспламенение исключены. Охрана действительно есть, но её я возьму на себя. Вам нужно будет только вовремя оказаться в нужное время в нужном месте и подменить кейс на другой, точно такой же. Взламывать ничего не придётся, убегать от охраны тоже. Камер в этом мире пока не придумали, сигнализации не будет. Я всё спланировал ещё вчера. К тому же, в этом мире ценность плутония не такая высокая, как в нашем, поэтому и охрана его соответствующая.

— Фёдор Геннадьевич, когда вы успели это сделать? Вы полдня потратили на создание коммуникатора.

— Всё верно, но план я придумал довольно быстро. Не продвину больших сложностей.

— Хорошо, откуда нам нужно украсть этот кейс?

— Правильнее спросить не «откуда», а «у кого». Кейс нужно будет украсть у меня.

Мы с Эдиком переглянулись, ничего не поняв. А Фёдор Геннадьевич выдержал театральную паузу, после чего продолжил.

— Вы не ослышались. Дело в том, что в этом мире я в каком-то роде учёный. И сегодня, в три часа дня, мне будет необходимо осуществить транспортировку четырёхвалентного плутония из хранилища ядерного топлива, в НИИ. Передвигаться я буду на паромобиле, в сопровождении всего двух охранников. Плутоний в этом мире, конечно, ценный, но область применения его на практике пока изучена очень плохо. Ваша задача заключается в следующем: прибыть в местный исследовательский центр, проникнуть туда, спрятаться в туалете и дожидаться, пока я не зайду к вам. Там мы быстро меняем кейсы местами, я уйду к сотруднику, которому я должен буду продать плутоний, а вы уходите сюда, на Островского. После чего, мы все вместе отправляемся к нагнетателю и подключаем к нему мою импровизированную установку. Она, кстати, уже готова.

— Звучит несложно. А если охрана зайдёт в туалет вместе с вами?

— Придётся импровизировать. Но не думаю, что до такого дойдёт.

— Фёдор Геннадьевич. Расскажите, а как так получилось, что в этом мире вообще возможно существование плутония? Судя по городу, людям, технике, механика и паровые машины тут развиты очень хорошо, но тех же двигателей внутреннего сгорания мы вообще, с виду, обнаружить не смогли. Жидкокристаллических дисплеев тоже нет, компьютеров, как будто бы тоже.

— Да, тут довольно интересная история. В данной проекции всё очень плохо с органическими соединениями. Нефть, газ, так высоко ценящиеся в других мирах, здесь либо отсутствуют вовсе, либо принадлежат только ограниченному кругу государств. Насколько я смог понять, с топливом проблема глобальная — разведанных месторождений очень мало. Возможно, связано с тем, что развитие техники и науки в этом мире пошло по другой ветви, но, скорее всего, проблема более глобальна. Органические соединения находятся либо очень глубоко, либо их совсем мало, в отличие от нашей проекции.

— Ну хорошо, с органикой всё понятно. А плутоний тут откуда? Он же искусственно добывается в ядерных реакторах, когда уран захватывает избыточные нейтроны. Мы чего-то не понимаем, откуда тут ядерная энергетика?

Фёдор Геннадьевич вновь загадочно заулыбался.

— Попробуйте ответить сами. На основе чего в подавляющем большинстве атомных электростанций вырабатывается электричество?

До меня сразу же дошло. Я даже удивился, почему не догадался сразу. Я хлопнул себя по лбу и рассмеялся. Увидев вопрос на лице Эдика, я поспешил пояснить.

— Фёдор Геннадьевич намекает, что в этом мире, в основе всей этой механики и паровой генерации стоят атомные электростанции, которые вырабатывают пар в огромных промышленных масштабах.

— Всё равно не понял.

— Ну а чего непонятного? Органические соединения тут отсутствуют, либо плохо разведаны. Тут нет угля, нефти, газа. Точнее, их недостаточно для промышленности. Видимо, в этой проекции избыток различных изотопов, что и стало основой производства.

— А при чём тут атомные электростанции?

— Атомная энергетика, в своей основе — это, по сути, просто большой чайник, который в огромных количествах производит пар, вращающий турбины, которые, в свою очередь, вырабатывают электричество. Электричество тут есть, мы это с тобой видели,

значит что-то должно его вырабатывать. Да, тут нет проводов, очень много основано на пневматике, но это тоже следствие отсутствия органики. Полиэтилен и его производные ведь тоже производятся из органического топлива. Изолировать проводку либо дорого, либо невозможно в текущих условиях, поэтому, во всех домах стоят простые динамо-машины, работающие от паропроводов.

— А вот теперь понял. Поэтому и плутония тут с избытком. Скорее всего, в каждом городе стоит атомная электростанция. Тогда, кажется, похищение небольшого количества плутония тут большой опасности не представляет. Когда приступаем?

Глава 24

Ограбление по...

С самого начала исполнение нашего «гениального» плана пошло не так. Фёдор Геннадьевич не появился в назначенное время, да и вообще он куда-то пропал. Связаться с ним не было возможности, мобильные телефоны в этой проекции отсутствовали. В итоге, мы с Эдиком решили разделиться — он остался дежурить возле туалета, а я отправился на поиски нашего научного руководителя. Дорога от НИИ до хранилища была одна — центральная. Конечно, можно было свернуть и поехать в объезд, но в этом смысла не было совсем. Каждый встреченный паромобиль я пристально рассматривал, но не обнаружил в нём никого знакомого.

Дорога до хранилища заняла около часа. Насколько всё же трудно было обходиться без смартфона или, хотя бы, обычного кнопочного мобильного телефона. Всё же, век информационных технологий оставил свой отпечаток, и теперь без таких маленьких удобств просто невозможно было жить. Я не мог позвонить ни Фёдору Геннадьевичу, ни Эдику. Пришлось по старинке, договориться встретиться в шесть часов вечера на улице Островского. Эдик даже нацарапал на двери туалета эту информацию, понадеявшись на то, что Фёдор Геннадьевич будет искать от нас записку, если обнаружит наше отсутствие.

Но сейчас я подходил к хранилищу совершенно один. На карманных часах большая стрелка показывала на четвёрку, поэтому у меня было в запасе ещё часа полтора. До Островского ещё добраться нужно было. Я побродил у входа в хранилище, посмотрел за снующими туда и обратно людьми, а затем решился и вошёл внутрь.

Внутри было довольно душно — толпа людей стояла в нескольких очередях к окнам выдачи. Люди разговаривали, смеялись, ругались, толкали друг друга — в общем, стоял достаточно ощутимый гул. Я встал в одну из очередей, не зная, что мне делать дальше, поэтому начал просто наблюдать, медленно продвигаясь вперёд. Клиенты, подходящие к окнам приёмки наклонялись, доставали какие-то бумажки, подавали в окно, после чего нужные им вещи выскакивали из отверстий, расположенных рядом с окнами. Отверстия были достаточно большими, чтобы можно было получить достаточно крупногабаритные объекты.

Через полчаса наблюдений, я понял, что пришла и моя очередь. Из окна на меня глянула девушка, одетая в строгий костюм. На глазах были напялены огромные очки с толстыми линзами, больше всего напомнившие мне лётные. Голос девушки, на удивление оказался мягким и тихим.

— Что вам?

Я не нашёл ничего сказать, кроме правды.

— П... плутоний.

— Разрешение по второй форме при себе?

— Извините, забыл.

— Без него выдать не могу.

— Простите, пожалуйста, меня шеф убьёт, опять скажет, что я растяпа и пошлёт обратно, нельзя ли без него?

Девушка сняла очки и посмотрела на меня усталыми, но добрыми глазами.

— Молодой человек. Плутоний — нестабильный изотоп. Выдать его могу только при

наличии разрешения по второй форме. Для вас сделаю исключение. Заполните согласие на перевозку материалов повышенной опасности и предъявите удостоверение личности. А также не забудьте указать, с какой целью плутоний будет применяться.

— И это всё?..

— Ну, а что вам ещё нужно — проходите, заполняйте форму и не задерживайте очередь.

Форму согласия на транспортировку я нашёл на столике, который мне указала девушка из окна приёма заявлений. Заполнив все свои данные при помощи автоматического пера, выполненного целиком из металла, я долго думал, что мне написать в графе «область применения». Не придумав ничего лучше, я написал правду — использование для проведения эксперимента при создании компактного ядерного реактора. Я пошарил в карманах сюртука, нащупал удостоверение и вновь встал в очередь. Пришлось простоять ещё полчаса для того, чтобы снова оказаться около окна.

— Андрей Николаевич. Подтверждаете ли вы, что перевозимые вами материалы берёте под полную ответственность?

— Подтверждаю.

— Напоминаю, что при нарушении техники безопасности, вам могут предъявить обвинение в непреднамеренном нанесении ущерба городскому имуществу, а также, при наличии пострадавших, нанесении вреда здоровью, в зависимости от тяжести повреждений. Вам будет выделено двое сопровождающих, которые проследят за целевым применением выдаваемого материала.

— Спасибо.

Через несколько секунд после моего согласия, в зале зазвучал автоматический голос, оповестивший присутствующих о транспортировке опасного изотопа. Люди в толпе довольно буднично восприняли предупреждение. Кто-то надел защитные маски, кто-то дополнительно натянул перчатки, а кто-то просто проигнорировал слова из громкоговорителя и продолжил заниматься своими делами. Из пневматического доставщика выскочил контейнер, в точности напомнивший мне кейс, с которым Эдик ждал меня в назначенном месте.

Сопровождающие уже ждали меня снаружи, около служебного паромобиля. Они не стали представляться, молча открыли мне двери, запустили внутрь, а сами сели вперёд. Также молча мы доехали до научно-исследовательского института, вышли перед главным входом и отправились внутрь. Внутри я сказал, что мне необходимо сходить в туалет, сопровождающие также молча сопроводили меня к нему и встали с двух сторон от дверей.

Зайдя внутрь, я быстро добежал до последней кабинки подёргал за ручку, а потом забарабанил в дверь, поскольку реакции никакой не было.

— Да открываю-открываю, чего стучите.

Дверь открылась, а за ней стоял заспанный Эдик.

— Ну ты даёшь, давай кейс!

— Ты чего?

— Кейс говорю, отдай, соня.

Эдик протёр глаза, увидел такой же кейс у меня в руке и сразу понял в чём дело. Он достал свой и мы поменялись чемоданами.

— Ну всё, я пошёл. Подожди полчаса и отправляйся на Островского.

Уже на выходе из туалета, я чуть не столкнулся с Фёдором Геннадьевичем, который тоже нёс в руках кейс.

— Ты куда собрался? Давай кейс.

— Фёдор Геннадьевич...

— Нет времени объяснять. Давай кейс, мне пришлось задержаться.

Мы снова поменялись кейсами, после чего Фёдор Геннадьевич вышел со своим обратно в холл. Я стоял и хлопал глазами, а Эдик сзади меня еле сдерживался от смеха. Я тоже не удержался и засмеялся, как дурак с настоящим плутоном в руках.

— И что мне теперь делать?

— Иди, отдавай плутоний. Скажи, что больше не нужен.

— Действительно. И что я скажу? Изучил процесс распада плутония сидя в туалете?

Выйдя из туалета, я отправился в приёмную, по дороге размышляя, что делать дальше. Сопровождающие шли за мной, сейчас я подойду к охране, предъявлю удостоверение, после чего охрана скажет, что я не тот, за кого себя выдаю. От волнения я весь вспотел, но, как оказалось, волновался я напрасно.

— Добрый день, Андрей Николаевич. Вам, как обычно, допуск к экспериментальному корпусу?

— Да. Как обычно.

— Проходите. Что там у вас?

— Плутоний.

— Всё, как в транспортировочном листе. Спасибо, дальше мы сопроводим сами.

Молчаливые спутники кивнули в ответ и также молча отправились домой. Я же, с кейсом в руке пошёл искать экспериментальный корпус. Охранник откуда-то знал меня, но я не стал задавать лишних вопросов. К счастью, повсюду в институте были указатели, которые привели меня прямо к нужному месту. Дойдя до нужного места, охранник махнул мне рукой в сторону нужной двери и отправился обратно. А там уже стоял Фёдор Геннадьевич и пытался пояснить коллеге, почему у него в кейсе оказалась дистиллированная вода. До меня доносились обрывки разговора.

— Фёдор Геннадьевич, я буду вынужден написать жалобу. По документам у вас оксид четырёхвалентного плутония, а в колбах вода. Что это за безобразие?! Я сейчас охрану вызову!

— Да ну погодите вы, сейчас разберёмся.

Я поспешил вмешаться.

— Фёдор Геннадьевич, вы у меня кейс забыли! Воду отдайте, пожалуйста, видимо, перепутали.

Лаборант, услышав мои слова, заметно успокоился. А Фёдор Геннадьевич изумлённо уставился на меня. Я подмигнул ему, а потом передал кейс лаборанту. Тот сразу же открыл его и провёл датчиком Гейгера над склянками. Тот громко затрещал.

— Другое дело. Спасибо, молодой человек. Фёдор Геннадьевич ну нельзя же так, честное слово.

— Сам не знаю, что на меня нашло.

Я потянул Фёдора Геннадьевича за рукав.

— Ладно, нам идти пора. Пойдёмте, вы мне обещали с опытом помочь.

— Да-да... Уже иду.

Мы с научруком отправились обратно к выходу. Тот вначале сопротивлялся, поглядывая назад, но сдался, увидев мою настойчивость. Выйдя из НИИ, я поспешил объясниться.

— У нас с Эдиком запасной план был. На случай непредвиденных ситуаций?

— А плутоний...

— Плутоний уже на улице Островского.

По дороге в квартиру Марины, я объяснил всё Фёдору Геннадьевичу, а тот захохотал, когда узнал, что передал мне второй кейс.

— Забавно, конечно. Ну что ж, хоть когда-то нам должно было повезти.

— Лучше бы завтра.

— Что верно, то верно.

Остаток пути мы прошли быстрым шагом. Каждый из нас думал о своём. Я — о предстоящей встрече с Марком, а Фёдор Геннадьевич, наверное, как обычно, размышлял о чём-нибудь возвышенном. На город уже опустился вечер — осень брала своё. В квартире нас уже ждал Эдик и давно проснувшаяся Марина. Оказалось, что она была в курсе наших походов, поэтому согласилась на эксперимент с Фёдором Геннадьевичем. Эдик же добавил красочности в наш рассказ.

— Ну что ж, плутоний у нас, реактор собран, осталось дело за малым — добраться до нагнетателя в НИИ и подключить к нему реактор за пару минут до запуска. У нас всего три грамма плутония, что даст нам, примерно четырнадцать или пятнадцать минут, после чего нас выкинет в новую проекцию. К Марине и Марку. Давайте, напоследок, чайку попьем, у меня весь день ни крошки во рту не было.

Мы сели за стол. Вчетвером. И принялись пить чай. Несмотря на то, что Марина была не из нашей проекции, я почувствовал себя как дома. Мы снова сидели вместе, как и всегда, когда обсуждали очередную идею Эдика, эксперименты, проводимые Мариной, или просто болтали о вечном, когда Фёдор Геннадьевич начинал размышлять вслух. Мы смеялись, спорили, обсуждали друг друга, обсуждали друзей, встреченных в других проекциях. От этого стало очень тепло на душе, и в то же время как-то невероятно тоскливо. Почему-то, глядя в их лица, я вспоминал ту самую палату из своих снов, в которой лежали мои друзья. И слова Марка.

А потом я всё вспомнил. Вспомнил детство, проведённое с Эдиком в детском саду, потом в школе. Вспомнил, как мы поступали в университет и спорили, кто больше баллов на вступительном экзамене наберёт. Вспомнил, как первый раз мы с Эдиком встретили Марину, которая села рядом с нами, поскольку мест в аудитории больше не было. Вспомнил, как мы гуляли вместе по осеннему парку распыливая листья. Как мы учили вместе конспекты, готовясь к сессии. Как Эдик, вечно забывал свою часть лабораторной работы, и мы с Мариной в спешке доделывали её вместе с ним.

И во всём нам всегда помогал Фёдор Геннадьевич — руководитель нашей группы, профессор кафедры ядерной энергетики, доктор физико-математических наук. А ещё я вспомнил двадцать второе июля две тысячи сорок второго года. Именно тогда, мы приняли решение об очередном испытании нагнетателя. И именно тогда, Марк Полосков, вместо Фёдора Геннадьевича позвонил мне. Почему он это сделал, я не понял. Но он пытался отговорить нас от этой затеи, сказав, что ошибся. Кажется, он даже был пьян. Его звонок очень сильно встревожил меня, и я попытался остановить эксперимент, но было уже поздно.

Тогда мне оставалось сделать только одно. И я это сделал.

— Ну что же, нам уже пора. Поболтали, теперь пора работать. Андрюха, что с тобой? На тебе лица нет.

Я улыбнулся, как смог.

— Всё в порядке, Фёдор Геннадьевич. Волнуюсь просто — завтра важный день.

— Это так. Завтра всё решится. Но сегодня у нас есть задача попроще — испытать задержку в запуске нагнетателя при помощи спровоцированной близко ядерной реакции. Каждая минута завтра будет на счету.

И мы отправились в институт. По дороге, я не удержался от вопроса.

— Фёдор Геннадьевич, а что произойдёт, когда мы зациклим цепь из нагнетателей?

— В каждом из миров восстановится обычный порядок вещей, вероятно, люди снова станут воспринимать время так, как и должны. Соответственно, мы все вернёмся в свои проекции.

— А что тогда случилось с нами, когда мы путешествовали по другим мирам?

— Во-первых, в нашей проекции, нагнетатель был запущен давно. Поэтому, я не исключаю, что мы просто зависли в одном мгновении. Во-вторых, всё же, судя по твоему рассказу, мы лежали в больнице, значит что-то пошло не так. Думаю, что пока мы были в других проекциях, а время ещё шло своим чередом, сознание наших альтернативных личностей попадало в наши тела. И, видимо, ничего не могло сделать, раз мы продолжали лежать в коме. В какой-то степени, это хорошо — мне не очень нравится думать, что моим телом управлял кто-то другой, пока хозяина не было.

— То есть, как только нагнетатели будут зациклены, мы все попадём обратно в свои тела?

— Именно так! Всё станет как прежде. А потом нам нужно будет дать другим проекциям то, ради чего они хотели создать нагнетатели — энергию. У меня уже есть мысли, как получать энергию из движения нейтронов между проекциями. Своеобразная нейтронная мельница получится. А связь между мирами открывает огромные перспективы для исследования!

— В некоторых мирах вас нет в живых.

— Да, но я не думаю, что наше сознание настолько уникально. Думаю, что я смогу сформировать теорию перемещения между мирами, так что запасных вариантов у нас несколько миллиардов. К тому же, на первое время, есть ты, есть Эдик — будем использовать вас, в качестве телефонов!

Профессор хохотнул от, как ему показалось, удачной шутки. А тем временем, мы уже подошли к институту. Фёдор Геннадьевич провёл нас по своему пропуску, пояснив, что ведёт группу студентов на демонстрационный эксперимент. В каком-то роде, так оно и было. До запуска нагнетателя в половинную мощность оставалось всего полтора часа времени.

В этом мире, нагнетатель выглядел совсем по-другому. Вместо дисплеев, сообщающих о состоянии устройства, на нём были расположены перфорационные и пишущие машины, которые выбивали, печатали, рисовали текущий статус на длинных рулонах бумаги. Вокруг нагнетателя было установлено несколько турбин, работающих от паропроводов. Эти турбины были соединены с нагнетателем толстыми стеклянными трубами, внутри которых были видны медные провода. Нагнетатель размеренно гудел, пишущие устройства отбивали графики, а лаборанты сновали вокруг, контролируя процесс эксперимента.

Фёдор Геннадьевич достал кейс с плутонием. Но на этот раз, кейс был гораздо тяжелее — он явно прибавил в весе.

— Андрей. Я вновь вынужден просить тебя провести очередной опыт, который может оказаться опасным. В кейсе я оборудовал простейшую ядерную батарейку, работающую на

принципе преобразования энергии бета-распада в электрический ток. Изобретение не новое, ещё в Советском союзе были проведены первые опыты. Но из-за проблем с материалами, кейс довольно сильно фонит. Поэтому, после подключения и переключения вот этих рычажков, держись от него подальше. Подключается очень просто — вот этими клеммы нужно прицепить к выступам на центральном блоке, которые предназначены для резервного питания нагнетателя от внешнего источника. Это позволит ненадолго замкнуть систему нагнетателя. Для того, чтобы процесс пошёл, оксиду плутония достаточно вступить в реакцию с воздухом — именно это и делают переключатели. Свободные нейтроны, по моей теории будут захватываться самим нагнетателем, а электроны будут прогоняться через систему полупроводников и создадут достаточно сильно электромагнитное поле.

— Спасибо, Фёдор Геннадьевич, я всё сделаю, как нужно.

Я вновь направился к нагнетателю. Как и вчера, при приближении к устройству, моё субъективное восприятие времени замедлилось. Я подумал, что, скорее всего, мои движения довольно забавно выглядят со стороны стороннего наблюдателя. Кто-то даже пытался остановить меня, двинувшись следом, но почему-то, поле, генерируемое нагнетателем, подействовало на моего преследователя гораздо сильнее. Какой-то лаборант застыл метрах в десяти от меня.

Я подошёл к устройству, обнаружил нужные мне выступы и подключил клеммы, тянущиеся из кейса. А потом щёлкнул рычажками. Внутри кейса что-то загудело. Я поспешил отойти подальше, следуя советам Фёдора Геннадьевича. Глянул на часы, висящие над входом в помещение — без одной минуты двенадцать. Секундная стрелка бежала по кругу раза в три быстрее обычного. Скоро вокруг нагнетателя должны будут начать появляться порталы, а время для остальных остановится полностью. Но наступил назначенный час и ничего не произошло. Секундная стрелка ещё больше ускорила, люди начали носиться ещё быстрее. Я глянул на часы — пять минут времени на часах в помещении пролетели всего за минуту. Лаборанты носились с большой скоростью, а мои друзья о чём-то переговаривались, активно жестикулируя.

Фёдор Геннадьевич был доволен результатом — это было видно по его улыбке.

Прошло ещё пол минуты, ещё пол грамма плутония распались, отправив свои нейтроны в следующую проекцию. А потом я подошёл к кейсу и выключил ядерную батарейку — время вокруг мгновенно замерло. И я вновь увидел порталы. Оставалось шагнуть в последний портал, за которым меня ждала последняя проекция. Но я не спешил. Что если Фёдор Геннадьевич ошибся, и Марк уже давно нас ждёт? Что если Марк всё предусмотрел и отправившись в последнюю проекцию, мы попадём в ловушку? Я крепко зажал кейс в руках и дождался появления тринадцатого портала.

Он не заставил себя долго ждать — порталом стал сам нагнетатель. На месте устройства появилась непроглядная рваная дыра, сквозь которую тяжело было что-то разглядеть. Я зажмурился и шагнул прямо в неё.

Глава 25

Первая проекция

Открыв глаза, я понял, что оказался в каком-то тёмном помещении. Слабо светились полосы на стенах, но до них было несколько метров, поэтому свет доходил плохо. Тем не менее, силуэт в точности такого же нагнетателя, как в нашей родной проекции, я видел чётко. На полу слабо светилась дорожка, которая, судя по всему, вела к выходу. У меня были целые сутки до тех пор, пока Марк не придёт. Тем не менее, лучше заранее подготовиться к сегодняшнему вечеру. Я подключил клеммы к нужным переключкам и спрятал кейс как можно дальше. Осталось дело за малым — когда Полосков придёт в свою проекцию, нужно будет запустить реактор и зациклить нагнетатель на мой мир. Сейчас это делать категорически нельзя, только в тот самый краткий промежуток времени.

Но пока я должен был выяснить, что же такое случилось в мире Марка Полоскова. В первой проекции. Я отправился по дорожке и каждый мой шаг отдавался гулким эхом и вспышкой света. В какой-то момент, свет в помещении включился автоматически — где-то стояли датчики движения. От яркого света я зажмурил глаза. Когда же глаза немного привыкли, я смог оглядеться.

Помещение было относительно небольшим. Прямо по центру стоял виновник всех наших бед — нагнетатель. По периметру комнаты были расставлены какие-то устройства, назначение которых я сходу понять не смог. Но, поскольку их было ровно двенадцать штук, как и проекций на дисплее нагнетателя — я догадался для чего они были нужны. Помимо устройств, связанных с проекциями, в комнате стоял письменный стол, на котором валялась груда бумаги. А ещё всё помещение было покрыто толстым слоем пыли. Видимо, Полосков давно не заглядывал в свой родной мир.

Я отправился к выходу, решив лишний раз ничего не трогать. На всякий случай, я завёл часы, прихваченные мной из предыдущей проекции — нельзя было опаздывать ни в коем случае. На моё удивление, стрелка на часах указывала на цифру восемь — видимо, правила перехода между проекциями никак не изменились. Либо я умудрился уснуть на краткий миг, который растянулся почти на восемь часов.

Дверь со скрипом отворилась, впустив ветерок и свежий воздух, который тут же жадно начал колыхать бумаги и поднимать пыль. Солнце встретило меня тёплыми осенними лучами. Вдохнув полной грудью, я отправился на улицу. Архитектура строений была довольно вычурной — это был явно не мой город. В основном здания представляли собой высокие шпили, устремлённые в небо. Старых серых многоэтажек не было и в помине. Первая проекция сильно отличалась от всех остальных.

— И как мне тут ориентироваться?

После моих слов, прямо передо мной возникла полупрозрачная голограмма молодого человека в ярко белом костюме.

— Вам нужна помощь?

Я вздрогнул от неожиданности.

— П... простите. Как мне добраться до центра города?

— Позвольте проводить вас?

— Да, конечно. Хотя нет, погодите. Скажите, это какой адрес?

— Ваше текущее местоположение — сектор двадцать семь-два-пятнадцать.

— Спасибо. А вы кто?

— Можете называть меня просто Гидом. Универсальная справочная система. Вы готовы отправиться в первый сектор?

— Да, пойдёмте.

Мы спокойно пошли вместе. Гид вёл меня куда-то, петляя между однообразными строениями. Не будь провожатого, я точно бы заблудился в этой проекции.

— Не могли бы вы рассказать историю нашего мира?

— Какой период вас интересует?

— Недавний катаклизм.

— Вас интересует история спасения человечества от схлопывающейся вселенной?

— Да, пожалуйста.

— Пятнадцать лет назад, группа учёных, под руководством Марка Полоскова доказала, что расширение вселенной после Большого Взрыва было ошибочной теорией. Данная теория гласила о том, что вселенная бесконечно расширяется и расстояние между галактиками увеличивается с каждым мгновением. Но участвовавшие в последнее время слияния больших звёздных систем, а также гравитационные возмущения, которые порождались этими событиями дали понять, что теория неприменима в том виде, в котором она просуществовала с самого начала. Астрономические наблюдения также показали, что расстояние между галактиками стремительно сокращается. За последние только тридцать лет, многие наблюдаемые туманности и галактики значительно увеличились в размерах, что уже привело к большим катаклизмам.

— И каким образом человечество спаслось от катастрофы?

— Марка Полосков со своей командой, разработал устройство, которое позволило создать стабильную сингулярность, охватившую всю Солнечную систему. С одной стороны, это, на первый взгляд, позволило выживать человечеству в ближайшие несколько миллионов лет за счёт того, что материя, свет, и любое другое излучение, которое доходит до горизонта событий, полностью останавливается из-за потенциала гравитационного поля. С другой стороны, сингулярность, полностью ограничило видимую вселенную, а также возможности развития человечеством только границами Солнечной системы. Это является одновременно спасением человечества и его бичом.

— То есть, человечество больше никогда не сможет выйти за пределы Солнечной системы?

— Именно так. Но проблема не только в этом. Существование человечества полностью зависит от одной единственной звезды, которая к тому же, стала проявлять признаки увеличения уровня светимости. Первоначальные прогнозы, которые создавались на основе наблюдения за другими жёлтыми карликами, оказались неверны в рамках изменения условий, в которых наша звезда стала функционировать. Замкнутая система, построенная на сингулярности, не только не впускает внешнее излучение, но и не выпускает внутреннее. Пока учёные изучают этот вопрос, но уже точно известно, что светимость солнечного диска, после герметизации солнечной системы, увеличилась на пять десятых процента, что привело к новым катаклизмам на Земле. В рамках обычной теории, наша звезда должна была преодолеть данную планку светимости только через десять миллионов лет.

— Какие прогнозы?

— Если динамика сохранится, то уже через сорок пять лет на Земле произойдут чудовищные события, которые уничтожат многие живые организмы. К тому времени,

уровень светимости Солнца, его диаметр и излучаемая энергия вырастет на целых полтора процента. Люди смогут укрыться под землёй, в бункерах и в других подобных замкнутых системах. Кроме того, прорабатывается план переселения человечества на более дальние планеты, а также твёрдые спутники газовых гигантов. Но это лишь временные меры, которые только отсрочат уничтожение человечества. Всего через триста лет, при оптимистичном сценарии, Солнце станет на десять процентов больше. Что приведёт к невозможности существования жизни на Земле. А ещё через две тысячи лет, наша звезда станет красным гигантом, после чего жизнь в рамках солнечной системы вряд ли станет возможной принципиально.

— То есть, у человечества, в лучшем случае, две тысячи лет?

— Скорее всего, гораздо меньше. Процесс эволюции нашей звезды будет губительным не только через какие-то достаточно большие промежутки времени. Он будет представлять опасность на протяжении всего существования Солнечной системы как таковой.

— Спасибо за краткий экскурс.

Теперь понятно, почему Полосков не может ждать. Для чего ему понадобился весь этот сумасшедший план. Параллельные проекции для него ничего не значат — это всего лишь другие миры, которые, в силу своих огромных отличий, не представляют для него никакой ценности. Тем не менее, я помнил, как он пытался оправдать свои действия. Значит, он также, как и я, сомневается в своём решении. Но теперь этот выбор предстоит сделать мне. Что для меня важнее — двенадцать проекций или одна? Восемь миллиардов жизней или сто? Есть ли разница в этих цифрах, когда, в любом случае, погибнут люди. Со своими чувствами, страхами, мыслями. Со своими родными, друзьями, близкими, детьми. Мои действия обрекут на неизбежное уничтожение целой вселенной, но спасут двенадцать других. Но самое главное — будет спасена моя проекция. Обмануть себя не получится, именно из-за моего мира я буду готов совершить этот шаг. Одиннадцать других станут лишь средством утешения. Смогу ли я сохранить после такого выбора рассудок? С другой стороны, сохранять уже ничего и не нужно будет. Главное — это спасти то, что ещё можно спасти. А остальное — не важно.

Я погулял ещё по городу со странной архитектурой, почитал местные газеты, не без помощи гида, кратко изучил культуру и быт этой проекции. Людей на улицах было довольно много. Да, по большей части я встречал на их лицах обречённость, грусть, сосредоточенность. Но были и такие, которые ходили и жадно поглощали учебники по физике, механике, математике.

Несмотря на надвигающуюся опасность, многие люди не теряли надежды. Нерешаемая с первого взгляда задача стала стимулом для всего человечества и объединила весь мир. Каждый пытался внести свою лепту. На просторах местной сети каждую минуту появлялись сотни статей о вариантах спасения человечества. Какие-то находили отклик в массах, какие-то терялись в бесконечном потоке новых идей. Невольно, я и сам проникся атмосферой этого обречённого мира. Отрешённость, которую я почувствовал с самого начала отступила. И я начал думать о том, как можно помочь первой проекции. Одно я знал точно, что там, где не справится один мир, может справиться целых двенадцать. Время ещё есть, надежда ещё не умерла. Ведь банально, просто можно создать тысячи порталов в другие проекции, которые перенесут не только сознание, но и тело.

Я ведь смог это сделать. Очевидно, что моего двойника в этом мире не существует — я целиком и полностью, вместе с телом и сознанием перенёсся в этот мир. Полосков

путешествовал в точности также — ему не приходилось перемещаться между телами. Ему достаточно было шагнуть в нужный портал. Так почему другие не воспользуются тем же самым?! Задача сложная, комплексная, огромная, потребует невероятного количества ресурсов. Но она выполнима. Так почему бы не приступить к её решению прямо сейчас?!

Такие мысли и ещё сотни подобных преследовали меня до самой ночи, когда я вернулся обратно в лабораторию Марка. Мне предстояло сделать последний, решающий шаг. И я знал, что неизбежно его осуществлю. А потом, Фёдор Геннадьевич, вместе с моими друзьями что-нибудь придумают. Я в этом полностью уверен.

Портал открылся совершенно внезапно. Единственное, что я успел сделать — это активировать кейс и запустить процесс перекачки частиц. К своему удивлению, я обнаружил, что интерфейс работы нагнетателя был достаточно прост — достаточно было просто выбрать проекцию, в которую полетят нейтроны. И я выбрал самую первую в списке. Свою. А потом появился Полосков. Он уже был готов к тому, что я его буду поджидать.

Пока я колдовал с нагнетателем, он подкрался ко мне и больно стукнул по голове каким-то предметом так, перед глазами поплыло. А сам я прислонился к стене и скатился на пол, закрывшись руками в ожидании нового удара. Но его не последовало. Вместо этого, Полосков смотрел на дисплей нагнетателя, который показывал пятьдесят процентов. А потом загрузка пошла дальше. К счастью, он не догадался посмотреть на статусы других проекций.

— Ну вот и всё. Что сделано — то сделано.

Поняв, что Марк может обнаружить кейс, я быстро затараторил, сидя на полу.

— Марк, я только вчера всё понял. Почти две недели, я копался в памяти, пытался твои поступки оценить. Ну не получается у тебя быть злодеем, которого ты пытаешься из себя строить. Я ведь помню наш разговор у палаты.

Марк отложил битву, которой огрел меня по затылку. Он прекрасно видел, что в текущем состоянии я ему ничего не смогу сделать. А я продолжил.

— Марк. Почему? Ведь были другие варианты? Признайся, ты же рассматривал их.

— Были Андрей. Были. Только все они были либо неосуществимы, либо осуществимы лишь частично.

— Но почему ты решил уничтожить другие проекции?

— Я не решал этого! Побочный эффект, понимаешь? Я работал над нагнетателем, пытался понять, как можно модифицировать процесс деления изотопов, чтобы он высвобождал больше нейтронов. Изначально, я планировал отправить нагнетатель прямо к Солнцу, чтобы поддержать термоядерную реакцию. Думал, что это позволит мне отсрочить нашу гибель хоть на какое-то время. А потом, приборы показали, что нестабильные частицы появляются из ниоткуда! Распад каждого атома плутония давал вначале на один, а потом на десяток нейтронов больше положенного. При этом, протоны и электроны, улавливаемые специальной пушкой, оставались на том же уровне. А такое могло произойти только в одном случае — нейтроны попадали к нам из другой вселенной!

— Но неужели ты не понимал, что это уничтожит наши миры?!

— Поначалу, я вообще не знал, что они существуют, Андрей! А потом, в какой-то момент, нагнетатель дал сбой. Или я сделал что-то, что создало возможность перемещения в другие миры и из других миров, не только элементарных частиц. Я и сам не понял, как это получилось. Просто, в один миг, я поймал радиосигнал из другого мира. А потом я смог переместить твёрдый предмет. Я не могу тебе выдать сейчас полное теоретическое

обоснование — но ведь почти всё в мире вначале было изобретено практически, а потом уже текущие догмы подстраивали под экспериментальные результаты. Абсолютно всё! Мои опыты в будущем опишут другие люди, другие поколения. А сейчас мне нужно сделать так, чтобы эти поколения появились, в принципе.

Полосков не был, ни зол, ни раздражён. Он чертовский устал. И это было видно во всём. Годы работы, экспериментов, создание установок, путешествие между мирами. И всё ради сегодняшнего дня. Он стряхнул с подвернувшегося стула пыль, сел и обхватил голову руками.

— А потом, после запуска первых установок, я понял, что происходит в ваших мирах. Но было уже поздно. Повернуть время вспять я не могу, да и не хочу.

— Марк, но как так получилось, что ты сожалел о том, что сделал? Я ведь был там, когда ты винил себя перед больничной палатой. Я помню наш разговор.

Марк долго смотрел на меня. Как-то сочувственно.

— Вы были моим первым экспериментом. Не знаю, что произошло тогда — времени выяснять не было, но все, кроме тебя сейчас находятся в коме, в вашей проекции. С тобой всё совершенно иначе. Тебя я встретил в нематериальном срезе проекции. Я совершенно не верующий, но объяснить то, что с тобой произошло не в состоянии. Ты можешь перемещаться между проекциями, в каких угодно направлениях, просто сам ещё не осознаёшь. А случилось это потому, что ты, в отличие от других погиб. Я никогда, за все десять лет путешествий между мирами не встречал призраков. Поэтому, увидев тебя я был крайне удивлён. Чёрт, да ты даже вёл себя как классическое приведение — дело было не закончено, друзья балансируют на грани, твой мир будет скоро уничтожен, а основной виновник сбежал. Ты ведь понимаешь, что если бы ты успел уничтожить нагнетатель в моей проекции, то умер окончательно?

— Марк, давай поговорим. Я уже давно всё вспомнил. Зачем всё это? Мы же учёные, а не убийцы. Твой мир, что с ним произошло? Я уверен, что мы сможем его спасти.

Марк покачал головой.

— Мой мир уже не спасти. Точнее спасти его могут только нейтроны и нарушение закона сохранения массы, в рамках исследуемой проекции.

— Я был в твоём мире. И я видел, что ты сделал. Сингулярность получилась случайно?

— Нет, это было осознанное действие. Я попытался защитить солнечную систему от схлопывания вселенной. Двадцать лет назад, мы обнаружили, что вселенная в нашей проекции начала сжиматься. Теория большого взрыва была опровергнута, потому что миллиарды лет назад галактики начали сталкиваться между собой и образовывать огромные квазары, невообразимой мощи и размеров. Наше небо далеко не такое спокойное, как ваше. Точнее оно не было таким спокойным. В отличие от вашего млечного пути, спокойного и равномерного, мы видим несколько подобных картин, уже давно начавших столкновение. Сверхновые у нас — обычное явление. И из-за этого, мы постоянно сталкиваемся с непрекращающимися природными катаклизмами. Гравитационные волны, нарушение магнитного поля, постоянные озоновые дыры.

— Но это ведь не даёт тебе право сделать то же самое с нашими мирами. Двенадцать проекций, Марк! Ты обрекаешь их на уничтожение! Двенадцать проекций, в которых миллиарды жизней.

— Не даёт. Также, как тебе не даёт права остановить меня. Какая разница, десять миллиардов жизней или двенадцать раз по десять?!

— Я лишь пытаюсь спасти свой мир.

— Для других проекций ты герой. Но для моей — ты преступник, которых желает нашего уничтожения! А я стану предателем, поэтому сомневаться мне нельзя. И для этого, мне придётся тебя убить.

— Марк, одумайся...

А потом нагнетатель изменил частоту работы. Звук поменялся и это не скрылось от внимания Полоскова. Я всё же смог его отвлечь от нагнетателя, который получал избыточные нейтроны из процесса распада плутония ядерной батарейки, наконец-то переключил свой режим работы. Нагнетатели были зациклены. Первая проекция стала навсегда соединена с другими мирами нейтронного нагнетателя. Процесс уже нельзя было остановить.

Полосков кинулся к дисплеям, посмотрел на них, а потом повернулся ко мне. Мне показалось, что в его голосе я услышал нотки облегчения. Как будто с его плеч спал огромный груз ответственности. Возможно, именно поэтому мне так легко удалось его одурачить.

— Ах ты засранец, Андрюха.

Это были последние слова, которые я услышал от Полоскова. После этого, нагнетатель заработал в полную мощность, начав возвращать в мой родной мир избыточные нейтроны, скопившиеся в других проекциях. А ещё через несколько секунд, моё сознание захлестнула волна непрекращающейся боли. Видимо, оно тоже состояло из избыточных нейтронов, не являвшихся частью первой проекции. Меня подхватила какая-то сила, подняла вверх, а потом каждый атом моего тела начал возвращаться в свой родной мир. Скорее всего, это произошло в одно мгновение, но для меня оно длилось целую вечность. Когда тело распалось, сознание ещё какое-то время парило в лаборатории Марка Полоскова, наблюдая за происходящим. А потом я вновь попал в комнату с тысячами зеркал.

На этот раз я там был не один — со мной в комнате стояли Эдик, Фёдор Геннадьевич и Марина. Они удивлённо озирались вокруг, не понимая, что происходит. А когда увидели меня, тут же бросились навстречу.

— Ну как, Андрей? Получилось? Мы проснулись в проекции, в которой Марк успел поймать наши альтернативные личности и заковать в наручники. Ничего не могли сделать, а потом поняли, что ты, точнее твой двойник оказался обычным. Он не понимал, что происходит, не узнавал нас и вообще вёл себя так, будто никогда не слышал о нейтронном нагнетателе. Тебе удалось? И вообще, где мы находимся?

Я кивнул головой, улыбаясь во весь рот. Эдик с размаху хлопнул меня по плечу, Марина расцеловала обе щеки. И лишь Фёдор Геннадьевич наблюдал за нами, скрестив руки. Он улыбался, но по выражению его глаз, я увидел, что он всё понял.

— Нам пора возвращаться домой. Правильно, Андрей?

— Да, Фёдор Геннадьевич. Пойдёмте, я вас провожу. Я тут уже был неоднократно.

Я повёл своих друзей, безошибочно выбирая направление движения. А потом подошёл к тому самому зеркалу, за которым лежали трое моих верных друзей.

— Ну вот и всё. Мы пришли. Пора отправляться домой.

На счастливых лицах друзей отразилось удивление. Но они ещё ничего не поняли, а я старался держаться. Я подбадривающе кивнул Эдику и тот прошёл сквозь зеркало. Следующей на очереди была Марина. Она долго смотрела в глаза, пытаясь что-то в них высмотреть. Удивление сменилось тревогой и на лбу появились небольшие морщинки.

— Тут нельзя медлить. Нужно поторопиться. Увидимся дома, Марина.

Кажется, у меня получилось её убедить, поскольку, хоть и неуверенно, но она отправилась вслед за Эдиком. Настал черёд Фёдора Геннадьевича.

— Я так понимаю, теперь нам придётся расстаться?

Я молча кивнул. Фёдор Геннадьевич снял очки, и я увидел, как по его старческому лицу прокатились две небольших слезы. В моих глазах тоже защипало.

— Спасибо тебе, Андрей. Мне стоило догадаться раньше.

— Когда вы всё поняли?

— Вчера, когда тебя не оказалось рядом с нами.

— Фёдор Геннадьевич, вам надо спешить. Тут и правда нельзя надолго оставаться. Теперь я это чувствую.

Фёдор Геннадьевич крепко обнял меня. А потом, не оборачиваясь, шагнул сквозь зеркало. Я протянул руку, но оно от моего прикосновения стало абсолютно твёрдым и ледяным. А потом меня захлестнула волна грохота и разбивающегося стекла.

Моё сознание отказывалось воспринимать то место, куда я попал. Иногда мне казалось, что я висел в полной тьме, иногда я вновь оказывался в комнате с тысячами зеркал. Зациклив нагнетатели, я закрыл себе дорогу домой. Впрочем, возвращаться мне, в отличие от друзей было некуда. И я это понимал. Не знаю, сколько я находился в таком состоянии. Может быть, всего пару минут, а может быть, целую вечность. Из небытия меня вывел тяжёлый металлический голос.

— Сознание субъекта находится в зависшем состоянии. Необходимо принять меры по извлечению сознания из проекционной сети. В противном случае, существует вероятность полного уничтожения субъекта.

— Кто говорит со мной?

— Система планетарной защиты.

— Обелиски? Что со мной?

— Сознанию субъекта запрещён возврат в связи с утратой физиологической оболочки.

— Я умер?

— Физиологическая оболочка не найдена ни в одной из доступных для исследования проекций. Велика вероятность полной утраты.

Несмотря на тяжёлые для меня слова, воспринял я их, на удивление спокойно. Вообще, я почти не чувствовал никаких эмоций.

— Что мне теперь делать?

— Текущее решение заключается в консервации сознания для дальнейшего изучения проблемы.

— Почему вы помогаете мне?

— Субъект является уникальным случаем, изучение которого позволит избежать большого количества угроз, связанных с путешественниками между проекциями. Кроме того, энергетический отпечаток субъекта невозможно в полной мере извлечь из сети, без уничтожения созданной цепи или самого субъекта.

— Понятно, изучать меня будете. А можно мне какое-то более-менее понятное окружение создать? Мне довольно тяжело воспринимать эти бесконечные пейзажи и, тем более, бесконечную пустоту.

После моих слов, я оказался на твёрдом полу, посередине большого ангара. Передо мной стоял огромный обелиск, только не зеркальный, как на других картинках, а абсолютно чёрный. Ангар был почти пустым, но рядом с обелиском я обнаружил небольшое рабочее место с системным блоком и несколькими мониторами. На мониторах были отражены статусы тринадцати проекций.

— Удобно. Спасибо. Нет ничего лучше компьютера с выходом в межпроекционный интернет.

— Человек нуждается в материализации собственных благ, даже если понимает, что является всего лишь энергетической структурой без телесной оболочки. Этот вопрос система изучала веками, но так и не поняла, почему нам нужны простые человеческие радости и материальное воплощение знакомых понятий.

Я вздрогнул, обернувшись на голос. Позади меня стоял высокий молодой человек и загадочно улыбался, осматривая меня и моё рабочее место.

— Обелиски решили сделать вас, если можно так выразиться, системным администратором межпроекционной сети. Интересный выбор, не находите?

— Кто вы? Откуда вы меня знаете?

— Моё имя вам ничего не скажет. Я, можно сказать, один из разработчиков Обелисков. Но мне уже пора. Не могу оставаться здесь на долгое время. А вам, кажется, звонят.

Я обернулся, по указке загадочного человека и увидел на мониторе значок вызова и фотографию звонящего. Марина. Я хотел расспросить молодого человека обо всём произошедшем, но он уже исчез. А моё внимание приковал звонок. Я подошёл к рабочему месту и нажал на зелёную трубку.

На экране монитора появилось заплаканное лицо Марины. Она говорила больше сама с собой, чем со мной.

— Ты знал с самого начала... Я поняла это, но слишком поздно. Андрей, прости меня... Прости нас всех. Мы вернулись в свою проекцию и очнулись на больничных койках. Сразу же, в один миг. Боже, это было невероятно, оказаться в родном городе, в родной квартире после пережитого. Но потом мы узнали, что случилось с тобой. Камеры всё записали, Андрей.

Она вновь заплакала. Мне было жалко её, но я не мог вымолвить ни слова. Потом Марина успокоилась и продолжила.

— Когда ты вернулся в лабораторию, ты попытался остановить эксперимент. Вначале поговорил с Фёдором Геннадьевичем, потом со мной. Но мы тебе не поверили, посчитав, что звонок от Полоскова — или его самого или чья-то ещё нелепая шутка. А потом, ты сам вызывался пойти к нагнетателю. Уговорил всех остаться на своих местах. И он взорвался. Нас задело ударной волной, немного облучило. Но твоего тела даже не нашли. Ты испарился, понимаешь? Ничего не нашли, ни следов ДНК, ни крови, ни пепла. Ты просто исчез, как будто тебя никогда не было в нашем мире. Я знаю, что ты где-то там. Я буду искать тебя всю свою жизнь. Андрей, ты не один, слышишь?

Последние слова Марина почти выкрикнула. И вновь зашла в рыданиях. Марина замолчала, глядя на экран и глотая текущие слёзы и остановила запись. Я погладил её лицо на экране — такое живое, такое знакомое, такое родное.

— Позаботься об Эдике с Фёдором Геннадьевичем. Без нас с тобой они точно кого-нибудь угробят.

Больше книг на сайте - Knigoed.net